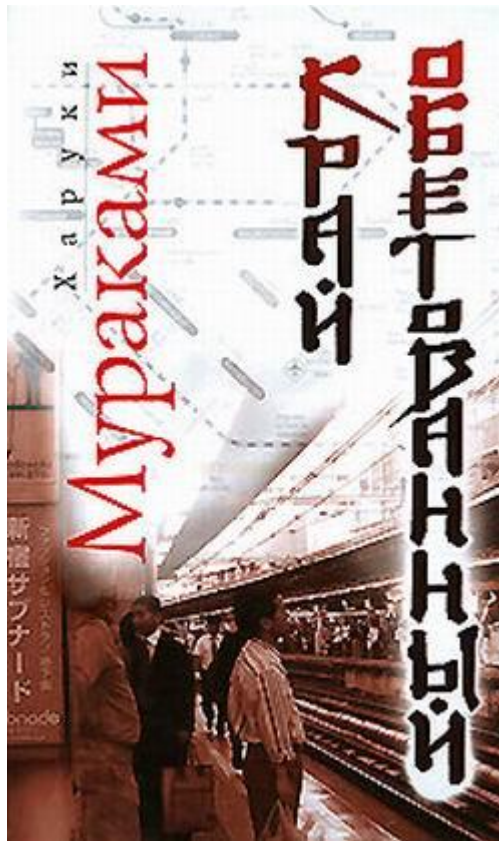

**Харуки Мураками
Край обетованный**

«Мураками Х. Край обетованный»: Эксмо; М.; 2006
ISBN 5-699-19931-4

Аннотация

Все мы хотим разобраться в том, зачем рождаемся, живем на Земле, а потом умираем и исчезаем. И не следует особенно осуждать искреннее стремление найти ответы на эти вопросы. Тем не менее, как раз здесь и можно «нажать не ту кнопку», сделать роковую ошибку. Реальность начинает искажаться, и ты вдруг замечаешь, что край обетованный превратился в нечто иное...

*«Край обетованный» – пожалуй, самая острая и спорная книга выдающегося японского писателя Харуки Мураками, исследующая природу зла в современном мире.
Впервые на русском языке.*

Харуки Мураками Край обетованный

СТАРИК ПРОСНУЛСЯ ПРИ СМЕРТИ

Марк Стрэнд¹
Старик проснулся при смерти

Вот край обетованный,
Обещанный мне, когда я засыпал,
А когда проснулся, его отобрали.

Вот край, неведомый никому,
Здесь имена кораблей и звезд
Уплывают из-под пальцев.

Горы – уже не горы,
Солнце – не солнце.
Забываешь, как все было прежде.

Я вижу себя, вижу
Берег тьмы у себя на челе.
Некогда я был невредим, молод был...

Будто бы уже не все равно,
И вы меня слышите,
А погоды в этом краю когда-нибудь не станет.

Перевод М. Немцова

ПРЕДИСЛОВИЕ

В марте 1997 года (ровно два года спустя после зариновой атаки в токийском метро) вышла моя книга «Подземка», где собраны свидетельства потерпевших и родственников тех, кто погиб в результате этой акции. Как я уже писал тогда в предисловии, взяться за эту книгу меня побудило прежде всего то, что до народа не довели – или довели в крайне усеченном виде и притом почти одними и теми же словами, позаимствованными из формального языка, – конкретные факты и обстоятельства, имеющие отношение к самым обыкновенным людям, пострадавшим тогда в метро. По крайней мере, я искренне так думал.

Как писателю, мне хотелось понять, что это такое – когда человек едет утром в переполненном метро, и вдруг без всякого предупреждения вагон наполняется отравляющим газом – заринном, – и какие изменения произошли (или не произошли) в жизни и сознании людей, оказавшихся в том самом вагоне. Я думал, что мы, «граждане» (хотя в последнее время, пожалуй, слово это немного обесценилось), должны представлять это более отчетливо. Не просто знать, а ощутить реально, кожей, принять как скорбь, терзающую душу. Без этого связанного с нашим повседневным существованием исходного пункта, считал я, нам не охватить в полном объеме перспективу случившегося, не осознать, что для нас значила зариновая атака в подземке и чем была секта «Аум Синрикё».

Мною двигало отнюдь не навязчивое желание встать на сторону «правой стороны», то

---

¹ Марк Стрэнд (р. 1934) – американский поэт канадского происхождения.

есть пострадавших, и заклеить «неправую сторону» – а именно, виновников совершенного преступления. Я также не добивался социальной справедливости. Конечно же, книги, четко ставящие такие цели, очевидно, тоже нужны людям, но я лично стремился не к этому. Свою задачу я видел в другом: дать читателю – да и самому себе – «материал», необходимый для того, чтобы представить не какую-то одну точку зрения, а взгляды сразу многих людей. В принципе, к тому же самому я стремлюсь, когда пишу свои романы.

По правде сказать, работая над «Подземкой», я твердо решил не заниматься сбором информации об «Аум Синрикё». Установил для себя такое правило. Я мало что знал о секте (дело в том, что время, когда о деяниях «Аум Синрикё» больше всего сообщали в СМИ, я провел в США и был как бы отгорожен от информации москитной сеткой) и потому стремился отбирать материал для книги, по возможности оставляя эту страницу чистой. Иными словами, хотелось, насколько возможно, поставить себя на место тех, кто пострадал в тот день – 20 марта 1995 года. В положение людей, которые, ни о чем не подозревая, получили смертельный удар непонятно от кого. Поэтому я намеренно не включил в «Подземку» точку зрения «Аум Синрикё», опасаясь, что взгляды членов секты или ее сторонников не получат четкого изложения, поблекнут и расплывутся. Тогда мне хотелось одного – избежать позиции «и нашим, и вашим», не создать у читателя впечатления, будто автор «с пониманием относится к этой стороне, но в то же время в какой-то мере понимает и другую».

Тем самым я навлек на себя обвинения в «одностороннем подходе», хотя намеренно с самого начала взял за точку отсчета правило: съемочная камера должна быть установлена в одном месте, – и критика в мой адрес не вызвала полезной полемики о книге. Я стремился написать книгу, очень близкую духу людей, которых я опрашивал (конечно, это не то же самое, что занять их сторону), зафиксировать на бумаге – насколько можно живо – чувства и переживания, которые они в те минуты испытывали. Я считал: такое выполнение поставленной мной на том этапе задачи – моя обязанность как литератора, писателя. При этом я отнюдь не выбрасывал из головы религиозного и общественного значения – как в положительных, так и отрицательных аспектах, – которое имеет такое явление, как «Аум Синрикё».

Но работа была закончена, книга вышла, волнение улеглось, все успокоилось, и меня самого постепенно стал все больше волновать вопрос: «Что же такое «Аум Синрикё»? Чтобы исправить определенный информационный дисбаланс, я сосредоточился на сборе свидетельств пострадавших, но когда эта работа была выполнена, меня начали обуревать сомнения, насколько точную информацию об «Аум Синрикё» мы получаем.

В «Подземке» секта «Аум Синрикё» предстает как неопределенная угроза – некий «черный ящик», – жестоко и внезапно вторгающаяся в повседневную жизнь. И я решил попытаться и приоткрыть этот «черный ящик», посчитав, что, сопоставив его содержимое с перспективой, предложенной в «Подземке», или, иными словами, проанализировав их разнородность и однородность, может быть, удастся достичь большей глубины в понимании того, что произошло.

Всерьез заняться «Аум Синрикё» я решил еще и потому, что меня не покидало острое ощущение, будто «сам по себе этот случай не решит в итоге ни одной из основных проблем, вызвавших его». В Японии отсутствует нормальная и эффективная страховочная подсистема, которая в состоянии принимать людей (особенно молодежь), оторвавшихся от главной системы – японского общества, и после трагедии в токийской подземке в этом отношении ничего не изменилось. Организация «Аум Синрикё» сокрушена, но до тех пор пока в нашем обществе существует такой серьезный системный недостаток – своего рода «черная дыра», – похожая, засасывающая в себя людей, структура – подобие «Аум Синрикё» – может когда-нибудь возникнуть вновь, и тогда нельзя будет исключать повторения того, что произошло 20 марта 1995 года. Тревога за это не оставляла меня уже тогда, когда я только начинал собирать материал для этой книги, и сейчас, когда работа над ней закончена, меня это беспокоит еще сильнее (разве нельзя, к примеру, цепочку каких-нибудь «острых» инцидентов с участием школьников воспринять как составную часть ситуации, сложившейся в обществе после, с «Аум Синрикё»?).

Поэтому я сделал вывод, что мне ничего не остается, как, зафиксировав мысли и чувства членов (или бывших членов) «Аум Синрикё», представить их читателю в той же форме, что была написана «Подземка». Так можно будет добиться более глубокого и правильно выстроенного баланса «справедливых сомнений», которые я испытывал с самого начала. Вот к какому заключению я пришел.

Выяснилось, однако, что отбор членов (бывших членов) «Аум Синрикё» для моих интервью – совсем не то, что работа с пострадавшими от зариновой атаки, и дело вовсе не простое. Встал вопрос, по какому критерию вести этот отбор? Возникли также сомнения в некоторой степени фундаментального характера, а именно: кого можно назвать «типичным последователем "Аум Синрикё"» и кто в состоянии судить о том, подходит тот или иной человек под это определение или нет. Были также опасения, не станут ли в конечном итоге неприукрашенные рассказы сектантов – если таких людей удастся отыскать – чем-то вроде религиозной пропаганды. Получится ли что-нибудь из этих рассказов?

Но сколько я ни задумывался над этими вопросами, ответа на них найти не мог. Поэтому для начала решил попробовать взять интервью у нескольких человек, а потом все обдумать еще раз. Впрочем, сказать по правде, такую же авантюрную тактику я применял и когда беседовал с пострадавшими от «Аум Синрикё».

Поиск членов (или бывших членов) «Аум Синрикё», которые изъявили бы желание ответить на мои вопросы, шел по линии редакции журнала «Бунгэй сундзю». Интервью в принципе проходили в том же стиле, что использовался мной в «Подземке». Я старался разговорить человека, добиться, чтобы беседа шла как можно дольше. В ответ на мои вопросы интервьюируемый говорил только то, что хотел. Разговор обычно продолжался три-четыре часа.

Записанное на пленку интервью я переносил на бумагу и отдавал на сверку. Чтобы сохранить своеобразие и естественность речи, я старался вносить в интервью как можно меньше правки, но все-таки корректировал те места, где были какие-то неточности, или менял выражения, которые могли быть неверно истолкованы. Вычеркивал, если говорили: «Что-то здесь плоховато получилось», добавлял, когда слышал: «Это важно. Просто я забыл об этом сказать». И только получив согласие («Теперь все в порядке»), сдавал текст в набор. Я предпочитал, чтобы интервьюируемые по возможности выступали под настоящими именами, хотя псевдонимы тоже принимались, если возникало такое желание. Вымышленное имя или настоящее – в тексте это не указывалось. Все это я подробно объяснял людям, когда предлагал им дать интервью.

Обычно я не проверял достоверность того, что мне рассказывали. Исключение составляли случаи, когда рассказы вступали в очевидное противоречие с известными фактами. Может, такой подход и вызовет возражения, но такова моя работа – выслушать людей и изложить сказанное в как можно более доступной форме. Пусть в книге встречаются кое-какие несоответствия (хотя память – вещь неустойчивая, и теоретически это всего лишь индивидуальная трактовка событий), но «коллективная история», родившаяся из рассказов отдельных людей, очень правдива и достоверна. В ней есть то, что мы, писатели, остро переживаем изо дня в день. Вот что я имею в виду, считая, что это была работа для писателя.

Впрочем, не следует думать, что рассказы пострадавших от атаки «Аум Синрикё», включенные в «Подземку», и беседы с людьми, связанными с сектой, совершенно одинаковы по содержанию и форме. Самое большое различие между ними в том, что в интервью со второй группой я нередко вставлял собственные мысли, иногда высказывал сомнения, вступал в полемику. Если в «Подземке» я старался по мере возможности оставаться в тени, чтобы максимально избавить текст от своего присутствия, то на этот раз – по сравнению с прошлой книгой – у меня было намерение занять чуть более активную позицию. Я посчитал это необходимым, хотя слишком выставлять себя не хотел. Дело в том, что подчас люди, с которыми мне довелось разговаривать, пускались в догматические рассуждения. Оставлять их в таком виде – значило нарушить баланс беседы и было бы явной несурезицей. В этом состоит главное отличие от интервью с пострадавшими.

Хочу сделать одну оговорку. Я не специалист в вопросах религии и не социолог. И отнюдь не считаю себя хорошо осведомленным в этих делах. Я простой, не очень образованный

писатель (то, что это не показная скромность, уже могут подтвердить многие). Мои познания в религии можно сравнить с едва отросшим ежиком волос на бритой голове. Поэтому я понимал, что у меня, скорее всего, мало шансов на победу, если я ввяжусь в поединок в тесных рамках ученого диспута со стойкими оппонентами, знающими религию не на словах. Скажу честно: у меня были такие опасения, когда я приступал к сбору материала о людях из «Аум Синрикё». И все же я решил: будь что будет. Если что-то будет непонятно, так и скажу. Если подумаю, что какие-то рассуждения слишком мудрены, буду говорить: «Тут есть определенная логика, но обычным людям в ней не разобраться». Ничего другого не оставалось. Так я и делал. Говорю это не для того, чтобы оправдаться или показать себя. Чем легковесно жонглировать специальными терминами и поддакивать: «Вот-вот. Вы правы», я предпочитал углубляться в предмет разговора, начиная с самых элементарных, основных вещей и останавливая собеседника, чтобы потребовать пояснений. Мне казалось, что так беседа получится более завершённой.

Кроме того, обмениваясь с собеседниками взглядами на самые обыкновенные вещи, мы стали достаточно хорошо понимать, что хотим сказать друг другу, и в целом я уяснил для себя их образ мыслей (согласен я с ним или нет – совершенно другой вопрос). По крайней мере, для подобных интервью этого вполне достаточно. Детальный анализ психологии собеседника, замечания по поводу моральной и логической обоснованности его позиции не являются непосредственной целью моей работы. Более подробным изучением религиозных вопросов, определением их социального значения пусть занимаются специалисты. С этим все ясно. Я же пытаюсь представить здесь другое – образ этих людей с позиции человека, который общался с ними лицом к лицу.

В то же время, беседуя с этими людьми с глазу на глаз, нельзя было не ощутить совершенно очевидного сходства между писательским трудом и их религиозными порывами. В самом деле, здесь чрезвычайно много общего. В этом нет никаких сомнений. Хотя, наверное, нельзя утверждать, что эти две сферы имеют одни и те же корни. Ведь кроме общего у них есть и решающие отличия. В процессе разговора эти люди вызывали у меня личный интерес, а подчас – и что-то вроде раздражения.

Как бы то ни было, возникает ощущение, что, возможно, именно в силу наличия у меня такой точки зрения я – человек, не имеющий специальных знаний о религии, – мог в зависимости от обстоятельств либо охотно соглашаться с тем, что мне говорят, либо категорически отвергать. Возьму на себя смелость добавить, что в конечном итоге в этих интервью далеко не последнюю роль сыграло то, что принято называть здравым смыслом.

Если говорить о моих личных впечатлениях, то, как человека, год проработавшего над «Подземкой», меня до сих пор глубоко возмущают действия членов секты «Аум Синрикё», распылившими газ в токийском метро (я имею в виду непосредственных исполнителей и тех, кто в той или иной форме замешан в этой акции). Я своими глазами видел пострадавших от зариновой атаки – они продолжают мучаться и сейчас, – я был свидетелем бесконечных страданий тех, кто навеки потерял любимых людей. Забыть это невозможно, и такое преступление не может быть оправдано никакими побуждениями и обстоятельствами.

Но в целом, что касается степени причастности – реальной, морально-духовной или структурной – секты «Аум Синрикё» к этому инциденту, споры будут идти и дальше, и справедливое суждение на сей счет пусть выносит читатель. Я брал эти интервью не для того, чтобы заклеить членов секты – настоящих и бывших – и не для того, чтобы как-то переоценить их в новом свете. Хотелось бы, чтобы это было понятно с самого начала. Я предлагаю читателю то же, что стремился передать в «Подземке», – живой, «из плоти и крови», материал, необходимый для того, чтобы представить не какую-то одну точку зрения, а взгляды сразу многих людей.

***

После выхода «Подземки» и после того, как «Бунгэй сундзю» закончил публиковать ее продолжение, у меня состоялись две продолжительные беседы с профессором Хаяо Каваи. Своего рода диалог, хотя я главным образом задавал вопросы, а господин Каваи на них отвечал. После долгой работы над «Подземкой» и ее продолжением многое оставалось неясным и никак не хотело обретать форму. Эти беседы дали мне четкие (и в то же время наводящие на

серьезные размышления) ответы с точки зрения психолога, позволили разобраться, что к чему. Я не могу представить на месте господина Каваи другого человека, способного развеять мои сомнения.

Конечно, мне как писателю в дальнейшем литературном процессе надо будет тщательно изучить и разобраться со всем, что оставила во мне эта работа. На это уйдет еще много времени. Не думаю, что все сразу легко уляжется по своим полочкам. И сейчас я очень благодарен господину Каваи за подсказки, как подвести под этим психологическую черту.

Содержащиеся в этой книге интервью публиковались в «Бунгэй сьондзю» с продолжением в 1998 году – в номерах с апреля по октябрь. Хочу сердечно поблагодарить главного редактора «Бунгэй сьондзю» Такахиро Хирао, нашедшего для меня место на страницах журнала, и редакцию в лице Ёсио Омацу, который с большим терпением занимался вместо меня решением сложных практических вопросов, сыпавшихся на нас один за другим (как представитель так называемого «поколения Аум» он сделал немало полезных замечаний). В выходе интервью в свет отдельной книгой большую помощь оказал сотрудник издательства Кадзухиро Мураками.

В «Бунгэй сьондзю» публикация называлась «После „Подземки“». Однако книгу я назвал «Край обетованный».

А ВДРУГ ЭТО И В САМОМ ДЕЛЕ «АУМ »? Хироюки Кано (р. 1965)

Родился в Токио, но вскоре переехал с родителями в соседнюю префектуру, где и прошло его детство. Есть младшие брат и сестра. Учась в колледже, серьезно заболел и начал заниматься йогой в зале, принадлежавшем «Аум Синрикё». Уже спустя двадцать дней Сёко Асахара стал убеждать его уйти в секту, что он и сделал через пять месяцев. Старший «самана»²; во время происшествия в токийском метро входил в созданное «Аум Синрикё» Министерство науки и техники, где в основном занимался компьютерной техникой. Провел в секте шесть лет своей жизни, и считает эти годы замечательным, безмятежным временем, которому положила конец зариновая атака. Приобрел в секте много друзей.

Из секты пока не вышел, но покинул общину и с другими членами секты держится на расстоянии. Живет в Токио один, работает на дому с компьютерами; самостоятельно продолжает медитации. Интересуется буддизмом, мечтает постичь глубины теории. Говорит, что не хочет «быть на попечении братства». Многие его знакомые и приятели порвали с сектой. Ему еще тридцать два года, и он пребывает в сомнениях, не зная, какую дорогу выбрать дальше.

За время нашей продолжительной беседы ни разу не упомянул Сёко Асахару. Не только не назвал этого имени, но и не употреблял «пограничных» слов, вроде «учителя» или «гуру». Вообще избегал имен. По всей вероятности, просто не может подобрать слов, которыми можно выразить отношение к факту существования Сёко Асахары. За всю беседу только раз сказал «этот человек». Это произвело на меня сильное впечатление.

Я имел дело с человеком, любящим порассуждать, склонным к размышлениям. Такой может понять и принять все что угодно, если только сумеет подвести под это теоретическую базу. При этом для перехода от жестких догм, которыми он долго напивался, к «собственной, живой теории» ему еще понадобится время.

В детстве я был очень жизнерадостным и хорошим парнем. Уже в начальных классах вымахал за метр шестьдесят – сантиметров на двадцать выше сверстников. Любил заниматься спортом, и вообще был натурой увлекающейся. Но после шестого класса вдруг перестал расти, и теперь уже был ниже других ребят. Душевное состояние замедлило физическое развитие. Да и на здоровье сказалось.

Учился неплохо, хотя и довольно неровно, и уже в седьмом классе четко определил для себя, что хочу делать и чего нет. Учеба давалась легко, но вызывала какое-то мощное

---

² Здесь – послушник; человек, посвященный в «учение» Сёко Асахары и связавший жизнь с «Аум Синрикё».

внутреннее сопротивление. Слишком велика была разница между тем, чему хотелось научиться, и тем, чему учили в школе...

Учиться – значит становиться умнее. А в школе все держится на зубрежке – надо запоминать всякую ерунду, вроде численности поголовья овец в Австралии. Тут сколько ни зубри, ума все равно не наберешься. Ум – если мыслить образами детства – это то, чем обладает Снусмумрик из семейства Муми-троллей. Таким мне и представлялся взрослый человек – спокойным, умным, находчивым, сообразительным.

А что за человек ваш отец?

Как сказать... Обыкновенный «сарариман»³. Спец по типографским машинам. Мастер золотые руки, а вот поспорить, порассуждать о чем-то – это не его. Грубый, раздражительный; руки, правда, не распускал. Типичный ремесленник. Спросишь у него что-нибудь – он тут же из себя выходит. Прямо как учителя в школе. Их сколько ни спрашивай, все без толку. Они от этого только голову теряют, объяснить ничего не могут. Странно! Самостоятельные взрослые люди, а чуть что – сразу меняются в лице, сердятся, расстраиваются. Взрослых я воображал совсем другими.

Я окончательно понял, что это две большие разницы, когда сидел без работы и смотрел по телевизору сериал «Жены по пятницам». Тут уж я совсем разочаровался. Что это за взрослые, если они дальше не растут, не развиваются!

То есть вы разочаровались, потому что считаете персонажей сериала совершенно бесполезными людьми?

Именно. После этого сериала от моих представлений о том, каким должен быть взрослый человек, камня на камне не осталось. Люди становятся старше, набираются знаний, опыта, но внутреннего развития у них никакого. Они меняются внешне, приобретают поверхностные знания, а во всем прочем остаются как дети.

Еще у меня были очень серьезные сомнения по поводу любви. Годам к девятнадцати я много пропустил через себя и пришел к следующему выводу: чистая любовь к другому человеку и так называемая «романтическая любовь» – разные вещи. То есть когда любовь чистая, настоящая, для себя тебе от нее ничего не надо. А романтическая любовь – это другое. Тут уже примешивается желание, чтобы тебя полюбили. Если любишь по-настоящему, отсутствие взаимности не должно угнетать абсолютно. Чего страдать, что тебя не любят, если у твоей избранницы все хорошо. Ну а если страдаешь, значит, все-таки хочешь, чтобы тебя полюбили. Так что это разные явления. Я это понял и благодаря этому куда меньше мучился от неразделенной любви.

Ну, тут у вас, по-моему, с логикой перебор. Обычный человек, даже если у него случилась безответная любовь, до такого и не додумается.

Очень может быть. Я жил, думая только о таких вещах. К двадцати годам у меня накопилось порядком философских заключений такого рода. Я погружался в раздумья и мог просидеть так отрешенно часов шесть. Это и есть для меня «учиться». А то, чему учат в школе, – это вроде погони за отметками.

Иногда я пробовал заговорить об этом с приятелями, но разговора не получалось. Подойдешь к кому-нибудь потолковее и слышишь восторженный ответ: «Ну ты даешь! Надо же до чего додумался! Это круто!» И все. Людей, с которыми можно вволю наговориться о самом интересном, мне что-то не попадалось.

Обычно люди начинают мучиться такими важными вопросами с наступлением половой

---

³ Служащий, «человек, живущий на зарплату» – искаж. от англ. salary – «зарплата» и man – «человек».

зрелости и берутся за книги в надежде отыскать в них полезный совет.

Читать я не люблю. Совсем. Потому что начнешь читать – и натыкаешься на разные ошибки и несуразицы. Особенно в книгах по философии. Несколько штук прочитал, но больше в меня уже не полезло. Для меня философия – такая штука, которая дает углубленное познание мира и позволяет определить, что требуется для его улучшения. Если более конкретно, то благодаря погружению в сущностные ценности, вроде смысла жизни и прочего, жизнь становится полнее и радостнее, человек видит, что нужно сейчас делать. Вот эти самые шаги к усовершенствованию мира и есть главное, а то, что мы проходим на этом пути, – всего-навсего промежуточные ступени. Между тем, у меня сложилось впечатление, что книги, которые я читал, пишутся заслуженными людьми только для того, чтобы поупражняться в словесной эквилибристике и покрасоваться перед читателем: мол, вот какой я умный. Когда я это понял, читать сразу расхотелось. А заодно наступило разочарование в самой философии.

В шестом классе я еще вот до чего додумался. Попались мне как-то на глаза ножницы, и вдруг пришло в голову: ведь их кто-то делал. Взрослые люди занимались этими ножницами, старались, чтобы вышло получше, но когда-нибудь эти ножницы непременно сломаются. И так случается со всеми предметами, имеющими форму. И с людьми тоже. В конце концов все они умирают. Все в этом мире движется прямым к своей гибели, и назад пути нет. Иначе говоря, гибель – космический закон. Вот такой вывод возник у меня в голове, и с тех пор я по жизни пессимист.

Раз у человеческой жизни один конец, не все ли равно, станешь ты премьер-министром или кончишь свои дни бродягой? Я засомневался: коли так, к чему тогда все старания и усилия, какой от них толк? Родилась даже страшная мысль: если в жизни приходится больше мучиться, чем радоваться, может, мудрее будет поскорее покончить с собой?

Выход может быть только один – «загробный мир», жизнь после смерти. Это единственная возможность. Впервые услышав эти слова – «жизнь после смерти» – я подумал: «Какая чушь!» И все же решил почитать Тэцуро Тамба⁴. Настрой, правда, у меня был скептический – просто захотелось посмотреть, что за чепуху он написал. Книжка называлась «Что нас ждет после смерти».

Вообще у меня такой характер: стоит за что-то мыслью зацепиться, всю голову себе изломаю. «Обойдется как-нибудь» – это не для меня. Мне обязательно надо все разложить по полочкам – что понятно и что непонятно. Это касается и учебы. Узнаешь что-то новое, и тут же рождается десяток новых сомнений. И пока от них не избавишься, дальше двигаться невозможно.

Учителя, должно быть, вас не любили? (смеется)

Терпеть не могли. Я, например, не признавал словечки типа «иссиня-зеленый». Как такое может быть? Или «семь раз упасть, восемь раз подняться». Что это? Почему подъемов на один раз больше, чем падений? Я набрасывался на взрослых со своими сомнениями, а они только на смех меня поднимали. Даже разговаривать не хотели, никто ничего толком не объяснял. Смотришь на таких и думаешь: «Ну что за люди!» Почему все должно оставаться как в тумане? Как можно плевать на то, что непонятно? Душа этому противилась.

Я бы как-нибудь сумел объяснить, что значат эти слова (смеется), но тогда вокруг вас не было никого, кто мог бы ответить на такие вопросы. Обыкновенные люди в детали особенно не вдаются, и ничего – обходятся, живут себе дальше.

Верно. Но у меня так не получалось. Мне казалось, нельзя так жить – гладко, ни за что не цепляясь.

Так вот. Книжка самого Тэцуро Тамба показалась мне никчемной, зато в ней упоминались

---

⁴ Тэцуро Тамба (р. 1922) – японский киноактер. Многие годы занимался изучением спиритизма, автор книг на эту тему и фильма о загробной жизни.

сочинения Сведенборга⁵. Я их почитал и был поражен. Этот Сведенборг был известным ученым и в наше время вполне мог бы заслужить Нобелевскую премию по физике, но после пятидесяти у него открылись способности медиума. Он очень много писал о потустороннем мире. Читая Сведенборга, я восхищался остротой его логики. По сравнению с другими авторами, писавшими на эту тему, у него все логически безупречно. Причинно-следственные связи исключительно убедительны, и потому написанному веришь.

Захотелось погрузиться в эту область поглубже. Я ознакомился со свидетельствами разных людей, которые пережили состояние между жизнью и смертью, и они привели меня в замешательство своей удивительной похожестью, независимо от того, кому принадлежали – японцам или иностранцам. Это были свидетельства реальных людей, с их фотографиями. Очень маловероятно, что все они сговорились одинаково соврать. Потом я познакомился с законом кармы, который развеял многие сомнения, мучившие меня с детства.

Еще я понял, что непостоянство всего сущего в буддизме есть то же самое, что закон движения вселенной к своей гибели, о котором я размышлял. У меня всегда был негативный взгляд на такие вещи, но из-за этого было очень легко воспринимать буддизм.

А книги о буддизме вы читали?

Серьезных – нет. А в том, что читал, прямых ответов не нашел. Средства улучшить мир не обнаружил. Там говорилось о разных сутрах, но сути я не увидел и до того, что хотел узнать, так и не добрался. Об этом куда яснее говорилось в рассказах людей, деливших своим личным опытом. Хотя, конечно, далеко не всему в них следовало верить.

Каким-то образом я твердо знал, чему в этих рассказах можно верить, а чему нет. Не знаю, чем это объяснить – может, опытом или интуицией, но во мне была непонятная уверенность в своей способности отличить одно от другого.

Мне кажется, вы последовательно исключаете все, что противоречит вашим теориям и ощущениям. Я хочу сказать, что в мире существует множество самых разных вещей, которые бросают вызов чьим-то теориям и взглядам. Своего рода противоположных ценностей. И вы, похоже, не очень хотите иметь с ними дело.

Взрослым всегда было трудно меня переспорить, даже когда я еще учился в начальной школе. Все взрослые казались мне идиотами, хотя я знал, что это не так. Сейчас об этом жалею. Маленький был, не понимал. Если чувствовал, что переспорить не удастся, в перепалку старался не ввязываться. Беспроигрышная игра. В младших классах я и учителям не уступал. Это сделало меня слишком самоуверенным.

Зато с приятелями я общался нормально. Для каждого у меня была своя тема. Я всегда знал, что нужно сказать в той или иной ситуации, поэтому друзей у меня хватало. Я прожил так лет десять – радуя своих товарищей и получая от этого удовольствие. А дома, наедине с самим собой, начинал думать над тем, как дальше сложится жизнь. И в конце концов оказалось, что среди моих знакомых нет ни одного человека, которому было бы интересно то же, что и мне.

Без особой подготовки я поступил в электротехнический колледж. Пошел по технической линии, хотя это было не совсем то, чего мне хотелось. На самом деле меня интересовали знания, имеющие отношение к поиску подлинной мудрости. Например, систематизация восточной философии с позиций естественных наук. Это если в идеале.

Возьмем биофотоны, частицы света, испускаемые живыми организмами. Если взять подробную статистику о связи этих биофотонов с разными болезнями, то здесь, как можно предполагать, существуют физические законы. Они обязательно должны действовать и между слабыми частицами света, выделяемого живой материей, и колебаниями сердечной мышцы. Это я вынес из занятий йогой.

---

⁵ Эмануэль Сведенборг (1688-1772) – шведский ученый, мистик, философ и теолог. Его сочинения сформировали основу вероучения Церкви Нового Иерусалима, или Новой церкви.

Значит, для вас очень важно количественно измерить эти силы, иметь возможность зафиксировать их визуально?

Совершенно верно. Это позволяет привести все в такую систему, которая способна убедить всех. В этом смысле современная наука устроена замечательно. В ней все здорово продумано. Я думаю, что, пользуясь этим и выстраивая математические аргументы, можно создать довольно тонкую и точную систему. В «Аум» тоже есть очень ценные элементы. И мне бы хотелось, чтобы они в сути своей были сохранены. В форме религии этого уже не добиться. Здесь можно подвести теоретическое обоснование только на научной основе.

То, чего нельзя измерить научными средствами, меня мало интересует. Дело даже не в интересе – просто это неубедительно, а значит, нельзя донести до окружающих, какие им будут от этого выгоды. Если такая неизмеримая субстанция обретет силу, мы получим нечто вроде «Аум». А измерив ее, можно исключить эту опасность.

Но насколько могут соответствовать реальности такие измерения? Не зависят ли их результаты от той или иной позиции, тех или иных взглядов? Кроме того, существует опасность манипулирования информацией. Людям придется решать, устроят ли их такие измерения. Есть и вопрос о доверии к измерительным средствам.

Полагаю, в таких случаях можно пользоваться статистическими методиками, которые обычно применяются в медицине. «Такие-то симптомы означают то-то. Лечить их надо так-то». Что-нибудь в этом роде.

Как я понимаю, к художественной литературе вы равнодушны?

В общем, да. Страницы три могу выдержать, не больше.

Я – писатель, и в отличие от вас считаю самым важным как раз то, что не поддается измерению. Разумеется, я не отказываю вам в праве жить и мыслить по-своему. Я придерживаюсь нейтральной позиции – не говорю ни да, ни нет. Но жизнь большинства людей состоит из множества мелочей, рассчитать или измерить которые невозможно. И изменить эту ситуацию, сделать так, что все это можно было бы измерить, нереально.

Согласен. Я не думаю, что мелочи, о которых вы говорите, ничего не стоят, но если взглянуть на мир, где мы живем, то, мне кажется, в нем слишком много страданий. И причины, их порождающие, множатся в нашем обществе прямо на глазах. Люди страдают от неконтролируемых желаний – тревоугодия, жажды секса.

«Аум» удалось сделать вот что – ослабить такой психологический стресс и усилить за счет этого возможности отдельной личности. Последователи «Аум» на 99 % видели в братстве именно это. Взгляд на духовные и физические явления. Способ усовершенствования жизни, решения проблем. Вот что такое «Аум» при взгляде изнутри. А все эти разговоры об организации, апокалиптической философии – это выдумки средств массовой информации. Среди моих знакомых нет людей, всерьез воспринимающих пророчества Нострадамуса⁶. Рассуждениями на таком уровне никого не убедишь.

Мне хотелось бы хоть как-то систематизировать на научной основе некоторые элементы восточной философии – такие как переселение душ и карма. Поезжайте в Индию. Там вы найдете множество людей, для которых эти понятия – часть жизни; они верят в них интуитивно. А в развитых странах сейчас такое время, когда нужна подходящая теоретическая база. Без нее люди этого не поймут и не примут.

До войны часть японцев верила в божественное происхождение императора, и эти люди

---

⁶ Нострадамус (Мишель Нотрдам, 1503-1566) – французский врач и астролог, лейб-медик Карла IX, получил известность как автор «Столетий» (1555), содержавших предсказания грядущих событий европейской истории.

умерли за свою веру. Вы считаете, это правильно? В такое можно верить?

Если этим все кончилось, что ж, это нормально. Хотя, мне кажется, если задумываешься о следующей жизни, лучше жить ближе к буддизму.

Но тогда это всего лишь разные объекты веры – император или буддистское переселение душ. Разве не так?

Только результат разный. То, что человек получает после смерти, веря в императора, – не то же самое, что дает вера в буддизм.

Вы говорите как буддист. Однако те, кто верил в императора, считали, что если они умрут за него, их души упокоятся в мире в храме Ясукуни⁷. Это нормально, вы считаете?

Поэтому я и думаю, как доказать буддизм математически. Такой метод пока не разработан, поэтому мы с вами и спорим. Не знаю, что еще можно к этому добавить.

То есть, если бы существовал метод, позволяющий теоретически измерить императора, вы бы возражать не стали?

Не стал. Чего возражать, если человеку от этого после смерти стало лучше.

Я вот что хочу сказать. Если заглянуть в историю, окажется, что науку нередко использовали во имя политики или религии. Например, этим занимались нацисты. Существовало много учений лженаучных, как потом выяснялось. В результате обществу были нанесены очень болезненные раны. Положим, вы выстраиваете строгую доказательную базу, но обычные-то люди... Стоит какому-нибудь авторитету сказать: «Наука пришла к такому-то выводу», – и они это глотают и идут, куда им сказали. Меня это очень пугает.

Меня вообще пугает нынешняя ситуация. В нашем мире люди испытывают много никому не нужных страданий. Потому-то я и задумываюсь над вопросом, как этого избежать.

Кстати, как получилось, что вы оказались в «Аум Синрикё»?

Я прочитал книгу о том, как медитировать в домашних условиях. Попробовал, и тут случилась странная вещь. Я занялся этим делом без особого пыла, но, попробовав почистить чакры⁸, почувствовал, что мои жизненные силы убывают. Вообще-то очистка чакр должна сопровождаться укреплением духа, но со мной этого не произошло. Мои чакры оказались разбалансированными, мне стало совсем паршиво. То в жар бросало, то в холод. Из меня будто высосали энергию, напала анемия. Ситуация была опасная. Я перестал есть, дошел до 46 килограммов. А сейчас во мне 63. На лекциях в колледже я буквально загибался, учиться совсем не мог.

Как раз в это время я и пришел в зал «Аум» в Сэтагая. Там мне объяснили, что со мной, рассказали, как с этим справиться. Прописали элементарные дыхательные упражнения, и я стал поправляться. Так быстро, что поверить трудно.

После этого месяца два я почти не бывал там, но потом стал ходить регулярно и три недели помогал готовить листовки. Скоро состоялось занятие «секретной йогой», во время

---

⁷ Синтоистский храм в Токио, место поклонения японцам, погибшим в войнах. «Проблема храма Ясукуни» является одной из ключевых в отношениях Японии с соседними странами, в частности – с Китаем и Южной Кореей, которые постоянно критикуют японских руководителей за посещение храма, рассматривая это как приверженность милитаристскому прошлому Японии.

⁸ В йоге – зоны концентрации психической энергии.

которого можно было напрямую пообщаться с Основателем⁹. Я спросил, как можно окончательно вылечиться, и в ответ услышал: «Ты должен прийти к нам». Меня как бы просветили насквозь. Все, кто при этом присутствовал, были удивлены: раньше такого никому не говорили. И я решил бросить колледж и ушел в братство. Мне тогда было 22.

Мало кто начинал так, как я, – с ухода в братство. Это редкий случай. Но я так ослабел, что еле ноги волочил. Дальше так жить было невозможно. Мне было сказано: «Для этого мира ты не подходишь», и я согласился – убеждать меня не требовалось. Собственно разговора у нас не было, он заявил это сразу, без всякой подготовки. Обычно он почти не разговаривает, но может многое сказать, просто глядя тебе в лицо. Словно все о тебе знает. Вот почему люди ему верят.

Можно, однако, предположить, что перед тем, как встречаться с людьми, он собирал на них досье. Самую разную информацию.

Может быть. Но в то время мне так не показалось. Я присоединился к братству в 1989 году, и тогда нас было еще не так много. Двести с небольшим. А под конец стало около трех тысяч.

Когда он был добр, добротой с ним не мог сравниться никто. Во всяком случае, я не встречал людей добрее. Но и в гневе не было человека страшнее. В нем ощущалась такая пугающая широта, что даже от нескольких сказанных им слов возникало убеждение, что этот человек наделен наитием свыше.

Уход в братство дался очень тяжело. Родителей расстраивать не хотелось, да и к новым религиям отношение у меня было резко отрицательное. Выслушав меня – я постарался объяснить все, как следует, – родители подняли страшный крик, от которого я не знал куда деться. Крик был их главным оружием. Вскоре умерла мать. Я очень переживал. Незадолго до того на нее свалилось много всего – стрессы и прочее, – и случившееся со мной стало чем-то вроде последней капли. Отец, должно быть, думает, что это я ее убил. Наверняка¹⁰.

***

В Наминомура я пробыл пять месяцев, работал шофером-дальнобойщиком. Возил крупноблочные панели на четырехтонном грузовике. Всю страну объездил. Ничего работа. Баранку крутить все же приятнее, чем жариться на солнце на стройке.

Жизнь в братстве оказалась суровой – даже не сравнить с тем, как я жил в миру, – но необыкновенно полной и содержательной. Я благодарен ей за то, что она избавила меня от внутреннего разлада. А еще у меня появилось много друзей – взрослых, детей, бабушек, мужчин, женщин. В «Аум» все думают в первую очередь о духовном росте, поэтому у нас много общего. Раньше, чтобы поладить с человеком, мне приходилось приспособливаться, менять себя, но с приходом в братство необходимость в этом отпала.

Мои сомнения развеялись. Я получил ответы на все вопросы. Все прояснилось. Будто кто-то сказал: «Делай так и будет так». У меня был готов ответ на любой вопрос. Я ушел в это с головой (смеется). В средствах информации об этом не сообщают, зато сразу начинают кричать об управлении сознанием. На самом деле ничего этого нет. Это делается только для того, чтобы поднять рейтинги ток-шоу. Точным изложением фактов никто себя не утруждает.

После Наминомура я вернулся в центр «Аум» у горы Фудзи и занимался там

---

⁹ Сёко Асахарой. – Прим. автора.

¹⁰ Сразу после прихода Кано в братство состоялись выборы в нижнюю палату парламента, в которых участвовало немало кандидатов от «Аум Синрикё». Он не остался в стороне от избирательной кампании и был убежден, что Сёко Асахара станет депутатом. Похоже, он и сейчас не верит, что за Асахару почти никто не голосовал. Многие его последователи считают, что выборы были подтасованы. После выборов Кано определили в созданную сектой строительную бригаду и послали что-то строить в Наминомура (префектура Кумамото). – Прим. автора.

компьютерной техникой. Моим шефом был Хидэо Мураи¹¹. Мы иногда беседовали. Меня интересовали кое-какие вопросы, которыми хотелось заняться поглубже. Когда я сказал ему об этом, он без особого интереса ответил: «Занимайся, раз охота». Он вообще все внимание уделял выполнению распоряжений сверху.

Под «сверху» вы имеете в виду Сёко Асахару?

Да. У меня возникло ощущение, что Мураи изо всех сил старается подавить собственное эго. Поэтому ему не было никакого дела до новых идей, поступающих снизу. Но если кто-то хотел чем-то заниматься, что-то изучать, он не возражал.

В братстве я считался «помощником мастера». Это самый высокий ранг для тех, кто не относится к руководству. Что-то вроде заведующего отделом в частной компании. Довольно скромно, правда? Подчиненных у «помощника мастера» нет. Ни одного. То есть я занимался своей работой сам по себе, никто меня не ограничивал. И людей, которые находились в таком же положении, было много. Послушать средства информации, так в братстве все находилось под жестким контролем, прямо как в Северной Корее, но в действительности многие занимались чем хотели. Конечно, мы могли свободно приходить и уходить. Личного транспорта мы не имели, хотя каждый мог взять машину, когда хотел.

Однако затем последовал целый ряд спланированных насильственных преступлений – убийство адвоката Сакамото и его семьи, суды Линча, распыление зарина в городе Мацумото. Как вы это восприняли?

В воздухе носилось какое-то возбуждение. Происходило что-то подозрительное, тайное. Но что бы мне ни казалось, боюсь, тогда я все равно упрямо настаивал бы на том, что у нас все правильно. Потому что братство дало мне так много. Поверить сообщениям средств информации было невозможно. На братство наговаривают специально, считал я. Но примерно через год стал думать: «А может, это и вправду было».

Я был уверен, что наша организация никак не могла столько лет скрывать такое. Я имею в виду «дело Сакамото». Просто не могла. Что ни говори, а порядка братству очень и очень не хватало. Было как при коммунизме: ошибайся сколько хочешь – никто тебя не уволит. Вроде бы работали, а зарплату не получали. Вряд ли это можно назвать безответственностью, скорее здесь полное отсутствие чувства «личной ответственности». Все выглядело очень расплывчато, приблизительно, незавершенно. Казалось, ничто не имеет значения, важен лишь духовный рост. В обычном мире у людей есть жены, семьи, они ощущают свою ответственность перед ними и работают изо всех сил. В «Аум» этого не было.

Например, завтра на стройплощадку должны привезти металлоарматуру. Не привезут – стройка встанет. И не привозят. Человек, который за это отвечает, мямлит: «Ох ты! Совсем забыл». И все, инцидент исчерпан. Поругают немножко, и ему хоть бы что. Другие – то же самое. Достигли состояния, когда суровая повседневность уже не волнует. Даже если что-то плохое случается, говорят: «Карма плохая. Ничего не поделаешь», – и все довольны. Человек подвел других, его ругают, а он думает, что очищается за счет этого (смеется). Крутые ребята! Что бы ни было, им хоть трава не расти. На обыкновенных людей они смотрят сверху вниз, как бы говоря: «Страдаете? Ну и пусть. Нам до вас дела нет».

Вы провели в «Аум» шесть лет – с 1989-го по 1995 год. Неужели за это время у вас не возникло никаких проблем или сомнений?

Какие проблемы? Кроме благодарности, удовлетворения и ощущения огромной пользы я ничего не испытывал. Ведь даже в тяжелые моменты я всегда знал, что мне самым подробным

---

¹¹ Глава действовавшего в «Аум Синрикё» Министерства науки, один из организаторов газовой атаки в токийском метро. В апреле 1995 года убит ультраправым экстремистом за несколько минут до ареста.

образом объяснят, в чем дело, что происходит. Нет, я имею в виду не то, что в братстве были люди, перед которыми я лично особенно преклонялся или которых уважал. Ответы на эти вопросы мог дать любой «мастер», не говоря уже о тех, кто стоял выше. И самана, хотя и не относились к «мастерам», тоже имели представление о религиозных учениях. А наверху – одни самородки. Чем выше, тем круче. Например, Фумихиро Дзёю¹². В братстве много не менее красноречивых и ярких личностей. В «Аум» точно есть нечто такое, что отличает его по уровню от обычного мира. Чем значительнее человек, тем меньше он нуждается в сне. Многие в братстве спят не больше трех часов. Хидэо Мураи из их числа. Это человек, в котором поражает все – душевная сила, здравомыслие...

Доводилось вам встречаться лично с Сёко Асахарой, разговаривать с ним?

Доводилось. В прошлом, когда братство еще было малочисленным, люди часто подходили к нему с разными глупыми проблемами, типа «Что-то меня в последнее время в сон клонит». Но с ростом рядов это постепенно сошло на нет. Встретиться с ним наедине стало невозможно.

Не раз я проходил что-то вроде инициации. Это тяжелое испытание. Особенно проверка на жароустойчивость. Использовались и наркотические вещества – ЛСД¹³, хотя тогда я ничего в этом не понимал. После наркотика кажется, что кроме души у тебя ничего не осталось. Тела совсем не чувствуешь, смотришь в самые глубины самосознания, разглядываешь там что-то. Удовольствия мало, я вам скажу. Голова как ватой набита, ощущение, будто ты уже умер. Я не знал, что это наркотик, думал, просто какое-то средство, которое помогает в религиозной практике.

Но вроде были случаи, когда у людей из-за наркотиков случались галлюцинации и они получали серьезный удар по психике.

Думаю, все дело в дозе или так получалось, когда ничто другое не работало. У нас было Министерство медицины, которое возглавлял Икуо Хаяси, но работали они из рук вон плохо. Если бы там посерьезнее наукой занимались, проблем бы не было. И потом, в братстве считалось, что человек должен пройти через разные испытания, преодолеть их. Хотя в таких делах лучше проявлять больше чуткости.

А где вы были в марте 1995 года, когда произошла газовая атака, чем занимались?

Сидел в Камикуйсики у себя в комнате за компьютером. У нас был выход в Интернет, и я часто пользовался сетью, чтобы посмотреть новости. Вообще-то такие вещи запрещались, но я потихоньку нарушал это правило. А еще иногда отлучался за газетами и раздавал всем, чтобы читали. Попадись я на этом, заработал бы предупреждение, только и всего.

В тот день, проглядывая в Интернете заголовки новостей, я и узнал о происшествии в токийском метро. Но я и подумать не мог, что это сделал кто-то из «Аум Синрикё». Кто угодно, только не братство.

После этого в Камикуйсики явились следователи. Казалось, дело идет к аресту всех членов Министерства науки и техники по ложному обвинению. Поэтому я счел за лучшее удалиться – сел в машину и уехал. Так что во время обыска меня там не было. В любом случае у меня и мысли не возникло подозревать братство в причастности к этому делу.

---

¹² Один из руководителей «Аум Синрикё», фактически второе лицо после Сёко Асахары. Одно время возглавлял отделение секты в Москве. В 1997 г. был приговорен к трем годам тюрьмы по обвинению в подлоге и даче ложных показаний на процессе по уголовному делу о терактах, совершенных «Аум Синрикё». После освобождения в декабре 1999 г. объединил остатки «Аум» в организацию «Алеф», которую и возглавил.

¹³ Диэтиламидлизергиновой кислоты; обладает выраженным галлюциногенным действием.

Даже когда его¹⁴ арестовали, я не чувствовал ни малейшего возмущения. Казалось, что сделать все равно ничего нельзя. Для приверженцев «Аум» эмоциональные проявления вроде гнева – признак незрелости. Добродетельным поведением считается не гнев и раздражение, а желание глубже заглянуть в суть вещей и подумать, как лучше поступить в той или иной ситуации. Важно делать то, что тебе по силам и что имеет сейчас наибольшую ценность.

Все собрались обсудить, как вести себя дальше, и выработали генеральную линию: мы должны заниматься духовным тренингом. У нас не было трагического ощущения безвыходной ситуации, мы не чувствовали себя загнанными в угол. В братстве стояла тишина, как в оке тайфуна. Вокруг звон и грохот, но стоит сделать шаг, и попадаешь в мир, где царит полное спокойствие.

Подозрения, а вдруг это и в самом деле «Аум», появились у меня после того, как пошли аресты и признания. Я был давно знаком почти со всеми, кого арестовали. Узнав, что рассказали эти люди, я подумал: похоже, правда, раз они так говорят.

Впрочем, они это сделали или нет, для членов «Аум» такой вопрос не имел значения. Их больше волновало, не закроется ли для них дорога подвижничества. Вот что важно. А не то, лежит на «Аум» какая-то вина или нет.

Но догматы «Аум Синрикё» получили развитие, результатом которого стали преступления, смерть и страдания многих людей. Все это было заложено в них изначально. Как вы думаете?

Это совершенно другое дело. Тантра-Ваджраяна¹⁵. Ее практикуют только люди, достигшие высочайшей стадии. Нам все время твердили, что Ваджраяна открывается лишь тем, кто овладел Махаяной. Мы же стояли на много ступеней ниже. Поэтому у нас и в мыслях не было сомневаться в том, что мы делали. Даже после того происшествия.

Однако независимо от стадии, высокой или низкой, Ваджраяна – важное звено доктрины «Аум» и имеет большое значение, не так ли?

Может быть и так, но для нас это все равно что рисовая лепешка на картине – далеко от того, что мы обычно делаем и думаем. Очень далеко. Чтобы достичь такого уровня, требуются десятки тысяч лет.

И поэтому вы считаете, что к вам это не имеет отношения? Но представьте, что вы поднялись на очень высокую ступень, до уровня Ваджраяны, и вам говорят, что для достижения нирваны нужно убить человека. Приказывают убить. Пошли бы вы на такое?

Логически все просто. Если, убив, ты поднял человека, это для него большее счастье, чем жизнь. Такая логика мне понятна. Но этого не должны себе позволять люди, не обладающие способностью проникать в процессы переселения душ и возрождения. Не надо лезть в такие дела. Если бы я четко представлял, что происходит с людьми после смерти, мог помочь им возвыситься, может быть, тоже решил бы на такое. Но в «Аум» не было ни одного человека, кто дошел бы до этого уровня.

Однако нашлись пять человек, которые на это решились.

Это сделали они, но не я. Вот в чем разница. Я не дозрел до того, чтобы брать на себя

---

¹⁴ Асахару. – Прим. автора.

¹⁵ Или тантрический буддизм – направление буддизма, образовавшееся в V в. и утверждающее возможность достижения состояния Будды в земной жизни. Отличие от Махаяны – крупнейшего, наряду с Хинаяной, направления буддизма (его окончательное формирование относится к первым векам нашей эры) – состоит в том, что тантра предлагает более «скорый путь» к спасению, что некоторыми понимается как оправдание убийства как средства освобождения.

ответственность за такие действия. Я боюсь, для меня это совершенно невозможно. Думаю, здесь не должно оставаться неясности. Человек, который не в состоянии отследить переселение души другого человека, не имеет права отнимать у него жизнь.

А Сёко Асахара имел ?

Тогда, я думаю, имел.

И вы можете это как-то измерить? Объективно доказать?

Нет, сейчас не могу.

Значит, он подлежит суду по законам нашего общества, и какой бы ни был приговор, ничего сделать нельзя?

Да. Я не говорю, что все в «Аум» правильно. Но «Аум» несет в себе много ценного, и мне хочется это как-то использовать на благо обыкновенных людей.

Но если рассуждать с точки зрения элементарного здравого смысла, до того, как обыкновенным людям предоставили благо, совершилось преступление – этих самых людей взяли и убили. Как вы будете, не разобравшись внутри себя с тем, что произошло, убеждать, что в «Аум» есть и хорошее, говорить о какой-то пользе? Кто же вам поверит?

Вот почему я считаю, что нельзя больше преподносить «Аум» в нынешнем виде. Я остаюсь в братстве, потому что оно дало мне очень много. И до сих пор дает. Лично я пока с этим не разобрался. Мне кажется, еще остаются возможности. Может, здесь логика поставлена с ног на голову? И есть еще надежда? Вот я и пытаюсь четко отделить для себя то, что мне сейчас понятно, от непонятного.

Хочу подождать пару лет и, если ситуация с «Аум» не изменится, я, наверное, оставлю братство. А пока надо многое обдумать. Но в одном «Аум Синрикё» точно впереди всех – из происходящего не делается никаких выводов. Что бы ни говорили люди, никакой реакции – полная глухота. Никаких трагических ощущений. Вот как члены «Аум» говорят о зариновой атаке: «Это сделали другие. Мы тут ни при чем».

Я же думаю иначе: то, что произошло в токийском метро, – ужасно. Такого делать нельзя. Во мне это страшное событие категорически не уживается с тем хорошим, что я испытал в братстве. Короче говоря, люди, у которых возобладало осознание плохого, уходят из «Аум», а те, в ком хорошее перевешивает плохое, остаются. Я же нахожусь как раз где-то посередине. Посмотрим, что будет дальше.

Что касается людей, на которых лежит это преступление, то до того, как совершить его, они тоже ведь жили и действовали, слушая слова основателя, и получали от этого большую пользу. На этой стадии у них не было преступных побуждений. И может быть, они вырвались из этого состояния с мыслью, что продолжают движение по назначенному им пути.

Я ПЛАНИРУЮ СВОЮ ЖИЗНЬ ПО ПЮЮЧЕСТВАМ НОСТРАДАМУСА Акио Намимура (р. 1960)

Родился в префектуре Фукуи. Отец работал в компании по производству цемента. Имеет старшего брата и младшую сестру. Хотел изучать литературу и религию, которые увлекли его в школе, но упрямый отец не принял его выбора. Они не смогли договориться. «Тогда буду работать», – сказал сын и, оставшись в городе Фукуи, устроился на фирму, торговавшую запчастями для автомобилей. В старших классах учился без всякого удовольствия, только книгами зачитывался – и полностью оторвался от действительности. Большинство книг были по религии и философии.

С тех пор не раз менял работу, но не прекращал много читать; размышлял, писал, продолжал интересоваться разными религиями. Через тридцать с лишним лет, прожитых на свете, пронес четкое убеждение, что он не создан для этого мира. Искал общее с людьми, которые так же, как и он, существовали, не смешиваясь с основным течением, и не признавали его ценностей. Хотя в своих поисках не мог избавиться от сомнений, что идет куда-то не туда, был не в состоянии целиком отдаться чему-то одному. Ничего не изменилось, даже когда он вступил в «Аум».

Сейчас он вернулся в родной город, работает в транспортной фирме. Давно влюблен в море и часто ходит купаться, как в прежние времена. Бредит Окинавой. Его доводят до слез фильмы Хаяо Миядзаки¹⁶. «Это доказывает, что во мне живут нормальные человеческие чувства», – говорит он.

После школы я не знал, что делать: уйти в отказ от мирской жизни или просто взять и умереть. Мысль о работе вызывала отвращение. Хотел посвятить себя религии, если представится возможность. Или миру будет лучше, если я умру? Ведь что такое жизнь? Накопление грехов, и только. С этими мыслями я пришел на фирму по торговле запчастями. Меня поставили на продажу автомобильных шин, но на первых порах дело не клеилось. Явившись на автозаправку или в автомагазин, я с порога говорил: «Здравствуйте!» – и умолкал. Застывал на месте. Хотелось сквозь землю провалиться, да и потенциальные клиенты чувствовали себя не в своей тарелке. Так что поначалу ничего не получалось.

Но мне повезло – сослуживцы отнеслись ко мне по-доброму, старались подбодрить: мы, мол, тоже сначала двух слов связать не могли, но постепенно разговорились. Постепенно я привык, наловчился, и мало-помалу все наладилось. Я многому там научился. Отработал два года и ушел из-за того, что у меня отобрали водительские права. Не хотелось людей напрягать, и я уволился.

Как раз тогда один мой родственник из Токио организовал частную школу. Я решил с ним посоветоваться, что делать дальше, и он сказал: «Приезжай». Когда я заявил, что хотел бы стать писателем, в ответ услышал: «Будешь сочинения у школьников проверять. Для будущего писателя полезно».

Так в 1981 году я в первый раз приехал в Токио и стал работать в его школе в районе Ота. Но все оказалось совсем не так, как мы с ним условились. Родственник встретил меня холодно: «Писателем быть хочешь? Брось ты эти бредни. Посмотри вокруг. Жизнь-то – не сахар». К сочинениям меня не подпустили: «Куда тебе!» Пришлось заниматься всякой ерундой – следить за порядком, убирать классы и все в таком роде. Вообще-то мне понравилось с детьми возиться, но жить было тяжело – одна работа. Спал в сутки не больше двух-трех часов. И не только я один, такие драконовские порядки были для всех. Моего терпения хватило на полтора года. Я бросил это место.

После работы в Фукуи у меня оставались кое-какие сбережения. Я решил жить на эти деньги и готовиться к писательской карьере. Стал безработным. На три года. Жил максимум на пятьдесят тысяч иен¹⁷ в месяц. Кроме еды больше ни на что не хватало. Хотя много денег мне и не требовалось. Я только читал и писал. Еще мне повезло с районом, где я поселился. В округе было пять библиотек, где я свободно брал книги. Бегал трусцой в порядке тренировки – сегодня в одну библиотеку, завтра в другую. Жил одиноко, но это меня не особенно угнетало. Хотя большинство людей одиночество переносят с трудом.

В то время я много читал сюрреалистов – Кафку, «Надю»¹⁸... Посещал университетские фестивали, собирал там журнальчики и брошюры от разных студенческих обществ. У меня появились приятели, с которыми можно было поговорить о литературе. Один из них был с

¹⁶ Хаяо Миядзаки (р. 1941) – мастер японской мультипликации.

¹⁷ 1 доллар США примерно равен 115 иен.

¹⁸ Франц Кафка (1883-1924) – австрийский писатель. «Надя» (1928) – лирическая повесть Андре Бретона (1896-1966), французского поэта и теоретика литературы, одного из основоположников сюрреализма.

философского факультета университета Васэда. Он познакомил меня с Витгенштейном, Гуссерлем, Сю Кисида, Кацуити Хонда¹⁹. Мне очень нравились трогательные истории, которые писал этот парень. Сейчас, правда, я вижу, что это было голое подражание Ютака Хания²⁰.

У моего знакомого был друг по имени Цуда, член «Сока гаккай»²¹, который изо всех сил старался затянуть меня в свою организацию. Мы с ним много спорили о религии, пока он не заявил: «От разговоров ничего не изменится. Ты думаешь, я тебя обманываю. Попробуй сам – человек совсем другим становится». Я попробовал, пожил с ними с месяц и понял, что это не мое. Их религия помогает людям добиться успеха в этом мире. Меня влекло более чистое учение. Вроде «Аум». Мне казалось, что «Аум» стоит ближе к истокам буддизма.

Когда деньги кончились, я пошел грузчиком в транспортную фирму, обслуживавшую универмаги «Сэйбу». Два года отпахал в «Сэйбу», что в Икэбукуро. Работа, конечно, была тяжелая, хотя я давно увлекался боевыми искусствами, закалял тело и физического труда не боялся. Меня приняли на повременку, так что платили мало, но я работал за троих. Мышцы нарастил – будь здоров. После работы ходил еще на занятия в вечернюю журналистскую школу. Думал научиться писать репортажи и все такое. Как Сатоси Камата²².

Но к тому времени я уже начал уставать от жизни в Токио. Чувствовал, что грубею здесь душой. Становлюсь жестоким, раздражительным. В то время у меня проснулся интерес к экологии, и я стал подумывать о том, не вернуться ли мне в родные места, поближе к природе. Со мной всегда так – стоит чем-то загореться, и уже ничто меня не остановит. Характер такой. Тогда это была экология. Так или иначе, асфальтовые джунгли вытягивали силы. Нестерпимо тянуло домой, на океан взглянуть. Океан я обожал с детства.

В общем, вернулся в родные пенаты и пошел на строительство атомного реактора на быстрых нейтронах «Мондзю». Верхолазом. На эту свою работу я тоже смотрел как на тренировку, хотя занятие очень опасное. Со временем к высоте в какой-то степени привыкаешь, но опасность остается. Я несколько раз падал, едва не погиб. Сколько же я там проработал? С год, наверное. Со строительной площадки открывался великолепный вид – океан лежал как на ладони. Я еще из-за этого выбрал эту работу. Чтобы видеть океан. Там он действительно потрясающе красив. Красивее места в округе не найдешь.

Но хорошо ли человеку, который хотел охранять природу, работать на атомной станции?

Вообще-то я собирался написать об этом репортаж. Думал, если напишу, то с меня спишется, что я строил эту станцию. А может, утешал себя этим. Вы «Мост через реку Квай»²³ смотрели? У меня была примерно такая же идея. Человек что-то делает, кладет все силы, а под конец сам же это разрушает. Бомбу закладывать я, конечно, не собирался, но как сказать... Раз все равно изгадят мой любимый океан, пусть уж лучше я это своими руками сделаю. Вот какое у меня было состояние. В душе творилось бог весть что.

Прошел год. Я расстался с «Мондзю» и махнул на Окинаву. Купил на заработанные деньги подержанную тачку, заехал на паром... На Окинаве жил в машине, беззаботно

---

¹⁹ Людвиг Витгенштейн (1889-1951) – австрийский философ и логик. Эдмунд Гуссерль (1859-1938) – немецкий философ, основатель феноменологии. Сю Кисида (р. 1933) – японский психоаналитик и философ. Кацуити Хонда (р. 1933) – японский журналист, вскрывший множество фактов, имеющих отношение к преступлениям, совершенным японскими оккупационными войсками в Китае, в частности – к «нанкинской резне» 1937 года, когда были убиты десятки тысяч мирных жителей.

²⁰ Ютака Хания (1909-1997) – японский писатель, первым отметивший талант Кобо Абэ.

²¹ «Общество создания ценностей» – влиятельная буддистская организация, в основе идеологии которой лежит модифицированное учение религиозного деятеля XIII в. Нитирэна. В Японии у «Сока гаккай» свыше десяти миллионов последователей.

²² Сатоси Камата (р. 1938) – японский журналист. Работал корреспондентом «Нью-Йорк Тайме» в Токио.

²³ Фильм (1957) британского режиссера и сценариста Дэвида Лина о военнопленных в японском концлагере, которые в финале картины разрушают возводимый ими по приказу японцев стратегический мост через реку.

переезжал с одного пляжа на другой. За два месяца такой жизни я влюбился в местную природу. Там такой океан... Везде разный. У каждого уголка побережья свое лицо. Очень замысловатое. Я наслаждался этими видами. Полюбил вместе с природой окинавцев, их культуру. Каждое лето у меня начиналось что-то вроде «окинавской лихорадки», нападала охота к перемене мест. И я уезжал на Окинаву. Из-за этого ни на одной работе не получалось задержаться надолго. Приходило лето, и я тут же, никому ничего не говоря, снимался с места и отправлялся на Окинаву.

Пока я вкалывал на стройке и разъезжал по Окинаве, умер отец. Это было в феврале 90-го года, перед моим тридцатилетием. Знаете, отца в нашей семье никто не любил. Люди считали его хорошим человеком, но в домашнем кругу это был настоящий тиран, он заставлял всех плясать под свою дудку. Напивался и становился буйным. В детстве мне от него не раз доставалось. Но со временем я окреп и, не дожидаясь, бил первым. Сейчас мне стыдно об этом вспомнить. Сын должен быть почтительнее к отцу.

Отец занимал руководящий пост в местной организации компартии. Нравы в Фукуи консервативные, и если у тебя такой отец, нормальную работу найти шансов мало. Я, к примеру, хотел стать учителем, но, наслушавшись разговоров, что с отцом-коммунистом рассчитывать не на что, в педагогический колледж решил не соваться. Все время злился на отца, что он в компартии. То есть я его за характер ненавидел, но идейная почва тоже имела большое значение. Меня всегда тянуло к религии, но отец... Он был материалист и рационалист. Из-за этого у нас постоянно возникали конфликты. Стоило мне заикнуться о религии, как он тут же мне рот затыкал: «Чтоб я этой религиозной дури больше не слышал!» Прямо кипел от злости. Меня это очень угнетало. Почему он себе такое позволяет? Почему ему плевать на все, что бы я ни делал и ни говорил?

Когда отцу стало плохо, я был на Окинаве. Я тут же рванул в Фукуи и еще застал его живым. Он умер от алкоголизма, от цирроза печени, ужасно мучился. Под конец уже ничего не ел, только все время прикладывался к бутылке. Исхудал страшно. По сути, сам себя на тот свет отправил. Он лежал в постели и сказал мне: «Ну что? Потолкуем?» А я ему: «Знаешь, умирал бы ты лучше». В каком-то смысле, может, я его убил.

После похорон и поминок я вернулся на Окинаву и стал работать на стройке. Но расставание с родными не прошло просто так – накатила жуткая тоска. Смерть отца я встретил спокойно. Словно ничего не случилось. Семья собралась, нам было хорошо вместе. Но на Окинаве со мной вдруг случился срыв. Как будто меня живьем затянули в преисподнюю: «Все! Конец! Мне отсюда не выбраться!» Я перестал есть, нервы стали совсем никуда. Депрессия. Нервная депрессия в тяжелой форме. У меня ехала крыша, и я это понимал. В дождь, когда работа останавливалась, я целый день валялся на кровати, накрывшись с головой. Все шли играть в патинко, оставляя меня одного. Люди говорили теплые слова, стараясь меня подбодрить, и я был им очень благодарен, но от их сочувствия легче не становилось.

Как-то я проснулся в три часа ночи в ужасном состоянии. И подумал: «Вот оно, конец!» Казалось, я схожу с ума, сейчас потеряю сознание. И тут же позвонил матери. Она сказала, чтобы я немедленно возвращался домой. Но и в Фукуи моя душевная болезнь не прошла. Она засела глубоко и отступать не собиралась. Целый месяц я просидел дома, ничего не делаю.

А спасла меня окинавская шаманка – юта... Знаете, я читал книгу «Птица-молния: приключения в Африке» Лайалла Уотсона²⁴. Она произвела на меня сильное впечатление.

Интересная, верно?

Ведь в ней главный герой – Бошье – тоже эпилептик и шизофреник. Но повстречавшись с Учителем, этот душевнобольной человек проходит у него учебу и становится колдуном. Иначе говоря, находит возможность превратить свои минусы в плюсы. И люди его зауважали. Я читал

---

²⁴ Лайалл Уотсон (р. 1939) – южноафриканский ученый и писатель. Автор многих книг, в которых предпринимается попытка объяснить биологическую природу естественных и сверхъестественных явлений.

и думал: «Ведь это же про меня!» Занялся этим вопросом и выяснилось, что о юта писали абсолютно то же самое. На Окинаве еще оставался такой путь к спасению. «А может, и я смогу стать юта? Вдруг у меня есть способности?» Так я нашел выход из тупика.

Я поехал на Окинаву и смог попасть к одной знаменитой юта. Нас собралось несколько десятков человек, но из этой толпы она вызвала меня одного и проговорила: «Тебя что-то мучает». Читала у меня в душе, как в раскрытой книге. «Это все из-за отца. Ты привязан к нему. Надо порвать эту связь. Забудь о нем и сделай шаг в новом направлении. Позаботься о матери, если она жива. Живи как все люди. Это самое главное». От этих слов у меня как камень с души свалился: «Ура! Я спасен!» Я уже долго работаю в одной и той же фирме. На Окинаву летом не уезжаю. Решил заботиться о матери и нормально работать, не бегая с места на место.

Да... Эдриан Бошье должен был уйти «на ту сторону». Ему ничего другого не оставалось. В вашем же случае сохранилась возможность вернуться в этот мир, и вам было сказано, что лучше вернуться.

Да, именно так. Женись, расти детей. Это и будет твоя духовная практика. Самая серьезная. Вот что она сказала.

Я довольно давно слежу за разными направлениями в религии. Так сказать, вытягиваю антенну и ловлю волны. Мне далеко не безразлично христианство; о связи с «Сока гаккай» я уже рассказывал. В христианских церквях и сейчас бываю. Так что, говоря о том, что было в жизни, «Аум» – лишь маленькая часть. И все же «Аум» дал мне сильнейший толчок. Вот какой мощью обладала эта организация.

В 1987 году, когда «Аум» только появилась, я написал им письмо и попросил прислать какие-нибудь информационные материалы. В ответ пришла целая кипа великолепно изданных буклетов. Я был поражен: откуда у только что появившейся на свет религиозной организации деньги, чтобы печатать такую роскошь?

В Фукуи филиала «Аум» еще не было, зато они уже обосновались по соседству – в городе Сабаэ. Там раз в неделю члены «Аум» собирались на квартире у человека по имени Омори. Как-то позвали и меня, и я стал регулярно посещать эти собрания. Мне дали посмотреть видеозапись телешоу «Ночного живого телевидения» с сюжетом, посвященным «Аум». Я был под впечатлением. Дзёю говорил блестяще. Замечательно! Он рассказывал, как члены «Аум» на основе примитивного буддизма через духовную практику достигали состояния кундалини²⁵. Ясно и четко отвечал на любые вопросы. «Вот это да! Вот это человек!»

Все, кто тогда собрался, – человек пять-шесть, – были членами «Аум». Кроме меня. Я просто пришел посмотреть. Сделать шаг дальше помешал чисто практический вопрос – деньги. За членство в «Аум» приходилось платить. Триста тысяч иен. То есть у них был такой курс – десять кассет. За триста тысяч. Кассеты с записями проповедей Учителя Асахары и потому – очень эффективные. Подумаешь, двести-триста тысяч. Разве это плата за обретение силы, думали все, и, не раздумывая, несли деньги. А я побоялся. Возможно, из-за того, что приходилось экономить каждый грош, все воспринималось особенно остро.

Сёко Асахару я впервые увидел в Нагое. Мы приехали туда на автобусе. Мне предложили, и я поехал – это дело меня заинтересовало. Членом «Аум» я еще не был, поэтому спрашивать что-то у Асахары не разрешалось. В «Аум» такой порядок: если хочешь чего-то добиться, надо, чтоб был рост, а для этого нужны деньги. По достижении определенного уровня человеку предоставлялось право задавать Асахаре вопросы. При подъеме еще на ступеньку ему вручалась цветочная гирлянда. Я сам видел эту церемонию в Нагое, и мне она показалась каким-то глупым ребячеством. А сам Асахара быстро превращался в объект преклонения, и это мне совсем не нравилось.

С самого первого номера я регулярно читал «аумовский» журнал «Махаяна». Поначалу он

---

²⁵ Кундалини (от санскр. змея) в буддийской философии – энергия сознания, которая, как считается, покоится в спящем теле и пробуждается либо через соблюдение духовной дисциплины, либо неожиданно, и открывает новые состояния сознания.

мне нравился. В нем очень много внимания уделялось личному опыту последователей «Аум», печатались истории о том, как реальные люди с конкретными именами приходят в «Аум Синрикё». Их искренность производила на меня сильное впечатление. За это я и любил журнал. Однако постепенно рассказы о людях исчезли, остался один Асахара. Его превозносили все выше, все стали ему поклоняться. Например, его почитатели расстилали перед ним свою одежду, и он шагал по ней. Это уже перебор, по-моему. Синъити Накадзава²⁶ писал: «Если религиозная организация заманивает верующих, религии, которую они исповедуют, – конец». Думаю, так оно и есть. Это страшно, когда начинают боготворить одного человека. Здесь свободы уже быть не может. Вдобавок ко всему Сёко Асахара женат, у него много детей. Как-то не вяжется это с буддистским учением. Асахара изворачивался, говоря, что достиг «окончательного освобождения»²⁷ и поэтому такие «мелочи» на его карму не повлияют. Но кто мог знать, озарило его на самом деле «окончательное освобождение» или нет? Никто.

Я без колебаний делился своими сомнениями с окружающими. Члены «Аум» часто погибали в автомобильных катастрофах. Здесь что-то не так, подумал я и решил поинтересоваться у одной девушки из «Аум», которую хорошо знал, что она об этом думает. Ее звали Такахаси. «Тебе это противоестественным не кажется? Столько смертей...» «Нет, – отвечала она, – это нормально. Все равно через четыре миллиарда лет Учитель возродится как Бодисатва Майтрея²⁸ и воскресит души тех, кто умер сейчас». Полная чушь! Еще «Аум» резко нападала на редактора журнала «Санди Майнити» Таро Маки, выступавшего с критикой братства. Когда я спросил, зачем это делается, в ответ услышал: «Кто бы на нас ни напал, чтобы с нами ни происходило, людям, которым каким-то образом удалось установить в этом мире связь с Учителем, необыкновенно повезло. Потому что если даже они провалятся в преисподнюю, он их потом оттуда вытащит».

Из-за этого я долго сохранял дистанцию в отношениях с «Аум Синрикё», держался от них на расстоянии. Но как-то раз, в 1993 году, ко мне домой на машине с номерами префектуры Сидзуока нагрянул «аумовец» по имени Китамура. Позвонил по телефону, сказал, есть разговор. У меня не было контактов с «Аум» какое-то время, и мне захотелось узнать, что у них новенького. Однако чем дольше я его слушал, тем бредовее становились его рассуждения. Это были какие-то научно-фантастические судороги – третья мировая война, лазерное, плазменное оружие... Я слушал с интересом, но у меня сложилось впечатление, что дело идет к чему-то очень серьезному.

Тогда «аумовцы» сильно давили на меня, стараясь втянуть в свою организацию. В конце концов я согласился, и причиной стала та самая девушка, Такахаси, о которой я уже говорил. У меня как раз умерла бабушка, я очень переживал ее смерть, и как раз в это время Такахаси позвонила и предложила: «Я тоже совсем недавно вступила в „Аум“. Давай обсудим это дело». Так мы встретились. Она была на шесть лет моложе меня. Сколько же ей было в то время? Двадцать семь. Нашу встречу я воспринял как своего рода знак судьбы. Такой же, как смерть отца. Я нутром это чувствовал. С тех пор мы сблизились с Такахаси, стали делиться друг с другом самым сокровенным. И в апреле 1994 года я стал членом «Аум».

Здесь, вероятно, сыграла свою роль смерть бабушки. Кроме того, на фирме, где я работал, дела пошли плохо, начались увольнения. В придачу ко всему я так и не избавился до конца от своего душевного недуга и надеялся, вступив в «Аум», разобраться с ним раз и навсегда.

Еще у меня из головы не выходила Такахаси. Я не имею в виду любовь и все такое. Но я очень беспокоился за нее. Она втянулась в «Аум» с головой, но было ли ей на пользу столь

---

²⁶ Синъити Накадзава (р. 1950) – японский теолог и писатель.

²⁷ Имеется в виду ключевое понятие в религиозно-философских учениях Индии, означающее высшую цель человеческого существования, освобождение от всех страданий и круговорота рождений и смерти. Синоним нирваны.

²⁸ Бодисатва (Бодхисаттва) – в буддийской мифологии и философии человек, решивший выйти из круга перерождений и достичь состояния будды. В Хиньяне путь Бодисатвы прошли только будды уже закончившихся мировых периодов (разные школы называют разное число таких будд – от 5 до 24), а также будда нынешнего мирового периода – Шакьямуни и будда будущего – Майтрея.

глубокое погружение? Я относился к «Аум» скептически и решил, что нужно поделиться с Такахаси сомнениями. Быстрее всего это можно было сделать, вступив в «Аум». Это позволяло свободно встречаться и разговаривать с ней. Хотя, возможно, эти мои рассуждения покажутся несколько приукрашенными...

К счастью, к тому времени для вступления уже надо было платить гораздо меньше, чем прежде – десять тысяч иен. Членский взнос за полгода – шесть тысяч. И десять аудиокассет бесплатно. Чтобы пройти обряд посвящения, требовалось просмотреть девяносто семь «аумовских» видеофильмов и прочитать семьдесят семь книг. Неслабо, правда? Тем не менее с этим заданием я справился. Под конец следует чтение мантр. Держишь перед собой листок, на котором отпечатана мантра, и твердишь ее снова и снова, щелкая каждый раз счетчиком. Вот почему все члены «Аум» со счетчиками ходят. Мантру нужно повторить семь тысяч раз. Это такая норма для неофитов. Я попробовал, но до конца читать не стал – глупость полная! То же самое, что у «Сока гаккай» во время богослужения.

«Аумовцы» настойчиво уговаривали меня отречься от мирской жизни и уйти в секту. В тот период их организация, стремясь расширить свои ряды, отчаянно боролась за каждого человека. Их даже не смущало, что я еще не прошел обряд посвящения. Но я не поддавался. А Такахаси все-таки уступила в конце года. Позвонила 20 декабря мне на работу и сказала: «Я ухожу». Это был наш последний разговор. Она ушла, скрылась в неизвестном направлении.

Зариновая атака случилась, когда я уже в какой-то степени отошел от «Аум». Я даже пытался убедить одного человека, которого Такахаси настойчиво обращала в свою веру, не вступать в секту. О моем критическом отношении к действиям «Аум» знали все, но связь с «аумовцами» была налицо, поэтому в мае 1995 года меня задержали и стали допрашивать. К тому времени полиция уже все знала о членах «Аум». Может быть, у них на руках были списки. Методы следствия у них еще те... совершенно допотопные. Требовали, чтобы я растоптал фотографию Сёко Асахары. Совсем как во времена Эдо, когда христиан заставляли попирать ногами изображения Иисуса или девы Марии²⁹. Так что я на себе испытал, какого страха может нагнать на человека полиция.

В 1995 году мне еще не раз приходилось иметь дело с полицией. Когда на Хоккайдо был захвачен пассажирский самолет «Дзэнникку»³⁰, от меня добивались, не знаю ли я чего об этом происшествии. Полиция навевалась постоянно, преследуя меня, как маньяк женщину. Кто-то не спускал с меня глаз, что бы я ни делал. Ощущение не из приятных, скажу я вам. Вообще-то долг полиции – защита граждан, но в моем случае вышло наоборот – они запугивали меня, хотя я не совершил ничего дурного. Тревога не отпускала – арестовать могли в любой момент. В то время «аумовцев» хватили без разбора за самую незначительную провинность. Сфабриковать можно было любое обвинение – в подделке подписи или печати на документах, в чем угодно. Мне тоже запросто могли припаять что-то в этом духе.

Телефон звонил не переставая: «Не выходил ли на связь кто-нибудь из "аумовцев"?» Надо было бы сидеть на месте, а я по глупости – разбирало любопытство: что же происходит в «Аум»? – поехал в Осаку, в местную «аумовскую» общину, чтобы расспросить одну знакомую женщину-самана о том, как им живется под жестким полицейским контролем. В общине я захватил «аумовский» журнал «Высшая истина». Прикупил несколько штук. Издаваемых «Аум» книг и журналов в книжных магазинах уже было не достать, но мне хотелось узнать, что они пишут. На выходе меня остановили двое полицейских и стали допытываться, что я там делал. Полиция достала меня своей слежкой, надоела смертельно, так что я кое-как от них отбился и убежал. В результате надзор за мной стал еще жестче.

Вы не думали тогда, что зариновая атака – дело рук «Аум»?

²⁹ Имеется в виду преследование христиан в Японии в первой половине XVII в. В 1639 г. японские власти наложили полный запрет на исповедование христианства, действовавший до середины XIX в.

³⁰ Японское сокращенное название авиакомпании «Всеяпонские авиалинии» (All Nippon Airways, ANA).

Думал. Я был уверен, что это они, и все же никак не мог справиться с любопытством, желая понять, в чем сущность этой религиозной организации, которая восстановила против себя общество, чьи книги не берет ни один магазин и которая, несмотря ни на что, всю издаст свои журналы. Организации, обладающей непонятной для меня жизненной силой и всякий раз возвращающейся к жизни, сколько бы ни пытались ее сокрушить. Что кроется за всем этим? О чем на самом деле думают последователи «Аум»? Вот в чем хотелось разобраться. Выяснить с точки зрения журналиста. Потому что телевидение совершенно этого не касается.

А как вы лично относитесь к тому, что произошло в токийском метро?

Это абсолютно недопустимая и непростительная вещь. Тут нет никаких сомнений. Однако нужно разделять Сёко Асахару и рядовых членов секты. Ведь не все же они – преступники. Среди них есть люди с душой по-настоящему чистой. Я знаю много таких и им сочувствую. В «Аум» оказались люди, которым не нашлось места в обществе, не прижившиеся в системе или те, кого она отторгла. И мне нравятся эти люди. Я легко схожусь с ними. Они гораздо ближе мне, чем те, кто сумел ловко приспособиться к жизни. Я считаю, что виноват во всем Сёко Асахара. Он один. Все зло в нем. И он очень силен. Чрезвычайно.

Это покажется странным, но частое общение с полицейскими привело к тому, что у меня с ними сложились хорошие отношения. Сперва я их боялся, мне становилось жутко при их появлении. Но постепенно у меня возникло что-то вроде дружеского чувства к ним. Видели фильм «Каспер»³¹? Помните там вредные привидения? Жутковатые поначалу, но потом с ними как-то срастаешься. С полицией у меня получилось то же самое. Они интересовались, не получаю ли я от «Аум» каких-нибудь посылок по почте. Я сказал: вот, присылали то-то и то-то, и показал им все. С тех пор полиция стала ко мне добрее, и я понял, что и в этой организации есть люди чистые и честные. Они выполняют свою работу, делают что могут. И если обращаются ко мне с какой-то просьбой, имея на то основания, – считаю, не реагировать нельзя. На доброе отношение полагается отвечать тем же.

На Новый год я получил поздравительную открытку от матери Такахаси. «Мы ошибались во всем», – писала она. Дело в том, что эта женщина поначалу сама была горячей последовательницей «Аум». Прошла обряд посвящения. И я подумал, что надо непременно встретиться с Такахаси. Мне так много хотелось с ней обсудить. Я сообщил об этом полиции, сказал, что собираюсь с ней связаться, и даже показал новогоднюю открытку.

По всей вероятности, тут им и пришло в голову сделать из меня своего шпиона. Меня вызвали в полицейское управление и сделали предложение. Сейчас уже не помню, использовалось ли в разговоре это слово – «шпион», но имелось в виду именно это. Иначе говоря, они спросили, не соглашусь ли я информировать их о том, что происходит в «Аум». Естественно, идея превратиться в шпиона меня не прельщала. Мне только хотелось оказаться рядом с «аумовцами». Но, как говорится, сказал «а» – говори и «б». Я подумал: раз уж сдружился с полицией – вперед! Попробуем.

Вообще-то я – человек настроения. Одиночка, не имеющий друзей. Заурядный тип, который на работе на последних ролях и на которого всегда орут. Всерьез меня никто не воспринимает. Поэтому когда полицейские искренне попросили постараться, чтобы раздобыть для них какую-нибудь информацию, я страшно обрадовался. Наконец-то представится возможность пообщаться с людьми! Пусть и благодаря полиции. В фирме, где я работал, у меня не было ни единого приятеля, с коллегами мы едва обменивались несколькими фразами. Все знакомства в «Аум» я потерял, Такахаси ушла в секту и пропала. И я решил: «Если ненадолго, соглашусь, пожалуй». Так и сказал полиции. Эх, не надо было этого делать!

Вам что-нибудь это дало? Я имею в виду связь с полицией?

---

³¹ Детская кинокомедия о старомодных привидениях, живущих в нашем компьютерном времени, снятая в 1995 г. американским режиссером Брэдом Силберлингом. Главный герой фильма – созданное средствами мультипликации маленькое дружелюбное привидение по имени Каспер.

Единственное, к чему я стремился, – отыскать Такахаси, вернуть ее. Не как полицейский шпион. Я лишь хотел вступить с «аумовцами» в контакт. Но я боялся: ведь стоило мне сделать шаг без сотрудничества с полицией, они бы подумали, что я – человек «Аум», и сделали из меня преступника. А имея их за спиной, действовать было бы легче. Еще я надеялся, что мне удастся уговорить кого-то из членов секты расстаться с «Аум». Хотя все это, наверное, хитрость, ловкачество. Как думаете?

Ловкачество? Не знаю. Это очень непростой разговор.

Да уж... Но нельзя же было оставлять все как есть. Я переживал за Такахаси. Ни о чем другом думать не мог. Ничего не делать? Но тогда ее тоже могут в чем-нибудь обвинить, выставить преступницей. Надо попытаться убедить Такахаси, но сначала надо ее найти, а как? Я надеялся получить информацию о ней через полицию. Однако так ничего и не узнал. Все время спрашивал о ней, но они так и не смогли выйти на ее след. Известно было лишь одно – она все еще в секте. Хотя, может, они что-то и знали, но мне не рассказывали.

Так или иначе, но мое внедрение в «Аум» так и не состоялось. Как раз в это время закрыли отделения секты в городах Фукуи и Канадзаве. То есть в Хокурику³² «Аум» была разгромлена, и план как-то использовать меня потерял всякий смысл.

В общем, для вас все закончилось благополучно. Кстати, вы предсказаниями Нострадамуса интересуетесь?

Очень даже. Мне сейчас³³ тридцать шесть, и на наше поколение Нострадамус оказал огромное влияние. Я, например, планирую свою жизнь по его пророчествам. Меня все время тянет покончить с собой. Я хочу умереть. Прямо сейчас. Но конец наступит только через два года, так что надо терпеть. Желая своими глазами увидеть, что будет перед финалом. Поэтому, наверное, у меня такой интерес к религиям, предрекающим конец света. Кроме «Аум» у меня были контакты со «свидетелями Иеговы». Хотя, конечно, они несут полную чепуху.

Что вы подразумеваете под «концом»? Что существующая сейчас система пойдет к черту?

Я имею в виду перезапуск. Желание нажать на кнопку перезапуска человеческой жизни. Мне представляется, что это будет катарсис и душевное успокоение.

На днях мне попала одна книжка. Авторы опрашивали школьников начальных классов о том, как они относятся к Дутому Миядзаки³⁴. Так вот один ученик заявил: «Этот Миядзаки умный. Он знал, что людям надо, вот и думал, что ему все можно». Меня поразило, что у ребенка могут быть такие мысли. На мой взгляд, многие в глубине души считают, что этому миру скоро придет конец. Особенно молодежь. Даже дети.

ДЛЯ МЕНЯ УЧИТЕЛЬ БЫЛ ЧЕЛОВЕКОМ, ОКОНЧАТЕЛЬНО РАЗРЕШИВШИМ МОИ СОМНЕНИЯ

Тамон Тэрахата (р. 1956)

Тэрахата по-прежнему является активным членом «Аум Синрикё». Вместе с несколькими другими «аумовцами» живет в Токио в двухэтажном «апато»³⁵. В подавляющем большинстве

³² Экономический район Японии, в который входят префектуры средней части западного побережья острова Хонсю, в том числе Фукуи и Исикава (административный центр – г. Канадзава).

³³ На время беседы. – Прим. автора.

³⁴ Серийный убийца и маньяк, действовавший в Японии в конце 80-х гг. Похитил и зверски убил четырех девочек в возрасте 4-7 лет. В 1997 г. приговорен судом к смертной казни. В январе 2006 г. Верховный суд Японии окончательно отклонил апелляции Миядзаки с просьбой о смягчении приговора.

³⁵ Многоквартирный жилой дом или жилье более низкого класса с отдельными комнатами, общей кухней и

людям из «Аум» отказываются сдавать жилье, когда узнают, что они связаны с сектой, однако владелец дома, где поселился Тэрахата, оказался понимающим человеком: «Хорошо, раз вам больше некуда податься, а возвращаться к нормальной жизни надо, живите здесь». Похоже, стоит только члену «Аум» поселиться где-нибудь, там начинают плодиться тараканы. Во всяком случае, во время нашей беседы они бегали по татами в изрядном количестве. Домовладельца, наверное, это не радовало. Что касается соседей, то, зная, кто живет с ними рядом, они все еще косо поглядывают на «аумовцев».

Родился на Хоккайдо. Отец состоял на государственной службе, и семья (в ней был еще один ребенок – младший брат Тэрахаты) часто переезжала с места на место. Внешне Тэрахата рос самым обыкновенным мальчишкой, но, по его словам, с самого детства начал задумываться над смыслом жизни. Это свойственно многим членам «Аум». В идейных исканиях проделал путь от философии к буддизму, затем заинтересовался эзотерическим буддизмом Тибета и «Аум Синрикё». Стал учителем начальных и средних классов, но в тридцать четыре года ушел в секту. Когда была совершена газовая атака в токийской подземке, состоял в «аумовском» Министерстве обороны, где занимался обслуживанием «космо–очистителей»³⁶.

Сейчас живет за счет частных уроков – занимается с кем-то раз в неделю. Жить, конечно, тяжело. «Не порекомендуете мне какого-нибудь ученика?» – спрашивает он с улыбкой. Очень серьезный, спокойный человек и, как мне думается, хороший учитель.

Когда он говорит о своих учениках – детях членов «Аум», его лицо светлеет.

В его комнате устроен маленький алтарь с фотографиями «основателя Асахары» и «гуру Ринпоче»³⁷ (старший сын Асахары, который после его ареста был провозглашен «новым Учителем»).

Школьные годы я провел на Хоккайдо, там же окончил колледж. Не скажу, что мне сильно хотелось стать учителем, но моя мама говорила, что больше из меня ничего не получится (смеется). В колледж поступил только через два года после окончания школы. Году меня были проблемы со здоровьем. Я переживал какую-то внутреннюю философскую коллизию, чувствовал неудовлетворенность собой. Пошел провериться в больницу, и оказалось, что у меня давление сто восемьдесят. Стал лечиться дома, пить лекарства от давления. Я люблю подумать, покопаться в себе. Такой характер. Очень восприимчивый к тому, что происходит вокруг. А философская коллизия – это вот что: ты знаешь, что надо делать и как, и при этом понимаешь, что не сможешь. И начинаешь сам себя ненавидеть. Хотя сейчас я думаю, что это все юношеский максимализм.

В колледже я специализировался на учебном процессе в начальных классах с упором на образовательную психологию. Начальную школу я выбрал потому, что люблю детей. В то же время во мне жил тот же самый вопрос, решить который мне было не под силу: как жить? И я подумал: ведь у детей, пожалуй, тоже есть чему поучиться. Буду учить и учиться одновременно.

По окончании колледжа я устроился на работу в одну школу в префектуре Канагава. Предложили на выбор два варианта – Тибу и Канагаву. Меня устраивал любой, и я сказал: «Пусть будет Канагава». С Хоккайдо расстался без проблем – привык к переездам. А друзей можно завести везде. Школа находилась в городке ***. Деревня, в общем.

Мне в первый же год дали вести класс. Я начал со второго, потом были третий, пятый, шестой³⁸. По сорок человек в классе. Поначалу было ужасно трудно. Как во сне. Самое первое, что мне запомнилось, – я впервые вхожу в школу и слышу голоса: «Учитель! Новый классный идет!» Все ребята вытянулись – вот так! «Сэнсэй, сэнсэй! Смотрите, как я бегаю! Быстрее

санузлом (от англ. apartment).

³⁶ Сконструированные работавшими в «Аум» техническими специалистами устройства для фильтрации воздуха, которые предполагалось использовать в планировавшейся руководителями секты химической войне. Название устройств позаимствовано из популярного фантастического мультсериала «Космический линкор Ямато».

³⁷ В буддизме – почетный титул, означающий «драгоценный».

³⁸ В японской начальной школе учатся шесть лет.

всех!» «Смотрю!» Говоривший пулей срывается с места, ударяется о стену и ревет. Так начался мой первый день. Сразу с медицинского кабинета.

Но я полюбил свое дело. Это такое удовольствие – учить детей. Я проработал учителем десять лет, и лучше всего было с пятым и шестым классом. У меня сложились замечательные отношения с родителями моих учеников. Иногда мы собирались вместе попеть, попробовать приготовленные дома сладости. С коллегами тоже особых проблем не было. Хотя, возможно, тогда я на многое смотрел сквозь пальцы. По молодости.

Несколько раз меня пытались женить. Родители старались. И действительно, одно время я даже с кем-то встречался. Но в глубине души все время сидела мысль, что когда-нибудь я отойду от мира...

То есть вы уже задумывались об этом?

Да. Еще до того, как узнал об «Аум». Я представлял тогда, что в шестьдесят лет выйду на пенсию и буду жить тихонько в стороне от мирской суеты.

В колледже я был большим поклонником Ницше и Кьеркегора³⁹, но постепенно меня захватила восточная мысль, особенно дзэн. Я прочел много книг о дзэне, стал самостоятельно заниматься дома. Практиковал так называемый «дзэн полевой лисицы»⁴⁰. Однако мне трудно было принять аскетизм, присущий дзэн-буддизму. Далее – как раз с того времени, как я поступил на работу – меня заинтересовала школа Сингон⁴¹, прежде всего – фигура Кукая. Поднимался на гору Коя, летом, в отпуск, совершил паломничество на Сикоку, посетил храм Тодзи⁴² в Киото...

В Японии к буддизму относятся несерьезно, часто олицетворяя его с похоронами, траурными церемониями. Но на него надо смотреть совершенно иначе – как на явление, которое пережило века, вынесло бури и невзгоды. Я полагал, что внутри этой традиции должно найтись место, где исповедуют настоящий буддизм. Новые религии не особенно меня привлекали. Какими соблазнительными ни казались они, им всего-навсего тридцать или сорок лет. Вот почему я сохранял верность Сингон.

После того как я проработал четыре года с начальными классами, мне неожиданно предложили перевестись в среднюю школу. В том же городке. Она стояла как раз напротив. Два здания разделяла спортивная площадка. Вообще-то я предпочел бы остаться на старом месте, но как раз в это время начальная школа начала хиреть – учеников становилось все меньше, а средняя, наоборот – разрасталась. Я получил диплом «естественника», так что с точки зрения квалификации вопросов не было, хотя методика преподавания в начальных и средних классах отличается. Из-за этого пришлось порядком помучиться. Вдобавок ко всему мои шестиклассники, которых я учил, окончили начальную школу и перешли в среднюю. Опять стали моими учениками.

С ними было много хлопот. Потому что все они знали, как я их учил, знали, чего я стою. Вот в чем загвоздка! Они быстро росли, развивались, а я, даже став учителем средней школы, оставался на месте. Наверное, если бы меня перевели в другую школу, в какой-нибудь другой район, проблем было бы куда меньше.

На четвертый год работы в новой школе мне в руки в первый раз попала литература, которую издавала «Аум». Однажды в книжной лавке я обратил внимание на маленькую книжечку – журнал «Махаяна». Купил, почитал... Тогда все только начиналось. Это был четвертый или пятый номер. В нем рассказывалось об эзотерической йоге, о которой я мало что

---

³⁹ Фридрих Ницше (1844-1900) – немецкий философ, представитель философии жизни. Серен Кьеркегор (1813-1855) – датский теолог, философ, писатель.

⁴⁰ Одна из «несерьезных» духовных практик, применяемых на начальных стадиях постижения дзэн-буддизма.

⁴¹ Школа японского буддизма, которую в начале IX в. основал монах Кукай. Имеет много общего с индуизмом и тибетским буддизмом. В современной школе Сингон свыше 45 организаций с числом верующих около 16 млн. Крупнейшая из них – «Школа истинных слов Будды на горе Коя» – насчитывает 5,5 млн. человек.

⁴² Признан в Японии одним из десяти самых знаменитых монастырей и храмов секты дзэн.

знал. Тогда я еще не читал книг Синъити Накадзавы. И мне захотелось узнать об этом побольше.

Как-то в воскресенье я и еще один учитель из нашей школы поехали в Синдзюку⁴³ за учебными материалами. Обрато сели на линию «Одакю», по пути проезжали «аумовский» додзё⁴⁴ в Сэтагая. Он находился на станции Готокудзи. Дел у нас больше никаких не было, и я решил туда заглянуть. В тот день как раз выступал Дзёю. Народ собрался на что-то вроде семинара по «по-а», что значит – «повышение уровня духовности».

«Вот это да!» – думал я, слушая Дзёю. Он говорил ясно и четко, используя яркие метафоры. Его слова обладали притягательностью, особенно сильно действующей на молодежь. После этой проповеди он отвечал на вопросы. Очень убедительно, точно и целенаправленно – каждый, кто спрашивал, получил свой, только ему предназначавшийся ответ.

Спустя месяц я стал членом «Аум». Дал себе месяца три или полгода, чтобы посмотреть, что это такое, разобраться. С меня взяли вступительный взнос – две-три тысячи иен. Еще за год – десять тысяч. Ерунда, короче. Новообращенные получали «аумовские» книги и журналы и право присутствовать на собраниях, где произносились проповеди. Они были трех видов: для широкой публики, для мирян и для тех, кто оставил мирскую жизнь. Я посещал эти собрания раз или два в месяц.

Когда я пришел в братство, у меня в жизни, в общем-то, все было нормально. И все же, как бы благополучно это ни выглядело внешне, было у меня ощущение, будто внутри у меня большая дыра, в которой свистит ветер. Все время казалось, что чего-то не хватает. Глядя со стороны, никто бы не подумал, что со мной не все в порядке. Уже когда я сделался послушником, мне многие говорили: «Что не давало тебе покоя? Никогда бы не подумал, что с тобой что-то не так».

Мне думается, в жизни каждого человека случаются времена, когда наваливается какая-то тяжесть, охватывает тоска, депрессия. Всего колотит, кажется, сейчас вывернет наизнанку. С вами такое бывало?

Нет, до таких крайностей не доходило. Не припоминаю.

Летом 1989-го я провел три дня в только что отстроенной «штаб-квартире» у горы Фудзи. Но всерьез стал посещать додзё только осенью. Уходил вечером каждую субботу, в воскресенье возвращался. А в будни занимался дома самостоятельно. Особенно взялся за это, когда прошел «шакти-пат»⁴⁵ – надо было держать себя в форме, чтобы соответствовать. Усвоение полученной энергии – очень деликатный процесс, для этого надо много тренироваться. Я занимался асанами⁴⁶, дыхательными упражнениями, простыми упражнениями по медитации. В среднем по три часа. Этот комплекс нужно повторить двадцать раз. Делаешь, делаешь... и начинаешь понимать, что меняешься. Смотришь на вещи оптимистичнее, более открыто. Действительно становишься другим человеком.

В додзё я встретился с серьезными и порядочными людьми. В них было много искренности. Это касается и Учителей, и инструкторов. Душевные, привлекательные... Хотя что касается отношения к внешнему миру, они могли бы... как бы это выразиться... действовать и получше. Это как со студентом-выпускником. В первый раз в жизни он пошел на работу, мандраж, конечно, страшный. Но по-другому быть не может, ведь у него жизненного опыта – ноль. «Аум» производил впечатление угловатого, не знающего жизни студента.

---

⁴³ Район Токио, где расположен крупный транспортный терминал, в том числе – частной железнодорожной компании «Одакю».

⁴⁴ Зал, использовавшийся членами «Аум Синрикё» как для занятий восточными единоборствами, так и для проведения религиозных обрядов.

⁴⁵ Инициация, получаемая от духовного наставника, запускающая процесс духовного развития человека. Аналог крещения у христиан.

⁴⁶ Положения тела, применяемые в йогических практиках.

Я собрался увольняться из школы, чтобы стать послушником. Пришел к директору и предупредил, что готов работать до марта и потом хотел бы уйти. Посоветовался со «старшим братом» в «Аум», и он сказал: «Не стоит торопиться. Может, лучше поработать еще год, выполнить все обязательства и после уже прийти к нам». Это было тяжело, но я не мог ослушаться и согласился потерпеть один год.

Между тем мои тренировки принесли результат – я вышел в астрал где-то на подсознательном уровне; ткань реальности расплылась, сделалась зыбко-прозрачной. По сути, такое состояние подразумевает, что человек оторвался от окружающего мира. Произойди этот переход в подсознание во время каникул – проблем бы не было, но случилось все накануне. Где-то во второй половине июня. Прямо как нарочно. И вдобавок ко всему во время урока. Я показывал какой-то опыт и вдруг перестал понимать, что творю. Положил я реактивы или еще нет? Будто выскользнул из реальности. Память заволочло туманом: разобрать, наяву это со мной или во сне, было невозможно.

Сознание ушло за горизонт, на ту сторону. Оно должно было вернуться, но не возвращалось. В буддистских текстах говорится о таком состоянии – когда в процессе занятий вы проходите определенный этап, возникает что-то вроде эффекта раздвоения. Я как раз достиг этой стадии, и внутри у меня разом рухнули подпорки, на которых все держалось. К счастью, я осознавал, где нахожусь и что со мной, в противном случае могло дойти до шизофрении. Во мне нарастал страх. Надо было разом избавиться от этого раздвоения личности, но на психиатра в моем случае рассчитывать не приходилось. Суть дела заключалась в моих занятиях. А раз так, не оставалось ничего другого, как стать послушником. Если уж мне в самом себе не на что опереться, надо верить себя братству. И потом, я все равно собирался рано или поздно отречься от мирской жизни.

Я снова пошел к директору и сказал, что все-таки решил расстаться со школой. Учитель уходит посреди учебного года. Представляете, что это такое? Тем не менее директор отнесся ко мне с пониманием и предложил взять отпуск по болезни до конца летних каникул. Однако это ничего не меняло – все равно, уйдя в «Аум», я уже не смог бы работать. Поэтому я резко оборвал эту связь, даже ни с кем не попрощался. И, конечно, подставил школу. Все наверняка ругали меня «безответственным типом», но мне было все равно.

Я стал послушником седьмого июля. Перед этим связался с родителями, и они тут же приехали. Я числился в отпуске по болезни до конца июня. Знали бы вы, как они на меня ополчились! Я пустил в ход все свое красноречие, но убедить их так и не сумел. Слова на них не действовали. Они знали, что я интересуюсь буддизмом, и ничего не имели против моего увлечения. Но «Аум Синрикё», по их мнению, не буддизм. Я им доказывал, что так только кажется, а на самом деле «Аум» и есть самый настоящий буддизм. Впрочем, если со стороны посмотреть, то ничего другого от родителей ожидать было нельзя.

Они требовали, чтобы я немедленно возвращался домой, на Хоккайдо. «Или едешь с нами, или отправляйся к "ним". Решай немедленно. Прямо сейчас». Хорошо быть молодым: сделал что-то не так – еще можно исправить. А когда тебе за тридцать, даже если захочешь переделать, отступить уже некуда. Это меня страшно угнетало. Вернуться на Хоккайдо значило вернуться к прежней жизни. Только и всего. Это ничего бы не решило. Я считал, что единственный выход в моем положении (опасном для психики) – идти до конца своей дорогой. Так я сделался послушником, хотя это решение далось мне с большими муками.

В школе у меня был один хороший приятель-коллега. Почти каждый день он приходил ко мне, приносил пиво и начинал: «Ну не можешь ты взять и уйти к ним!» Уговаривал чуть не со слезами. Но ведь я собирался сделать именно то, о чем думал с самого детства. «Извини, я уже все решил». Вот и все, что я мог ему сказать.

Вступив в братство, я тут же уехал в Асо⁴⁷, в местечко Наминомура. На стройку. Там как раз заканчивали крышу на объекте «Аум». Работа была тяжелая, но интересная, совсем другая, если сравнить с тем, чем я до этого занимался. Совершенно новое ощущение, как будто

---

⁴⁷ Город в префектуре Кумамото на о. Кюсю.

включился другой участок мозга. Потом была какая-то работа у Фудзи⁴⁸, после чего меня перевели в Камикуисики в бригаду бетонщиков на строительстве Сатиама № 2⁴⁹.

Первое время после прихода в братство называлось «накоплением добродетели». Новообращенные занимались главным образом обслугой, подсобными работами. Духовная практика тоже была, но совсем немного. В основном – работа. Зато никаких обязательств, никакой ответственности. Не то что когда я работал в школе. Я чувствовал себя как пришедший в какую-то фирму новичок, которому остается только выполнять то, что ему говорят вышестоящие. В психологическом смысле это очень удобно.

И все же меня не отпускала тревога – ведь, как говорили родители, я отрекаюсь от реальных ценностей окружающего мира. Мне уже четвертый десяток. А вдруг ничего не получится, что тогда? И у меня созрело убеждение, что нужно всего себя вложить в духовную практику. Иного выхода нет. Назад уже не вернешься. Надеяться не на кого. Сам выбрал этот путь, и если я не уясню для себя чего-то важного, уход из мира ничего не даст. Все равно ни с чем останусь.

На следующий год⁵⁰, в сентябре, я снова поехал в Асо, на этот раз в составе так называемой «детской группы». Мне поручили учить детей послушников. Всего набралось семьдесят-восемьдесят ребятшек. Я преподавал им естествознание. Были еще учителя – по японскому и английскому языку, другим предметам. Они, как правило, раньше работали в школе или имели учительский диплом. Мы составили свою учебную программу, и вообще все было почти как в настоящей школе. А Наоко Кикиути давала нам уроки музыки. Она окончила педагогический университет.

Наверное, все с религиозным уклоном?

На уроках японского в качестве учебных пособий использовали буддийские сутры. Но естествознания это не касалось. В самом начале, правда, возник вопрос, как увязать науку с учением «Аум». Я обратился с ним к Основателю, и он ответил: «Наука – это мирская жизнь, так что можешь делать что хочешь». Я еще переспросил, правильно ли я его понял (смеется). Так что у меня проблем не было. Я записывал на видео телепрограммы и переносил их на бумагу. Получалось что-то вроде учебника. Прошлый опыт помог составить собственную учебную программу. Мне было интересно. По ходу дела я переехал из Асо в Камикуисики. Детям тоже приходилось кочевать с места на место. Среди моих учеников были и дети Основателя, и иногда я слышал от него, что им нравятся мои уроки. Я прозанимался с детьми около года, а потом перешел к духовной практике.

Если говорить о Вере, то Учитель обладал потрясающей силой. В этом я нисколько не сомневаюсь. Увидев человека, он сразу находил для него слова, которые проникали в его душу. В нем ощущалась колоссальная энергия. Позже меня перевели в Министерство обороны и поручили установку и обслуживание космо-очистителей. По этим делам я дважды в неделю ходил к Учителю домой и еще следил за воздухоочистной системой на его машине. Мне доводилось с ним разговаривать. В его словах был большой смысл, они заставляли задумываться. Я чувствовал, что он действительно делает все возможное для моего блага и развития. Если сравнить это с тем, каким его рисуют в суде, получится огромная разница.

В суде свидетели заявляют: «Приказания Учителя выполнялись беспрекословно». Но по своему опыту могу сказать: сколько раз бывало, что, получив от него какое-то распоряжение, я не соглашался и предлагал: «А может, сделаем так?» И он говорил: «Ты прав, пожалуй. Давай, действуй». Так что, по крайней мере в моем представлении, Учитель не навязывал другим людям свою волю.

---

⁴⁸ В районе горы Фудзи располагалось несколько объектов «Аум Синрикё», где сектанты, в частности, пытались наладить производство отравляющих газов.

⁴⁹ Сатиам (санскр. истина) – так назывались объекты, сооружаемые «Аум Синрикё».

⁵⁰ 1991. – Прим. автора.

Может быть, с разными людьми он вел себя по-разному, и это зависело от приказаний и того, кому они отдавались?

Не могу сказать. Для меня это темный лес. У каждого человека сложился свой образ Учителя.

Что значил Учитель – Асахара – лично для вас? Можно называть его гуру или ментором, но, как мне кажется, каждый верующий несет свое, отличное от других, представление об этом человеке.

Для меня Учитель был духовным наставником. Не пророком, а человеком, который окончательно разрешил мои сомнения в том, что касается учения буддизма. Их мне растолковал. Можно читать буддийские сутры, но это не более чем слова на бумаге. Можно погружаться в них сколько угодно – это, конечно, не «дзэн полевой лисицы», но все равно получится убогое извращенное толкование. А требуется совсем другое: через правильную духовную практику шаг за шагом двигаться к истинному пониманию. Сделал шаг – остановись, оглянись, чтобы понять, чего достиг. И все сначала. Чтобы идти таким путем, нужен учитель, который поведет тебя в верном направлении. Это как с математикой. Достигнуть определенного уровня можно лишь с верой в человека, который тебя учит. Выучил одну формулу, потом другую. Вот так надо.

Однако бывает, что на каком-то этапе у человека возникают сомнения: а прав ли учитель? Вот, к примеру, Армагеддон или франкмасоны. Вы в это верите?

Про масонов – отчасти верю. Хотя, конечно, не всему, что о них говорят. Однако слово «масоны», думаю, характеризует то, что происходит вокруг, в широком смысле. Я имею в виду материализм, разрушающий дух.

С прошествием времени характер «Аум Синрикё» изменился. Организация стала скатываться к насилию. Производство огнестрельного оружия, разработка отравляющих газов, расправы, пытки... Как вы отнеслись к такому повороту?

До меня это как-то не доходило. Я только потом понял. А пока был в «Аум», совершенно не представлял, что происходит, хотя и чувствовал, что давление извне становится все сильнее. Люди начали болеть, у многих появились проблемы со здоровьем. Может, я лишнего скажу, но в братство стали проникать шпионы.

Вы знали конкретно таких шпионов?

Нет. Но мы находились под колпаком у службы безопасности, и они наверняка засылали к нам шпионов. Хотя доказательств у меня нет.

В обществе сложилось мнение, что зариновая атака в подземке – дело рук «Аум», от начала до конца. Так ли это? Ясно, что «Аум» – главное действующее лицо в этой акции, но мне кажется, что в ней в разной степени замешаны и другие люди и организации. Если эти факты всплывут, поднимется большой шум, поэтому здесь работает чья-то воля – правду скрывают намеренно. Хотя, разумеется, доказать что-либо очень трудно.

Да, наверное. Но давайте вернемся к жизни в вашей организации. Все ли в ней было гладко?

Нет, были и проблемы, конечно. Когда я в первый раз приехал в Асо, меня поразило, какой там бардак творится. То, что мы построили, тут же было решено снести. Как выяснилось, зря старались, не подходит. Совсем как на школьном празднике. Там все вместе собирают какую-нибудь модель, из кожи вон лезут, чтобы лучше получилось, а праздник кончился – и всё

на помойку. Ситуация – один к одному. На такие праздники денег выбрасывают – ого-го! А зачем? Потому что, работая вместе, можно многому научиться: ладить с людьми, приобретать разные навыки. Другим невидимым глазу вещам. Для этого строят, не жалея сил, а потом ломают. В каком-то смысле это присутствует и в духовных практиках. Делая общее дело, человек лучше понимает себя.

Может, просто проект был никуда не годный ?

Не исключено (смеется). Впрочем, в любом случае от нас ничего не зависело. Оставалось лишь делать что говорят. В конце концов, в Японии все фирмы так работают. Одни в большей степени, другие – в меньшей.

Но ни одна фирма не станет строить плотину, чтобы сразу ее сломать.

Да, до такого не дойдет, пожалуй.

А были такие, кто возражал, жаловался на безалаберность?

Всякие были. Кто-то высказывался, кто-то нет.

Какое-то время я состоял в работавшей под руководством Мураи научной группе и изучал процесс выделки свиной кожи для барабанов, которые мне поручили делать. Чем только не приходилось заниматься! (Смеется.) Я ездил в институт, специализировавшийся на этой теме, разбирался, какая порода дерева больше подходит, начал с самых основ. Но мне никак не удавалось подобрать правильное дерево. До конца дело так и не довели, а меня перевели на разработку космо-очистителей. Я уже говорил о них. Это такие огромные устройства для очистки воздуха.

Впоследствии эту тему – и меня заодно – перевели в только что созданное Министерство обороны. Это было в 94-м году. Неслабо, да? Я имею в виду название (смеется). Со стройки – в науку, потом в Министерство обороны. Я не относился всерьез к таким вещам. Так дети в школе играют – собираются в группы и каждого назначают на какой-нибудь пост. Кого-то даже «премьер-министром». Мне и в голову не приходило, что из нас пытаются сделать что-то вроде настоящего государства.

Моя работа состояла в обслуживании космо-очистителей. Всего было изготовлено порядка шестидесяти крупногабаритных установок для наружного монтажа. На их основе позже стали делать очистители для помещений и аппараты, в которых использовался активированный уголь. На нас лежало техобслуживание всей этой техники. А это было посложнее, чем ее изготовление. Проблем хватало – то утечка жидкости, то неисправный мотор, то еще что-нибудь.

Космо-очистители стояли в Сатиаме № 7, то есть на заводе, где получали зарин?

У меня не было допуска туда. Если б был, я точно не сидел бы здесь сейчас.

В тот самый день – 20 марта 1995 года – я находился в Камикуйсики, в Сатиаме № 2, и ждал, когда явится полиция. Мы уже знали, что это произойдет. Кажется, с нами еще было несколько журналистов. Девять утра, полиции все нет. Я подумал: «Значит, не сегодня», – и пошел работать. Включил радио – передавали, что в токийском метро что-то случилось. Вообще-то слушать радио нам запрещали, но я все равно слушал (смеется). Обсудив новость с приятелем, мы решили: «Опять на "Аум" начнут сваливать». Полицейские нагрянули с обыском через два дня.

Вы допускаете сейчас, что газовая атака в подземке – это дело рук людей из «Аум»?

Допускаю. Раз эти люди сами признались и их отдали под суд, значит, так оно и есть. Хотя я и сейчас кое-чего не могу понять.

А как насчет вины Асахары?

Его должны судить по закону, если он виноват. Однако, как я уже говорил, есть огромная разница между Асахарой, каким я его воспринимаю, и тем человеком, которого мы видим в суде... Это, конечно, незаурядная личность – как гуру, как религиозная фигура. Поэтому мне еще нужно время, чтобы разобраться...

И потом, я приобрел в «Аум» много ценного, настоящего. И оно сидит во мне. Хотя это другое... а если что-то плохо – значит, плохо. Это надо четко разделять. Что я и пытаюсь сейчас сделать. Внутри себя. Честно сказать, я плохо представляю, что будет дальше, в том числе и со мной.

Обычно люди думают, что у буддизма и «Аум Синрикё» нет ничего общего. Говорят, что «Аум» создана только для «контроля над умами». Но я хочу сказать: не все так просто. Для меня, во всяком случае, «Аум» – пусть в этом и есть небольшое преувеличение – это нечто, на чем строилось мое существование на третьем и четвертом десятке лет.

Я слышал, что тибетские эзотерические практики подразумевают тесную связь между гуру и учеником, абсолютную покорность воле учителя. Но предположим такую ситуацию: с человеком, который на первых порах был замечательным учителем, по ходу дела происходит что-то странное. Говоря компьютерным языком, в него проникает вирус и нарушает его функции. И нет никакой третьей силы или системы, способной заблокировать этот процесс.

Не знаю...

Так вот. В этом изначально заложена опасность. Я имею в виду абсолютную покорность. На этот раз вы оказались в стороне, но если рассуждать логически, в следующий раз гуру прикажет: «Делай по-а!» и придется подчиниться, да?

Но такой порядок – свойство любой религии. Разве нет? Хотя, если бы мне так сказали, я бы, наверное, не смог. Хм-м... может, у меня покорность не на том уровне {смеется}. Не могу всего себя отдавать. Иначе говоря, я еще слаб. Кроме того, у меня такой характер – если не будет уверенности, что так нужно сделать, с места не сдвинусь. В любом деле. Избыток здравого смысла, что ли.

Предположим, вас убедили. Тогда бы вы сделали? То есть если бы вам сказали: «Тэрахата-сан! Видите, какая ситуация? Надо делать по-а». Если бы все-таки вас убедили, что тогда?

Даже не знаю. Да нет... Хм-м... Трудно сказать.

Я хочу понять, какое место в учении «Аум Синрикё» принадлежит личности, человеческому «я». Что в процессе духовной практики вы передоверяете гуру, а что оставляете решать себе? Я пока еще этого не понял из нашего разговора.

В сущности, человек не может быть абсолютно независим. На него обязательно что-то влияет. Окружающая среда, жизненный опыт, образ мыслей. Так что это большой вопрос – как далеко простирается подлинное человеческое «я». Буддизм начинается с осознания того, что «я», о котором человек думает как о своем собственном, на самом деле таковым не является. На самом деле буддизм дальше всего стоит от так называемого «контроля над умами». Ему куда ближе мысль Сократа: я знаю, что ничего не знаю⁵¹.

---

⁵¹ Сократ (ок. 470-399 до н. э.) – древнегреческий философ, один из родоначальников диалектики как метода отыскания истины путем постановки наводящих вопросов.

Наверное, можно сказать, что человеческое «я» делится как бы на две половины – внешнюю и подсознательную, ту, что находится в глубине. Это своего рода «черный ящик». Некоторые люди видят свое жизненное предназначение в том, чтобы доискаться до истины и открыть этот «ящик». Это что-то вроде астрала, о котором вы говорили.

Средством понимания, постижения того, что запрятано у человека внутри, является медитация. С точки зрения буддизма где-то в истоках человеческого подсознания лежит сущностная деформация. У каждого – своя. Медитация дает возможность ее выправить.

По-моему, человек должен сделать одновременно две вещи – открыть «черный ящик» и усвоить, впитать в себя его содержимое.

Иной путь просто опасен, с разных точек зрения. Но когда я слышу, что говорят люди, совершившие это преступление, мне кажется, что им такая задача не по силам. Я не вижу у них сочетания анализа и интуитивного чувства. Точнее говоря, они только анализируют, а в интуиции полагаются на кого-то другого. В результате их мировосприятие становится крайне статичным. Поэтому когда появляется динамичная личность, вроде Асахары, и говорит: «Это надо сделать», они не могут сказать «нет». Так, наверное?

Я не знаю толком, как к этому относиться, хотя понимаю, что вы имеете в виду. Разум и знание?

Но с другой стороны, есть люди, которые не имеют никакого отношения к этому происшествию, кто изо всех сил стремится к духовному совершенствованию и спасению. Конечно, «Аум» совершила ужасные вещи, тут уже ничего не исправишь. Но что же получается? Людей, не сделавших ничего плохого, могут арестовать за любой пустяк, и вообще, им тяжело приходится. Например, стоит мне выйти на улицу, как полиция тут же увязывается следом. На работу не устроишься. Те, кто раньше жил в братстве, даже жилья себе найти не могут. Журналисты пишут на эту тему односторонне, как им нравится. Неудивительно, что нам все труднее приспособливаться к жизни в этом мире.

Нам говорят: откажитесь от своей веры, и общество вас примет. Но надо иметь в виду, что у тех, кто в свое время стал послушником, были чистые помыслы. В некотором смысле, у этих людей слабая психика. Живи они обычной жизнью – работали бы, как все, и при этом занимались духовным совершенствованием, никто бы им слова не сказал. Но они не могли так жить и временно отделились от мира – ушли в послушники. Их натура тяготеет узами мирской жизни, ее проблемами.

Структура «Аум» сильно изменилась. Принципиальным образом. Со стороны может показаться, что все осталось как прежде, но это не так – организация трансформировалась изнутри. Она возвращается к тому, с чего все начиналось, – к йоге. Хотя, узнав, что во главе братства теперь сын Основателя, люди могут возмутиться: дескать, они так ничему и не научились.

Я не буду возмущаться, но если ваша организация не отреагирует на то, что совершили ее члены, не сделает для себя выводов и не принесет публичные извинения, если и дальше все будет идти как сейчас, вам никто не поверит. Вы можете сказать: «Это сделали другие люди. Наше учение в основе своей правильное. Мы сами пострадали», – но вы вряд ли так легко отделаетесь. Опасные гены лежат в самом характере «Аум», в происхождении вашего учения. Я считаю, что ваша организация обязана учесть полученные уроки и объявить об этом обществу. И тогда можете дальше исповедовать свою веру.

Постепенно, по частям, мы стараемся подойти к какому-то промежуточному итогу. Сделать что-то вроде отчета, пусть и неполного. Но разве кто-нибудь его опубликует? Нам тоже хочется, чтобы люди указали, в чем мы ошибались. Жаль, буддийское духовенство не желает иметь с нами дело.

А может, это из-за того, что вы говорите с людьми только на своем языке, излагаете суть

вещей по-своему? А им требуется другое: обыкновенные слова, обыкновенная логика. Иначе не получится. Если с людьми не разговаривать, а вещать, никто слушать не станет.

Да... Это сложный вопрос. Что будет, если мы заговорим обычным языком? (Смеется.) Ведь о нас чего только не писали... Уже никто не поверит, все равно ненавидеть будут. Что ни скажи, журналисты все равно по-своему подадут, совсем не так, как на самом деле. Среди СМИ не найдется ни одного, которое рассказало бы о наших истинных намерениях. Хоть бы кто-нибудь пришел, как вы, и выслушал. Надо признаться, искренним быть нелегко, даже если тебя просят. И когда люди говорят, что мы прилагаем недостаточно усилий, это в какой-то мере верно.

Проблема в Основателе братства, в том, что почти ничего не говорится о его истинных намерениях. Во всяком случае, как мне кажется, что касается газовой атаки, все упирается в это. И хотя нам очень хочется объяснить обществу, что же все-таки тогда произошло, это не очень получается.

Я все еще числюсь в «Аум», но мне хочется, чтобы вы поняли: покинувшие братство не думали, что в нем все плохо на сто процентов, а те, кто держится за него, вовсе не считают его на те же сто процентов безгрешным. Многие не знают, уходить или оставаться, колеблются – пятьдесят на пятьдесят. Поэтому средства информации не правы, изображая дело так, будто в братстве остаются только самые твердолобые. Напротив, наиболее преданные приверженцы Асахары уже ушли.

Может статься, те, кого все-таки одолели сомнения, завтра вернуться, а те, кто пока устоял, завтра же с братством расстанутся. Сейчас всем очень тяжело. Бывает, ко мне заходят посоветоваться люди, которые вышли из «Аум», и мы разговариваем на эту тему. О себе могу сказать: в последнее время стало немного легче, а то раньше только об одном и думал – смогу ли опять жить в этом обществе.

Сейчас я зарабатываю на жизнь уроками. Мы здесь друг другу помогаем, ведем общее хозяйство. Парень, с которым я живу, подрабатывает на стройке. Он тоже хотел с вами встретиться, когда узнал, что вы придете, но у него работа, ничего не поделаешь (смеется). Тут у всех с работой проблемы – стабильности нет, каждый надеется получше устроиться. Например, сосед за стенкой. Водитель грузовика. Уже порядочно работает. Но стоит ему только рот открыть, сказать, что он из «Аум», – сразу места лишится. Вот он и молчит. Естественно.

За эту комнату мы платим в месяц сорок две тысячи иен. Есть душ, но без ванны. На что мне еще тратить, кроме квартплаты? Телевизор я не смотрю, дорогих вещей не покупаю. Едой нас обеспечивают. Ну, еще за свет и отопление немного надо. Так что на двоих шестидесяти тысяч достаточно. Вполне можно месяц прожить. Студенты сейчас тысяч сто тратят, правда? А у нас все так же скудно живут, как я.

Журналисты твердят, что «Аум» активно занимается бизнесом, но это неправда. Конечно, связанная с братством акционерная компания «Алеф» все еще работает, но дела у нее идут неважно, потому что все время вмешивается полиция. Среди послушников есть пожилые люди, которые могут работать только на дому, есть больные. За ними надо ухаживать, кормить. Для этого все должны работать. Это же общее дело. Поэтому, сказать по правде, финансовое положение у нас не блестящее.

А как дела у «аумовских» детей, которых вы учили?

Они все вернулись к обычной жизни, учатся в обычных школах. Родителям пришлось уйти из послушников – детей надо растить, а для этого случайные заработки не годятся. Представляю, чего им стоило найти нормальную работу!

О детях я мало что знаю. Было много случаев, когда их насильно разлучали с родителями. Для кого-то, наверное, это была настоящая травма. Вполне возможно, кто-то из них и сейчас живет в отрыве от родителей. Хотя, должен сказать, они ребята что надо, палец в рот не кладут. Повоевал я с ними в свое время. Так что, может, у них все нормально (смеется). Хм-м... интересно, почему они такие? Не знаю. В них столько энергии по сравнению с другими детьми. Столько озорства. Такие непослушные. Никакого сладу с ними не было.

Наше учение отрицает физическое наказание и вообще насилие. Наш базовый принцип – поговори с человеком по душам и убеди его силой логики. Мы – послушники и должны жить по нашим наставлениям. Не будем их придерживаться – кого же мы сможем убедить? То же самое что уговаривать кого-то не курить, дымя в присутствии этого человека сигаретой. Никто не поверит. Дети здорово замечают за взрослыми такие несообразности. Я слышал, кого-то из наших детей отправили в исправительные дома. Пускай там с ними помучаются (смеется)⁵².

ЭТО БЫЛО ЧТО-ТО ВРОДЕ ОПЫТОВ НАД ЛЮДЬМИ **Хадзимэ Масутани (р. 1969)**

Родился в 1969 году в префектуре Канагава в самой обычной семье. Отец был простым служащим. Постепенно все больше отдалялся от родных. Дошло до того, что почти перестал с ними разговаривать. Ни спорт, ни учеба его не интересовали, он любил рисование. Уже в начальных классах стал посещать кружок живописи.

В колледже изучал архитектурный дизайн. К религии был равнодушен, пока не познакомился с некоторыми новыми учениями. То, что рассказывали об «Аум Синрикё», привлекло его больше всего, и он вступил в секту.

Как раз перед зариновой атакой в токийской подземке он покритиковал «аумовские» порядки и в наказание был заперт в одиночку в Камикуисики. Понял, что дело плохо, и сбежал. За это его изгнали из секты.

Во всем ищет логику, поэтому, относясь в целом критически к учению «Аум», одобрительно воспринимает те его положения, которые ему близки и понятны. В своей религиозной практике несколько раз сталкивался с чем-то необъяснимым, мистическим, но, несмотря на это, ни к так называемым «сверхъестественным явлениям», ни к эсхатологическим учениям, ни к теории масонского заговора интереса почти не проявлял. Он видел «Аум» изнутри и чувствовал, что секта, которая в последние годы двигалась именно в этом направлении, идет куда-то не туда. Однако несмотря на охватившие его сомнения и разочарование, порвать с сектой было трудно – во всяком случае, пока существовала реальная угроза его жизни.

Сейчас живет один, работает от случая к случаю и скрывает, что был членом «Аум Синрикё». Мы долго беседовали, и он позволил себе быть откровенным.

В жизни мне не доводилось испытывать крупных разочарований и сталкиваться с серьезными трудностями. Но постоянно было ощущение, будто в моей жизни чего-то не хватает. Я увлекался изобразительным искусством, очень любил рисовать, но мысль, что жизнь будет проходить за рисованием и зарабатыванием на этом каких-то денег, обжигала как огнем. Как-то раз, когда я учился в колледже, мне попалась в магазине книжка об «Аум». Я почитал и понял, что все это мне очень близко. И подумал: «Может, стоит бросить эти картинки и обратиться к религии? Может, так удастся ближе подойти к внутренней реальности?»

Впервые я посетил «аумовский» додзё в Киото. Я поехал в Кансай⁵³ – захотелось немного попутешествовать. Там услышал, что в Киото как раз открывается додзё, и решил заглянуть на это мероприятие. Арендованное «Аум» помещение оказалось очень скромным, с простеньким алтарем. Видно было, что деньгами они не бросаются, все выглядело намного скромнее, чем в храмах, принадлежащих традиционным религиям. Во всем устройстве чувствовались целостность и чистота. Люди были одеты очень скромно. Среди присутствующих был и господин Мацумото⁵⁴, и я смог услышать его проповедь.

Честно говоря, я толком не понял, что он говорил (смеется). Устал в дороге, страшно хотелось спать. Однако в его речи чувствовалась сила, от его слов оставалось впечатление

---

⁵² Вскоре после этой беседы Тэрахата покинул секту. – Прим. автора.

⁵³ Второй по значению после Канто район Японии, расположенный в западной части о. Хонсю. Объединяет префектуры Осака, Киото, Нара и Хёго.

⁵⁴ Настоящее имя Асахары – Тидзуо Мацумото.

какой-то глубины. Сейчас, вспоминая об этом, я думаю, что мною тогда двигали скорее артистическая интуиция и непонятное мистическое волнение, чем логика.

После проповеди желающих обсудить услышанное пригласили остаться. Я остался и получил возможность с глазу на глаз побеседовать с Хидэо Мураи, о котором говорили, что он достиг духовного освобождения. Мураи не производил впечатления человека, на которого снизошло наитие свыше. Он больше походил на обыкновенного последователя «Аум». Поговорив о телесной оболочке и еще о чем-то в том же роде, Мураи вдруг предложил: «А почему бы тебе не стать нашим братом?» Теперь-то я знаю, что это была испытанная тактика «Аум». Часто в такие места приходят люди, которым чего-то не хватает, которые чего-то ищут. Обстановка в додзё мне понравилась и, услышав это «Почему бы тебе не стать нашим братом?», сказанное просто так, как бы между прочим, я поплыл по течению и прямо там заполнил анкету. Требовался вступительный взнос – тридцать тысяч, но этих денег у меня с собой не было, я заплатил, когда вернулся в Токио. В то время я учился на первом курсе.

Немного погодя я стал посещать додзё в Сэтагая, но главным занятием, на которое уходило почти все время, было распространение «аумовских» листовок. Мы занимались этим вместо медитаций, как «накоплением добродетелей». В додзё висела карта Токио. Город на ней был разбит по секторам. Определяли район, вечером сажали нас на машину и развозили по «точкам». Мы обходили район, рассовывая листовки по почтовым ящикам. Я подходил к этому делу серьезно и, когда заканчивал, чувствовал удовлетворение – хорошо потрудились. И еще я верил, что, накапливая добродетели, мы получаем энергию от нашего гуру.

Выходит, распространять листовки интереснее, чем в школе учиться?

Знаете, моя жизнь изменилась. Изучение архитектурного дизайна, поиск хорошей работы – всему этому настал конец. Я пришел к мысли, что духовные занятия имеют больше смысла и помогут освободиться от греховного мира.

То есть к тому времени вы уже потеряли интерес к обычной жизни и переключились на достижение духовных целей?

– Да.

Люди, которых угнетают такие серьезные сомнения, обычно проходят похожий путь – все в молодости начинают много читать, открывают для себя разные философские концепции и, проверив, насколько они им близки, выбирают из нагромождения идей некую систему взглядов. С вами вышло иначе. Вы, как бы это сказать, следовали за своим настроением и пришли прямо в «Аум». Во всяком случае, у меня складывается такое впечатление.

Я же был молод. И с религией столкнулся раньше, чем с какими-то идейными концепциями.

Так или иначе, совмещать колледж и «Аум» стало трудно. «Аум» играл в моей жизни все более важную роль. Я почти перестал ходить на занятия, оценки покатались вниз, стало ясно, что, может быть, придется пропустить год. В этот непростой момент Мацумото неожиданно сказал: «Ты должен стать послушником», и я подумал: значит, так тому и быть.

Это произошло на сеансе так называемой «секретной йоги». Во время таких сеансов мы занимали место напротив Мацумото, сидевшего в окружении своих главных учеников, исповедовались ему, получали советы. В то время еще было так. Простые верующие могли общаться с ним напрямую. Тогда «Аум» стремилась увеличить число послушников, и руководство секты не собиралось глубоко разбираться, достоин я или нет, а просто хотело привлечь еще одного члена. «Аумовцы» говорили мне: «Ты не можешь приспособиться к мирской жизни, потому что у тебя такая карма – быть послушником». Вскоре я принял решение и ушел к ним. К тому времени я уже с головой втянулся в это дело, поэтому особых колебаний не было. Когда гуру говорит: «Ты должен оставить мирскую жизнь», ученик выполняет его волю. Это естественно. Мне казалось, что Мацумото даст ответы на все мои вопросы и

сомнения. Послушав его проповеди, я поверил ему.

Еще до того как стать послушником, я участвовал в избирательной кампании «Аум»⁵⁵. Помогал по мере сил. Такова была воля гуру. Старался как мог, но выборы меня совершенно не интересовали. Что бы мы ни делали, я всегда встречал с вопросом: «А что это такое?» – будто не сразу схватывал, что происходит (смеется). Хотя самым главным для меня, конечно, было духовное освобождение. Все остальное, четко понимал я, – не суть. Даже если что-то противоречит твоему пониманию, надо осознавать, что твое восприятие и образ мыслей – это еще не все, и если кто-то из «освобожденных» говорит: «Это правильно», в этом может быть какой-то непостижимый смысл. Вот как думают последователи «Аум». Сам ты можешь не понимать, хотя то, чего ты не понимаешь, вполне может иметь большое значение.

Родня была против моего решения, но ее мнение меня уже давно не интересовало, так что никаких споров по этому вопросу не возникло. Я бросил колледж, съехал с квартиры, бросил ненужные вещи и на первых порах переехал в штаб-квартиру «Аум» у горы Фудзи. Было разрешено взять с собой только два чемодана с одеждой. Был 1990 год. Я оказался в числе послушников «первого призыва».

Потом меня отправили в Асо. Тогда в Наминомура еще ничего не было, стройка только начиналась. Приходилось срывать гору и разравнивать площадку. Физический труд. Видимо, меня послали на стройку, потому что знали, что я из архитектурного колледжа, хотя я там занимался не строительством, а черчением. Выбрали, отставив в сторону парней крепче меня. «Перепутали, наверное», – подумал я и попробовал уточнить: «А вы уверены, что тут нет ошибки?» Но мне сказали: «Ладно, поезжай, потом разберемся». Кончилось тем, что, проработав там всего день, я подошел к начальнику Наропа⁵⁶ и заявил, что больше не могу. У меня с физической выносливостью плоховато, поэтому для таких дел я не гожусь. Меня определили в хозяйственный отдел. Я готовил еду, собирал белье для прачечной и ловил на себе осуждающие взгляды. Приспособиться к такой жизни было нелегко, но я рассматривал выполнение поставленной гуру задачи как акт повиновения и старался изо всех сил. Постепенно привык, смирился с обыденностью.

Работа в Асо была тяжелая, многие не выдерживали и уходили. А я остался – куда было идти? И потом, надо сказать, эта деятельность доставляла мне удовлетворение. Мы жили по «аумовской диете»: невесть сколько пролежавший рис и тушеные овощи. И так каждый день. В голову невольно лезли разные мысли о еде. Но я решил гнать плотские желания, не дать им одолеть меня. Боролся с чувством голода укреплением духа. Хотя я был почти вегетарианец и еда меня не очень доставала. Я научился не поддаваться мирским искушениям и соблазнам, чувствовать себя свободным.

Сколько же я провел в Наминомура? Мы жили без календарей и не чувствовали, как проходит день за днем. Думаю, порядочно. За это время там соорудили несколько зданий. Когда живешь так долго в ограниченном пространстве, когда все просто и ничего не меняется, начинает накапливаться раздражение. Этот тупик и мое стремление к духовному освобождению вступили между собой в серьезный конфликт.

Потом меня вызвали на Фудзи, в штаб-квартиру, и перевели в отдел анимации. К тому времени Асо уже перестал быть главным центром «Аум», превратившись в своего рода отстойник, и, по правде говоря, я был рад оттуда уехать. Я стал рисовать картинки для мультфильмов, но из них выходили какие-то грубые поделки. В этих мультиках рассказывалось о сверхъестественных способностях Мацумото. Что он может парить в воздухе и так далее. Покажи они такое на самом деле – это было бы сильно, а мультфильму кто поверит? Результат – нулевой. В этот периоду меня была возможность видеть Мацумото чаще, и с каждой такой

---

⁵⁵ В начале 90-х годов «Аум Синрикё» предприняла попытку официально войти в большую политику, приняв участие в выборах в нижнюю палату парламента. Однако никто из представителей секты депутатом избран не был.

⁵⁶ Фумихико Нагура. – Прим. автора. Функционеры «Аум» нередко присваивали себе имена личности из истории индийского и тибетского буддизма. Наропа – мастер йогической практики, автор более 30 сочинений по различным вопросам культовой практики буддизма, жил в XI в.

встречей доверие к нему и к «Аум» убывало.

После этого было еще много разной работы, пока наконец я не получил от Сёко Асахары приказание «сосредоточиться на служении». Служение – это обучение, медитация и особая система многократно повторяемых поклонов. Духовно наполнено, но уж больно тяжело. Мы сидели, не вставая, целыми днями, отойти можно было только в туалет и поесть. Спали тоже сидя. Несколько часов в день – занятия, затем – проверка. Еще несколько часов – дыхательные упражнения. Так проходил день за днем.

Служение продолжалось несколько месяцев, примерно полгода. Все дни у меня слились, я мало что помню... Но были люди, которые жили так годами. И никто не знал, когда это кончится. Все решал гуру. Я несколько раз погружался в это служение по его приказу. Проходило какое-то время, довольно порядочное – и меня отправляли на работу. А потом снова возвращали к этой «науке»...

А кто решал, передвинуть человека на следующую ступень или нет? Асахара? Он что, говорил: «Завтра ты поднимаешься на новый уровень»?

Ну да. Только я ни на какой уровень не поднялся. Мне даже имени в братстве не дали.

Но вы же долго этим занимались. И так старались. Почему же вас не повысили?

«Аум» – очень практичная организация. Освобождением она награждала в первую очередь тех, кто больше всего жертвовал на ее нужды. Конечно, духовный уровень тоже в какой-то степени принимался в расчет, но главное зависело от того, кто сколько давал. Для мужчин, например, большое значение имело образование. Выпускникам Токийского университета полагался более высокий уровень освобождения, и достигали они его быстрее. Им доставалась более важная работа, они становились начальниками. А у женщин многое зависело от привлекательности. Да-да. Почти так же, как в мирской жизни (смеется).

В этом смысле для Мацумото от меня было мало пользы. Одно время я даже считал, что сам виноват в том, что не расту. Значит, недостаточно стараюсь. И в то же время, похоже, у всех было такое же ощущение, что у меня: к выпускникам Токийского университета Учитель особенно благосклонен. Я часто заговаривал об этом с приятелями: мол, странно это как-то. Но в ответ они начинали меня убеждать: «Ты еще не очистился, поэтому у тебя в голове такие мысли», «Это карма», – и разговор заканчивался. То есть если у тебя в голове возникают сомнения – сам виноват, не очистился. А за все хорошее – «Спасибо гуру».

Крайне эффективная система, ничего не скажешь. Внутренний цикл. Все перерабатывается и завершается внутри системы.

В конечном итоге все было направлено на то, чтобы лишить нас своего «я».

В секту приходили люди с сильной волей, высокими стремлениями, а через некоторое время все куда-то девалось. Но жизнь в «Аум» при всех разочарованиях казалась им предпочтительнее возвращения в мирскую суету с ее мелкими грязными страстишками. И психологически оставаться в секте было легче – все-таки живешь вместе с единомышленниками.

Начиная примерно с 1993 года в характере «Аум» начались изменения, секта все больше стала склоняться к насильственным методам. Вы это замечали?

Проповеди все больше сосредоточивались на Тантра-Ваджраяне, все больше людей в возбуждении твердили, что наступает ее время. Я не мог следовать за учением, неразборчивым в методах достижения своих целей. Это не для меня. Конечно, тогда я не знал, во что все это выльется, хотя наши упражнения постепенно становились все более неординарными – в повседневную практику вошли занятия боевыми искусствами, атмосфера в секте быстро менялась. Я много размышлял над тем, как жить дальше в таких условиях.

Но что бы я ни думал, секта продолжала катиться под откос, а освобожденный от оков греховности Мацумото говорил, что это самый короткий путь к поставленной цели. Что тут можно было сделать? Или оставаться, или уходить. Иного не дано.

В это самое время появился обычай подвешивать людей вверх ногами. Нарушителей заповедей вешали вниз головой, стягивая ноги цепью. Послушать – так ничего особенного, однако это была пытка, самая настоящая пытка. По словам тех, кто ее пережил, кровь отливала от скованных ног, было чувство, что они того и гляди оторвутся.

За что могли наказать? Да за что угодно! Например, за нарушение обета целомудрия, по простому подозрению, что ты шпион, за книжку комиксов... Помещение, где я работал, находилось как раз подподзё, и оттуда доносились крики: «Убейте меня! Дайте умереть! А-а-а!Н» Даже не крики, а непрерывные душераздирающие вопли, полные такой нестерпимой боли и страдания, что, казалось, от них все вокруг кривилось и скручивалось. «Учитель! Учитель! Спасите меня! Это больше не повторится!» – рыдая, умолял несчастный. Прислушиваясь к этому кошмару, я содрогался от ужаса.

Разумеется, в этой жестокости был определенный смысл, но, сколько я ни ломал голову, понять, в чем он заключается, не мог. И что удивительно: немало этих людей – тех, кого подвешивали вниз головой, – до сих пор остаются в секте. Их заставили ужасно страдать, поставили на грань жизни и смерти и в заключение сказали добрым голосом: «Молодец, справился!» И каждый думает: «Я выдержал испытание. Спасибо тебе, гуру!»

А не выдержишь – тебе конец. Нам ничего об этом не говорили, а ведь именно так умер Наоки Оти. Дошло до инициации с наркотиками. Естественно, я тоже ее выдержал. Все говорили, что это ЛСД. Были видения, галлюцинации, хотя мне не верилось, что такими средствами можно достичь освобождения.

В «Аум» ходили разные слухи: кто-то умер во время упражнений, кто-то пытался бежать, но его поймали и что-то с ним сделали. Тем не менее слухи оставались слухами – точной информации не было и определить, где правда, а где выдумки, никто не мог. Из-за внедрения Тантра-Ваджраяны представления членов секты о добре и зле перевернулись, и поэтому, даже когда слухи в какой-то степени оказывались правдой, в конечном итоге воспринималось это однозначно: «Это же спасение!» А до спасения может происходить что угодно. Вот такое учение.

Толковали и о якобы проникших в «Аум» шпионах, которых пытались вывести на чистую воду с помощью детектора лжи. Через него проходили все члены секты. Это тоже называлось инициацией. Хотя странно: если гуру все держал в своих руках, зачем ему этот аппарат? Он с одного взгляда должен распознавать шпионов. «Если он такого не знает, как же он сможет привести столько людей к освобождению?» – думал я. Несмотря на это, все молчаливо соглашались с этой проверкой, усматривая в ней какой-то тайный смысл.

Кроме охоты за шпионами был еще один эпизод – за меня взяли, когда моего самого близкого друга посадили в одиночку. Подключили к детектору, стали задавать разные вопросы, в том числе неприятные и не имеющие отношения к делу. Когда допрос кончился, я попросил, чтобы мне объяснили, зачем спрашивать о таких вещах, какой в этом смысл. Вопросы были непристойные, исключительно личного плана, и из моих ответов при всем желании нельзя было ничего извлечь. Но начальство, судя по всему, на меня разозлилось. Сразу же после испытания на детекторе Томомицу Ниими⁵⁷ заявил мне: «Тебя переводят. Быстро собирайся». Так я оказался в одиночке. За что меня туда посадили, никто объяснить не удосужился. Я перестал понимать, что происходит.

Мои служения и духовные практики должны были привести меня к освобождению, а результатом стало наказание.

Меня засадили в каморку площадью в один татами. Всего там было с десятков таких клеток, разделенных перегородками. Двери запирались снаружи. Дело было летом, и без того жарко, так они еще нагреватель включали. Заставляли пить какой-то специальный напиток «аумовского» изготовления, который приносили в пластиковых бутылках. В страшной духоте я

---

⁵⁷ В иерархии «Аум» занимал пост «министра внутренних дел». Наряду с другими руководителями секты приговорен к смертной казни за организацию убийств, в том числе – распыление зарина в токийском метро.

обливался потом. Упражнения продолжались и там – пьешь, перерабатываешь жидкость в пот, выгоняешь из организма... Будто отторгаешь от себя какое-то зло. О ванне, конечно, и мечтать не приходилось. Тело покрылось грязной коркой. Налипшая грязь отваливалась комками. Вместо туалета – горшок. Голова отказывалась соображать, словно отключилась.

Как вы не умерли...

М-да... Умереть было бы легче, пожалуй. Я даже думал, что так будет лучше. Но знаете, в таких условиях человек оказывается необыкновенно жизнеспособным. В одиночки обычно сажали тех, кто колебался в вере или в ком «Аум» больше не нуждался. Оказавшийся там человек, конечно, не мог знать, когда его выпустят. Поэтому сначала я сказал себе: «Ладно! Раз уж я здесь, буду серьезно заниматься». Я понял: стоит только дать слабину – и мне никогда отсюда не выбраться. Оставалось одно – думать, что все будет хорошо, сжать зубы, терпеть и двигаться вперед.

Ежедневные упражнения включали в себя инициацию, которая называлась «Путь бардо»⁵⁸. Для этого человека отводили в другую комнату, завязывали глаза, сковывали за спиной руки наручниками и сажали в определенной напряженной позе. Потом начинали стучать в барабан, бить в медный гонг, устраивали настоящее представление в духе Эмма⁵⁹. И при этом орала как оглашенные: «Учись! Постигай истину! В мир обратной дороги нет, держись!» Но однажды, когда меня привели в эту комнату, Сиха⁶⁰ и Сатору Хасимото⁶¹ вдруг повалили меня на пол, а Ниими крепко зажал мне рот и нос. Так, что я стал задыхаться. «Ты что себе позволяешь?! За идиотов нас держишь?» Задушить хотели, но я начал отбиваться изо всех сил и каким-то образом стряхнул их с себя. «Вы что, с ума сошли! Я же стараюсь изо всех сил!» – закричал я. Все как-то улеглось, я смог вернуться к себе в камеру, но на «Аум» в тот день окончательно поставил крест. Как можно так поступать с человеком, когда он отдает служению всего себя?

После этого случая мне несколько раз устраивали в одиночке «инициацию Христа». Это уже было что-то вроде опытов над людьми. Каждый раз, давая мне таблетку, Ниими обращался со мной не как с человеком, а как с какой-нибудь морской свинкой. «Пей!» – слышал я его ледяной безразличный голос. Вместе с ним наведывались Дживака⁶² и Ваджира Тисса⁶³. Из-за таблеток я мало что соображал, но это помню четко. Они заходили посмотреть, как на меня это действует. Я понял, что запертых в одиночках самана используют для экспериментов с лекарствами и наркотиками. Верхушка «Аум», видимо, считала, что от живых от нас мало толка и заставить нас накапливать добродетели можно лишь одним путем: пустив на опыты. И я всерьез задумался о том, куда меня завела судьба.

«Что же мне, умереть здесь? Как морской свинке? Если меня ждет такая участь, надо возвращаться в мирскую жизнь. Другого пути нет. Здесь творится какой-то кошмар. Это ужасно и бесчеловечно». Я был в шоке: до чего же дошел «Аум»!

После наркотической инициации все были совершенно измочаленными. Как-то получилось, что дверь моей камеры осталась открытой. На меня наркотик почему-то не очень подействовал или в тот раз я просто быстро оклемался. Так или иначе, я приготовил чистую

⁵⁸ В тибетском буддизме ба рдо – интервал между текущей и следующей жизнью, период времени между смертью и перерождением. В более широком смысле – промежуточная стадия между одним явлением и другим.

⁵⁹ В японском буддизме Эмма – властитель и судья мертвых, правитель подземного ада.

⁶⁰ Сиха – один из последователей Будды. Псевдоним Тахаси Томиты, боевика «Аум Синрикё». Приговорен к 17 годам тюрьмы за участие в проведенной сектой в 1994 году газовой атаке в г. Мацумото, в центральной Японии, жертвами которой стали семь человек.

⁶¹ Один из руководителей Министерства внутренних дел «Аум Синрикё». Приговорен к смертной казни.

⁶² Дживака – великий индийский лекарь. По преданию, личный врач Будды и основатель тайского массажа. Псевдоним Сэйити Эндо, главы «аумовского» Министерства здравоохранения, отвечавший за разработку отравляющего газа, который был использован сектантами в Токио и Маиумото. Приговорен к смертной казни.

⁶³ Псевдоним Томомаса Накагава, одного из руководителей «Аум Синрикё», помощника и врача Асахары. Приговорен к смертной казни.

одежду, убедился, что путь свободен, и, быстро переодевшись, выскользнул наружу. Обошел охрану и был таков⁶⁴.

Так я вернулся к обычной жизни. Не потому, что мне этого хотелось – просто дальше находиться в «Аум» стало невозможно. Деваться было некуда, и я поэтому явился к родителям. Они очень обрадовались, хотя теплых, родственных отношений между нами не было уже лет пять; в кругу семьи я больше себя не чувствовал. Хорошо было в «Аум» или плохо, независимо от этого в глубине души я четко понимал, что мирская жизнь – не для меня. Беда в том, что родители этого не понимали, и все рухнуло. Пошли ссоры, конфликты, и мы расстались, я ушел.

До этого, в марте 1995 года, в токийском метро распылили зарин. Что вы почувствовали тогда?

Поначалу я не думал, что это «Аум». Конечно, они проповедовали Тантра-Ваджраяну и вообще, там бог знает что творилось, но я и вообразить не мог, что они пустят в ход зарин. В секте же люди, которые и таракана обидеть не способны. Мне часто доводилось слышать об анекдотических проколах Министерства науки и техники, поэтому я никогда не думал, что они выйдут на такой уровень. Телевидение, газеты утверждали, что это дело рук «Аум», хотя секта и Фумихиро Дзёю категорически все отрицали. Сперва я им верил, но в ходе расследования стало ясно, что оправдания не стыкуются с фактами, и я засомневался: «А может, это и правда они сделали». Перечитав свой дневник, я отметил, что стал отходить от «Аум» примерно в августе 95-го. Тогда мне уже было ясно, что зариновую атаку в подземке организовала «Аум».

Я бежал из «Аум» – не мог больше соглашаться с ними, не мог выполнять их приказы и желания, – но приспособиться к жизни, в которую вернулся, так и не сумел. На мой взгляд, «Аум», со своими попытками преодолеть дурные страсти и желания, выглядит куда честнее, нежели современное общество. Я снова начал задумываться над тем, что же собой представляла эта организация, которой я посвятил всего себя. Что в ней было правильно, а что устроено не так.

Уйдя из дома, я устроился на почасовую работу в круглосуточный мини-маркет. С родителями я теперь помирился. Поддерживаю контакты с приятелями, с которыми познакомился в «Аум», мы встречаемся. Кое-кто из них все еще за «Аум» горой стоит, другие признают, что газовая атака была ошибкой, считая при этом, что само по себе «аумовское» учение – правильное. Сколько людей – столько и мнений. Но как бы то ни было, таких, кто порвал с «Аум» и живет, приняв ценности мирской жизни, почти нет. Меня же «Аум» больше не интересует, больше привлекает примитивный буддизм. И люди, порвавшие с «Аум», все равно так или иначе сохраняют тягу к религии.

Конечно, каждый человек вправе попытаться изжить в себе низменные страсти и желания. Он свободен в этом. Но мне кажется, с объективной точки зрения, очень опасно позволять другому человеку – гуру – брать под контроль принципы вашего самовыражения. Как вы думаете, много ли «аумовцев» – бывших и тех, кто остается в секте, – еще не понимают этого?

Думаю, мало кто об этом задумывается всерьез. Гаутама Будда говорил: «Каждый сам себе прибежище. Делай себя и никого другого своим прибежищем». Иными словами, последователи буддизма принимают аскезу, чтобы по-настоящему познать себя. Находят в себе нечистое, низменное и стараются от этого избавиться.

А Мацумото, как бы это проще сказать... отождествлял человеческое «я» с плотскими, низменными желаниями. Чтобы избавиться от собственного эго, говорил он, нужно отказаться и от своего «я». Человек любит себя и из-за этого страдает, а стоит отбросить свое «я», как получается настоящая, блестящая личность. С буддийским учением это не имеет ничего

---

⁶⁴ Масутани занял у прохожего денег на дорогу и поехал в Токио, к родителям. Через месяц после побега он узнал, что «Аум Синрикё» отлучила его. По словам Масутани, для этого не было никаких оснований. – Прим. автора.

общего. Подмена ценностей. «Я» – это то, что надо искать, а не отвергать. Преступные акции, связанные с террором, вроде зариновой атаки, проистекают именно из бездумной утраты индивидуальности. Лишившись ее, человек становится невосприимчив к убийствам и террору.

В конечном счете «Аум» вместо того, чтобы прокладывать путь к радикальному преодолению обуревающих человека страстей, создала людей без своего «я», послушно выполняющих приказы. Поэтому так называемые «постигшие», то есть те, кто насквозь проникся «аумовским» учением, на самом деле вовсе не являются посвященными, которым открылась истина. Это же настоящее извращение – когда люди, отказавшиеся ради «Аум» от мирской жизни, во имя «спасения» гонятся по городу за жертвоприношениями.

Я не верю разговорам, что Мацумото был нормальным, но мало-помалу сдвинулся. Это изначально сидело у него в голове, пусть и не в законченном виде. И он поэтапно продвигал свои изначально ошибочные теории.

То есть у него изначально был замысел постепенно перейти к Тантра-Ваджраяне? А не то что по ходу дела ему вдруг явилась дикая фантазия и он повел «Аум» не в ту сторону?

Думаю, имело место и то, и другое. В нем это было всегда, а потом он окружил себя подпевалами и утратил ощущение реальности. В итоге бредовые идеи приобрели такие масштабы.

Хотя в то же время, мне кажется, он всерьез замыслил достичь спасения. Иначе кто бы за ним пошел и еще стал отрекаться от мира? Есть в этом какая-то загадка. Я по своему опыту скажу: йога и духовные практики несут в себе таинственное и мистическое.

Сейчас секта пытается выстраивать себя на основе того же учения, за вычетом Сёко Асахары и Тантра-Ваджраяны, с которой столько проблем. Что вы об этом скажете?

В учении «Аум» ничего не изменилось, поэтому существует реальная угроза новых преступлений. Не сейчас, так в будущем. Надо иметь в виду, что оставшиеся в «Аум» люди на подсознательном уровне «переварили» зариновую атаку, она не вызывает у них отторжения, а значит, они скорее всего не отдадут себе отчета в том, как опасно это самое учение. Их интересуют лишь положительные стороны и собственная выгода.

Когда я думаю о жертвах проведенной в метро акции и своих бывших друзьях, которые были ее непосредственными исполнителями, мне очень хочется сказать тем, кто до сих пор верит в «Аум»: «Подумайте, что вы делаете!» Боюсь только, мои слова заставят их наглухо замкнуться в скорлупе, которой они себя окружили. Нам остается одно: постепенно открывать им глаза на правду и ждать, что они обратят на нее внимание.

Как наладить контакт с окружающим миром? Для меня это сложный вопрос. Ни с какими организациями связываться больше не хочу – с меня довольно. Попробую сам, один. Борюсь со своими страстями – нелегкая работа, и по этому пути можно двигаться лишь шаг за шагом, надеясь только на самого себя.

Вы провели в «Аум Синрикё» по меньшей мере семь лет, с первого курса. Нет у вас ощущения, что это время потрачено зря?

Нет. Ошибки есть ошибки. Однако мы учимся на них, и это ценно. За счет этого можно изменить свою жизнь.

Некоторые бывшие «аумовцы» не хотят больше ничего знать о секте, не читают газет, не смотрят телевизор. Закрыли глаза на все, что было. Но ведь так ничему не научишься, не извлечешь урока из неудачи, не обезопасишь себя от повторения ошибок. Это как экзамен: провалился – значит, надо разобраться, в чем ошибка. Иначе в следующий раз снова ее повторишь.

В ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ Я БЫЛА МУЖЧИНОЙ Миюки Канда (р. 1973)

Родилась в префектуре Канагава в типичной для среднего класса семье. Отец – служащий. С самого раннего детства ее привлекали загадки и чудеса. В шестнадцать лет прочитала книгу Сёко Асахары, которая произвела на нее такое сильное впечатление, что она пришла в «Аум Синрикё». Вместе с ней в секту вступили два ее старших брата. Бросила школу, чтобы целиком отдаться подвижническому служению, и стала послушницей.

Беседуя с Миюки, я понял, что «Аум Синрикё» была для нее идеальным «вместилищем», а служение, вне всякого сомнения, – куда большим счастьем, нежели обычная жизнь, в которой она не могла открыть для себя никаких ценностей. Кроме своего духовного мира ее ничто больше не интересовало. Поэтому «Аум Синрикё», где можно было, оторвавшись от действительности, целиком отдаться духовному самосовершенствованию, представлялась ей чем-то вроде рая.

Конечно, кто-то может посмотреть на это так: шестнадцатилетняя девочка в секте... это же «похищение несовершеннолетних, промывка мозгов». Однако я больше склоняюсь к мысли, что когда в обществе есть такие люди, как Миюки, – это совсем не плохо. Кто сказал, что в этом мире всем положено шагать строем, плечо к плечу? Должны быть и такие люди – пусть их немного, – кто глубоко задумывается о вещах, напрямую не связанных с общественной пользой. Проблема в том, что секта «Аум Синрикё», где командовал Сёко Асахара, стала практически единственным прибежищем для таких людей. А в результате выяснилось, что это прибежище несет в себе огромное зло. Проще сказать, рай оказался миражом.

Когда я размышляю о чистоте помыслов, реальность нависает надо мной тяжким грузом. Мне даже кажется, что, вытесненная чистотой, она ищет случай где-то отомстить. Эта мысль неожиданно пришла мне в голову во время разговора с Миюки.

При расставании я спросил, не чувствует ли она себя «нечистой» после такой долгой беседы с человеком из «этого мира». Замявшись, Миюки дала откровенный ответ: «По логике это так». Серьезный человек. Она угостила меня хлебом домашней выпечки, легким и очень вкусным.

Я родилась в Канагаве. В семье было еще двое детей – мои старшие братья. Отец – добропорядочный служащий. М-м... Ну и вообще положительный человек. В работе очень точный и аккуратный – это я от других людей слышала. Поэтому на первом месте у него была работа, а семья – только на втором, но по воскресеньям он обязательно нас куда-нибудь водил. Мама была добрая, всегда заботилась о нас, обращала внимание на то, чего мы не замечали, помогала во всем. А так – ничего особенного. Самая обыкновенная семья. Жили как многие другие, без особых проблем.

С детских лет со мной стали происходить необъяснимые и загадочные вещи. Например, во сне я видела все совсем как наяву. Никакой разницы. Это не сны, а скорее истории – длинные, непрерывные, с четкими картинками. Проснувшись, я могла вспомнить каждую деталь. Во сне я посещала другие миры, покидала свое тело, переходя в астрал. Все повторялось раз за разом, каждый день. С тех пор как я себя помню. В астрале тело как бы застывает, останавливается дыхание, возникает ощущение полета. Особенно остры эти переживания, когда устанешь.

Во сне со мной происходило то, что невозможно испытать в реальности. У меня обнаруживались сверхъестественные способности, я могла летать, передвигаться на транспортных средствах, которых еще не существует в этом мире, управлять ими. И сама недоумевала, как это у меня получается.

Это не то, что мы называем «снами». То, что я видела, совершенно не отличалось от реальности. Легче было бы провести четкую границу:

«Это – сон, наяву такого не бывает». Однако во сне мне являлись картины, очень похожие на реальность, и я не знала, что думать: «Реальность? Или нет?» Различать сон и действительность становилось все труднее. Я перестала понимать, где настоящая реальность. Сны казались более реальными, чем явь. Меня это порядком угнетало. Я спрашивала себя: «Что

же в этом мире правда? Где мое настоящее сознание?»

Это очень сильно подействовало на меня. Я рассказала родителям обо всем, что со мной происходит, но они толком не поняли, о чем речь, и отнеслись к моим словам с недоверием.

У меня довольно замкнутый характер, но я ходила в школу, как все, дружила с другими детьми. Училась без большого желания, хотя любимыми предметами занималась с удовольствием. Например, японским языком. Любила читать – научную фантастику, фэнтези. От братьев перешло. Еще нравились комиксы, анимэ. А вот математика для меня была просто ужас. И с физкультурой я не особенно дружила.

От мамы я часто слышала: «Учись! Будешь хорошо заниматься – попадешь в хорошую школу, потом на хорошую работу сможешь устроиться». Родители всегда так своим детям говорят. Но если честно, учеба меня не очень интересовала. Пришло время сдавать экзамены в школу третьей ступени⁶⁵, но для меня они не представляли никакой ценности. Я и подумать не могла, что это важно.

Сны не прекращались. Чего только не снилось! Я посещала разные миры. Это были увлекательные, но недолгие путешествия. Наступал момент – и все вдруг разваливалось, распадалось на части. Я побывала на войне – много раз видела смерть, чувствовала, как она ужасна, глубоко скорбела по погибшим. Это повторялось много раз. Я поняла всю бренность этого мира, обнаружила, что ничто не длится вечно, что из непостоянства сущего и истекают людские страдания.

Иными словами, кроме реальной жизни, параллельно в вашем сознании существовала «еще одна жизнь». Четкое осознание того, о чем вы говорите, пришло к вам благодаря богатым эмоциональным ощущениям, почерпнутым не в реальной, а скорее в той самой «еще одной жизни». Правильно?

Именно так. В действительности мне еще не приходилось переживать смерть близких или знакомых, но, глядя по телевизору на больных и умирающих людей, я понимала, что реальный мир столь же быстротечен и непостоянен и люди в нем так же страдают. Так мои сны были связаны с реальностью.

Последние три года я проучилась в муниципальной школе в Канагаве. Там были совсем другие разговоры – кто в кого влюблен, о моде, где лучше караокэ. Только о развлечениях. Для меня эта болтовня не имела никакой ценности, и я всегда оставалась в стороне.

Из-за этого я много времени проводила наедине с собой, за книгами. И сама кое-что писала. Мои сны были как рассказы, и мне казалось, что о них могла бы получиться книжка. Ведь некоторые писатели так и пишут – увидят что-нибудь во сне, возьмут идею, и роман готов. Разве не так?

Что касается меня, то о парнях я особенно не мечтала и никогда не завидовала, когда другие девчонки с кем-то встречались. Не видела в этом большого толка.

В шестнадцать лет я впервые познакомилась с «аумовскими» книгами. По совету брата. Он мне дал несколько штук со словами: «Почитай. Интересно». По-моему, это были «За гранью жизни и смерти», «Инициация» и «Махаяна-сутра». Я читала и думала: «А ведь это как раз то, что я ищу!» И я решила немедленно вступить в «Аум».

В книгах говорилось о том, что путь к истинному счастью лежит через духовное освобождение. Достигнув освобождения, приходишь к вечному счастью. Я, например, с детства ощущала бренность земной жизни – даже чувствуя себя счастливой, нельзя надеяться, что счастье продлится вечно. А как было бы замечательно, будь такое возможно! Не только для меня, для всех людей. В этом смысле слово «освобождение» имеет невероятно притягательную силу.

А слово «счастье» что для вас означает?

---

⁶⁵ В Японии существует трехступенчатая система школьного образования: шесть лет начальной школы – первая ступень, три года средней школы – вторая ступень и три года повышенной средней школы – третья ступень.

К примеру, огромное удовольствие – поболтать с друзьями. В кругу семьи, с родными пообщаться. В такие минуты я счастлива. Мечтаю, чтобы это никогда не кончалось. Так что для меня очень важны разговоры. Куда больше, чем развлечения.

А вот как я понимаю освобождение. По существу, жизнь – это страдание, и, попросту говоря, освобождение есть полное прекращение страданий. Человек, добившийся освобождения, может избавиться от страданий в нашем непостоянном мире. В книгах, которые я читала, описывались упражнения, с помощью которых человек может прийти к освобождению. Перед тем как вступить в «Аум», я каждый день старалась их делать. Сидя дома перед книгой, выполняла асаны, делала дыхательные упражнения.

Мои братья тоже читали эти книги. Увлечшись «Аум», они сказали мне, что собираются вступить в братство. Знаете, у нас у всех троих очень схожие взгляды, да и образ мыслей тоже. Самый старший брат видел такие же сны, что и я, хотя у него они были не столь яркие. Со вторым братом это тоже нередко бывало.

И вот мы втроем явились в додзё в Сэтагая и попросили анкеты, которые заполняли все, кто приходил в «Аум». Стали вписывать имена, адрес, но нас сначала пригласили на беседу. Провели к мастеру додзё. Он спросил, зачем нам «Аум», и изумился, услышав в ответ: «Для просветления и освобождения». Большинство вступающих, похоже, рассчитывали получить нечто другое – какие-то земные выгоды, сверхъестественные способности.

Мастер рассказал нам о многом, но меня больше всего впечатлило царившее в додзё спокойствие. Сам воздух был напитан умиротворением и покоем. В тот же день вся наша троица стала членами братства. Помню, каждый заплатил тридцать тысяч иен, включая ежемесячные взносы за полгода. У меня денег не хватило, пришлось занять у братьев.

А родители что-нибудь говорили, узнав, что дети все разом вступили в «Аум Синрикё»?

Да. Тогда вокруг «Аум» никакого шума не было, и мы сказали им, что просто ходим в центр изучения йоги. Это уже потом пошли слухи о братстве, появились разные проблемы.

Первое время мы занимались распространением «аумовских» рекламных листовок. Это называлось служением. Раскладывали листовки по почтовым ящикам или просто раздавали на улице прохожим. В основном – по воскресеньям. Мне нравилось это дело. Разобравшись со своей порцией листовок, я была довольна сделанной работой. На душе становилось светло, сама не знаю почему. Служение – это накопление добродетелей, которые дают человеку энергию для роста, подъема на новую ступень. Нам часто говорили об этом в «Аум».

В братстве у меня появились новые друзья. Потом в «Аум» пришла моя бывшая подруга – мы раньше с ней учились в другой школе. Стали на пару раздавать листовки. Не подумайте, что это я ее сагитировала. Я лишь рассказала ей о братстве, и она захотела присоединиться.

Вступив в братство, я продолжала свои упражнения, и вскоре мне довелось испытать «дхарти сиддхи»⁶⁶ – состояние, предшествующее способности к левитации, иначе говоря, когда тело начинает подпрыгивать, отрываясь от земли. Оно наступило дома – я как раз выполняла дыхательные упражнения. Теперь я могу делать это свободно, когда захочу. Вначале я не понимала, что со мной, но скоро научилась в какой-то степени контролировать происходящее.

Хотя сперва это было что-то! Эти подскоки (смеется)... Что делать? Домашние, глядя на меня, не знали что и думать. В «Аум» говорили, что я достигла этой стадии довольно быстро. Думаю, дело в том, что у меня, наверное, с детства духовные способности развиты.

Какое-то время я совмещала «Аум» со школой, но походы в это учреждение казались мне все более бессмысленными. Не бессмысленными даже, скорее – ненавистными. В школе я была белой вороной. Вот вам пример: одноклассники все время говорили об учителях гадости, а в «Аум» нас учили о других людях плохо не говорить. Тут концы с концами никак не сходятся.

---

⁶⁶ Элемент так называемой «техники трансцендальной медитации», высшей стадией которой являются «йогические полеты» – вызывающая споры и возражения способность некоторых йогов отрывать тело от земли. Внешне йогический полет выглядит как «подскоки» из положения сидя со скрещенными ногами вертикально вверх или вверх и вперед.

Или все эти разговоры в школе... как бы оттянуться, кайф получить. «Аум» же применяет на практике принцип «Не гоняйся за удовольствиями». То есть все наоборот. Тоже одно с другим не стыкуется.

Для того чтобы добиться освобождения и просветления, упражнения лучше делать не дома, а целиком посвятить им себя, уйдя в братство. Так быстрее добьешься результата. Эта мысль крепко засела у меня в голове. Я менялась, выполняя упражнения, понимала это, и мне хотелось измениться еще больше.

И когда я объявила в братстве, что хочу стать послушницей, возражать никто не стал: есть желание – пожалуйста.

Перейти в послушницы – значит отказаться от страстей и желаний. От чего вам трудно было отказаться?

Было очень непросто. Сомнения, колебания... Я так долго жила в семье и теперь лишалась возможности свободно общаться с близкими. Вот что тяжелее всего. И еще еда... Послушникам положено есть лишь определенную пищу. Вообще-то для меня еда не проблема, но дело не только в ней. Все-таки я очень волновалась, как у меня пойдут дела.

Старший брат к тому времени уже бросил колледж и ушел в братство. Родители уговаривали его подождать, хотя бы закончить учебу, но он их не послушал. Второй же брат мирскую жизнь на послушничество менять не собирался.

Когда я уходила, родители плакали. Им очень хотелось меня удержать. Но я считала, что не сумею сделать для них ничего хорошего, если все останется как есть. Я стремилась не просто к «любви», а к «любви» в более широком значении. Думала, что, изменив себя, сделаю доброе дело родителям. Конечно, расставаться было тяжело, однако в конце концов я решилась.

Для начала меня отправили «на стажировку» в префектуру Яманаси, в «Сэйрю сёдзя»⁶⁷, оттуда перебросили в Токио, в тот самый додзё в Сэтагая, где мне пришлось заниматься самыми разными делами – связями с членами братства, не принявшими послушничества, печатанием листовок, которые я потом отвозила братьям и сестрам, отвечавшим за их распространение. Я не жалела о переходе в другое качество, хотя порой и чувствовала себя одиноко в этой новой жизни. В братстве у меня появились новые друзья. Тогда в «Аум» приходило много девушек моего возраста, и в додзё мы чувствовали себя прекрасно. Между нами нашлось много общего. О чем мы говорили? Как добиться прогресса в духовных практиках (смеется). В конце концов, все мы пришли в «Аум» потому, что окружающий мир казался нам лишенным ценностей. После примерно года в Сэтагая меня перевели в штаб-квартиру у Фудзи кем-то вроде секретаря-администратора. Я провела там полтора года и оттуда была направлена на объект № 6 в Камикуисики, готовила «подношения» – которые во время специальной службы подносились богам, после чего их съедали самана.

Еду, то есть? И что же вы готовили?

Хлеб, какие-нибудь печенья, иногда что-то наподобие гамбургеров. Рис, морскую капусту, что-нибудь жареное... Меню периодически слегка менялось. Одно время готовили лапшу. В основном овощные блюда, не мясо. Гамбургеры из тофу⁶⁸.

Готовившие еду все время менялись – их было то больше, то меньше. Под конец осталось трое. Только женщины. Кроме них никто не имел права этим заниматься. Это же священная пища, подношение богам.

Вас оставили. Значит, решили, что вы достойны?

---

⁶⁷ Один из объектов «Аум Синрикё» в районе горы Фудзи, где «аумовцы» пыталась наладить производство автоматического огнестрельного оружия по советским образцам.

⁶⁸ Соевый творог, широко применяемый в японской кухне.

Наверное. Хотя работа была тяжелая. По-настоящему физическая. Мы готовили каждый день с утра до вечера, валились с ног от усталости. Одно время число самана в братстве очень выросло, и всех надо было накормить. Работать приходилось без перерыва.

На сто самана полагалось приготовить сто порций. И не только приготовить, но и перенести в помещение с алтарем, расставить там... А потом еще раздать всё самана.

Что готовить, решали старшие. В принципе меню составлялось на основе необходимого сейчас человеку рациона. Вкус? Людям со стороны наша еда казалась простоватой. Увлечение вкусом искушает плоть, впрочем, особых строгостей не было. Короче, еда, не возбуждающая аппетит. Наша задача была не деликатесы готовить, а обеспечить людей необходимым питанием, чтобы они могли нормально жить и заниматься своим делом.

Хлеб и печенье выпекали сами в большой пекарне, где были и тестомешалка, и резальная машина, и печь. Продукты закупал специальный человек.

Работе на кухне мы нигде не учились. Учитель часто говорил: «Вы должны вкладывать душу в то, что делаете». После готовки – уборка и чистка кухни. И нам говорили: «Думайте, что наводите блеск на свою душу». Поэтому даже самую простую работу я старалась выполнять с душой. Когда я жила дома, меня такие вещи мало интересовали. А в Камикуисики я четыре года готовила подношения в Сатиаме № 6. Каждый день.

Сёко Асахара как раз жил там, в Сатиаме №6?

Да. У него было несколько домов, а главная резиденция – в Сатиаме № 6. Хотя она была отделена от помещений, где жили послушники. Время от времени мы могли его видеть. Иногда – очень редко – заходил попробовать нашу еду, хотя обычно для него готовили отдельно.

Параллельно с работой я продолжала духовные тренировки, познавая все больше и больше.

Стала четко представлять истинный смысл своих страстей и заблуждений, научилась чувствовать состояние внутренней энергии. И подстраивать под это свои тренировки. Путь к освобождению занял четыре года.

Вы сказали «освобождение». А кто это решал? Учитель? «Ну все! Ты достигла освобождения...» Это он говорил?

Да. В конечном счете так и было. Чтобы добиться избавления, нужно выполнить множество условий, и в зависимости от этого Учитель определял, справился человек с задачей или нет. Как правило, избавление наступает на самом пике духовной тренировки. Есть специальная экстремальная практика. Погружаясь в нее, переживаешь странное, непередаваемое чувство, и когда оно, накапливаясь, образует «критическую массу», наступает духовное просветление. Это и есть стадия избавления.

Достигшего ее нарекали иносекским именем. Хотя позднее система изменилась, и такие имена стали давать и тем, кто не дошел до избавления, а сделал лишь несколько шагов к нему.

А ваши сны и переходы в астрал, что начались еще в детстве? Что-нибудь изменилось с уходом в братство?

Мои духовные возможности стали выше, я испытывала все более удивительные ощущения. И могла гораздо лучше их контролировать. Научилась отличать сны от реальности и управлять ими, как мне хочется. Я помнила свою прошлую жизнь, и еще у меня открылась способность видеть, кем окружающие меня люди будут в следующей жизни.

Прошлую жизнь я представляю очень живо, она для меня – реальность. «Моя прошлая жизнь!» Я понимаю это сразу, в одно мгновение. Это как озарение.

Вообще-то в той жизни я была мужчиной. Вспоминаю детство – и все становится на свои места, складывается в четкую картину. Когда я была маленькой, меня постоянно принимали за мальчика. Я удивлялась:

почему? Но раз в прошлой жизни мне довелось быть мужчиной, тогда все понятно.

А кроме пола? Может, грехи прошлой жизни как-то влияют на ход нынешней?

Детство у меня было счастливое, хотя иногда и доставалось по полной программе. Не потому ли, что приходилось расплачиваться за неправильные поступки в прошлой жизни?

Не подумайте, что придираюсь к вашим словам, но разве с другими людьми бывает не то же самое? Ведь у каждого в жизни случаются тяжелые минуты. Независимо от духовных возможностей, перевоплощений и прочего.

Так-то оно так. Хм-м... Но все же то, что происходит с человеком в детстве, когда хорошее и плохое вокруг не так на него влияет и жизнь только начинается, отчасти родом из его прошлой жизни.

Даже когда ребенок еще толком не столкнулся с реальностью, на его долю уже выпадают неприятные переживания. Например, он хочет есть, а ему не дают. Хочет, чтобы мать взяла его на руки, но она не берет. И прошлая жизнь, и грехи здесь ни при чем. Все зависит от возраста, и проблема, думаю, в «боли», которую испытывает человек, оказавшись лицом к лицу с реальностью.

Но это понимаешь только в определенных случаях.

Когда в марте 1995 года в метро случилось это происшествие с зарин, я как обычно работала на кухне в Сатиаме № 6. Мне рассказали о нем другие «аумовцы»: «Слышала, что в токийской подземке? Подозревают "Аум"». Я подумать не могла, что братство имеет к этому какое-то отношение. Это кто-то другой сделал, не знаю, кто, но не «Аум».

До этого случая ходили разговоры, будто на объектах в Камикюисики распылили зарин, устроили вроде газовой атаки. Может, что-то и было. Потому что многие неожиданно почувствовали себя плохо, и я в том числе. Шла кровь – из легких, изо рта. Напала какая-то сонливость. Потом начала плевать кровью, появились головные боли, тошнота, стала быстро уставать. Так что газ точно распылили. Иначе с чего вдруг столько людей сразу заболели? Раньше такого никогда не было.

По правде сказать, я была в шоке, когда нагрянула полиция. Мы же ничего плохого не совершили; мне казалось, из нас нарочно делают злодеев. В Сатиаме № 6 тоже провели обыск. В помещении, где готовили подношения, все перевернули вверх дном. Наша работа встала, пришлось всем денек поголодать. Полиция – это страшно. Я сама видела, как они избивали людей. До сотрясения мозга.

Вы все время находись в Сатиаме № 6. Не замечали вокруг чего-нибудь необычного, когда в Токио произошла зариновая атака?

Нет. Я без передышки готовила подношения и ничего такого не слышала и не видела. Мы контактировали друг с другом только в Сатиаме № 6. Работы было много, наружу выходили нечасто и плохо представляли, что происходит за нашими стенами. Я общалась в основном со сверстницами, с которыми вместе готовила подношения. Мы здорово ладили.

Те, кто совершил зариновую атаку, были арестованы, признались и начали давать показания. Причастность «Аум» к этому преступлению стала понятна. Что вы тогда испытывали?

До нас такие новости не доходили. Я об этом почти ничего не слышала. Все-таки мы жили в горах, в глухой деревушке, без газет и телевидения. У меня было весьма отдаленное представление о происходящем в мире.

Хотя, разумеется, не все были такие малоинформированные, как я. Если человек хочет получить информацию, он ее получит. Просто меня это не интересовало. И в мыслях не было,

что случившееся в токийском метро – дело рук «Аум». Я вообще равнодушна что к телевизору, что к анимэ и старалась ничего такого не касаться.

Заволновалась я на следующий год, когда начались разговоры о законе против подрывной деятельности. Будь он принят, наше братство развалилось бы. Я бы не смогла так сосредоточенно заниматься духовной тренировкой и лишилась привычной защищенной среды обитания. Пришлось бы жить за собственный счет. Это пугало меня.

То есть этот закон лишал вас послушничества, заставлял зарабатывать на жизнь. И мешал духовному совершенствованию. Поэтому вы и растерялись тогда. Но неужели даже спустя год после того происшествия у вас не появились сомнения, что «Аум» может быть к нему причастное.

Нет, сомнений у меня не было. И у всех, кто окружал меня, тоже. Люди из Сатиама № 6 почти не имели контактов с внешним миром. Информация к нам не поступала.

Я готовила подношения в Сатиаме № 6 до последнего дня, пока в конце концов меня не выселили из Камикуйсики. Есть самана стало нечего, их ряды основательно поредели. Люди стали расходиться. Но если человек уходит без средств к существованию, как ему жить? Должна быть хоть какая-то работа, иначе как платить за жилье? Ведь самана выдавали гроши только на карманные расходы. Раз в месяц. И все. Поэтому люди уходили один за другим, чтобы как-то устроиться в жизни. Грустно было наблюдать за этим. Нас становилось все меньше – как зубьев в старом гребешке. Я держалась до последнего. Меня выставили оттуда 1 ноября 1996 года.

Я перебралась в префектуру Сайтама, где жили человек десять наших. Хозяина дома не смутило, что мы из «Аум», и он великодушно согласился нас принять. Сдал нам нечто вроде здания под контору, причем недостроенного, поэтому других претендентов на него не было. Все устроились на почасовую работу и поддерживали тех, кто не мог работать, – детей и стариков.

Я же решила пустить в дело опыт, накопленный в Сатиаме № 6, и открыть на первом этаже пекарню. Деньги выделили мои родители.

Чуткие у вас родители, однако.

Это точно. Понимающие (смеется). Так что у меня пекарня. Придумали симпатичное название – «Летающий сладенас», но из-за журналистов успеха предприятие не имело. Как только мы зарегистрировались, тут же набегали репортеры из газет, с телевидения. Не иначе как в муниципалитете пронюхали. Так или иначе, пекарня «засветилась», ее показали по телевизору. И клиенты отказались от наших услуг под предлогом, что пекарня принадлежит членам «Аум». Из-за этого на какое-то время дело встало.

Обычные покупатели к нам ходить перестали. Попробовали наладить торговлю через Интернет – ничего не получилось. Про нас уже все знали. Сменили вывеску – тоже не пошло. Наши партнеры привозили нам товар и наталкивались на полицию: «Зачем вы сюда приехали? Не знаете, что здесь "аумовцы" окопались?» Какой уж тут бизнес! Мы думали организовать выездную торговлю, получили разрешение, а что толку? Ясно было, что полиция нам жизни не даст.

Сейчас мы продаем хлеб самана и последователям «Аум». Печем два раза в неделю и развозим. Концы с концами кое-как сводим. Хотя, кроме своих, никто у нас не покупает.

Полицейские по-прежнему околачиваются у пекарни. Стоит кому-то появиться на горизонте и подойти к двери пекарни, как они его перехватывают, начинают расспрашивать и предупреждают, что он идет прямо в лапы к членам «Аум». Я в их планы не посвящена, но мне кажется, они просто пытаются создать видимость какой-то деятельности. Как вы думаете? Бывает, заходят и просят хлеба. Мы даем. Но когда приходят за «добавкой», говорим, что неплохо бы заплатить.

Иногда мы предлагаем свою выпечку людям, что живут по соседству. Разговариваем. Они нам говорят: «Мы боялись, что вы здесь чем-то нехорошим занимаетесь, а оказалось, у вас и в

самом деле пекарня». Вот что такое журналисты.

Как вы относитесь к газовой атаке и трагедии с адвокатом Сакамото? Сейчас, когда вернулись в общество? Подавляющее большинство убеждены, что «Аум Синрикё» в ответе за эти преступления.

Как бы это сказать?.. Мне трудно привести мысли в порядок и судить о чем-то. Слишком велик разрыв между тем, что было со мной, пока я жила в «Аум Синрикё», и картиной, которую рисуют другие, незнакомые люди. Что касается этих происшествий, то я начинаю думать: может, и вправду было, как люди говорят, хотя на суде показания все время меняются. Что здесь правда, а что нет? Никак не уразумею.

Детали свидетельских показаний, типа «кто чего когда сказал», действительно меняются, но факт остается фактом – пятерка «аумовских» вождей распылила в метро зарин, чтобы убить ни к чему не причастных пассажиров. Я хочу знать, что вы об этом думаете. Лично вас я ни в чем не обвиняю, просто хотелось бы знать ваше мнение.

Ну... Я не могу в это поверить. В голове не укладывается. За все время, что я была послушницей, я ни разу живое существо пальцем не тронула. Никого не убивала – ни единого таракана, ни комара. Я и сейчас так живу, и все, кого я знаю, – то же самое. Поэтому мне и не верится, что такое могло произойти. Почему? Зачем?

Я слышала проповеди о Тантра-Ваджраяне, но с реальностью их не связывала, да и жизнь свою по ним не строила. Воспринимала лишь как заключительную частичку огромного учения, которое я постигала все это время.

Для меня гуру – человек, помогающий в трудную минуту, когда в духовной тренировке появляются какие-то проблемы. В этом смысле гуру был мне необходим.

То есть вы не считали его абсолютным существом, заслуживающим абсолютного поклонения?

Абсолютного... Хм-м... Конечно, бывало, Учитель спрашивал: «Можешь ты сделать это?» В таких случаях я сама решала, смогу или нет. Прямо так и говорила: «Трудновато будет». Не дакала всякий раз. Да и все остальные, кого я знала, вели себя так же. Так что в моем представлении абсолютное существо здесь ни при чем. Наверное, это журналисты так дело представляют.

Люди ведь все разные. Есть такие, которые со всем согласны, что им ни скажи, но многие думают по-своему и действуют соответственно.

А если бы вы оказались в таком положении: Учитель для вас – абсолютный гуру, единственный человек, которому вы верите, который руководит вами? И он говорит: «Делай!» Как бы вы отреагировали?

Думаю, даже те, кто организовал эту газовую атаку, – а мне довелось их видеть своими глазами, – это люди с достаточно ярко выраженной индивидуальностью. Они считают себя личностями и могут высказать свое мнение кому угодно. Поэтому не знаю, что вам ответить. Я вспоминаю, какими они были в братстве, и не представляю, что они способны совершить такое. Если бы я лично все наблюдала, это бы меня, наверное, убедило, но за это время я такого наслушалась об этом деле... Поневоле засомневаешься: а все ли правда, что о них говорят.

А суд над Учителем. Там еще так много неясного. Я хочу подождать. Поживем – увидим. Пока Учитель все не разъяснит, я никаких выводов делать не могу. Ведь как говорят его адвокаты, еще не установлено, отдавал он приказ отравить газом метро или нет⁶⁹.

⁶⁹ В заключении Сёко Асахара отказался разговаривать не только с юристами, но и с членами своей семьи, проводил дни в «медитациях», сидя с закрытыми глазами и что-то невнятно бормоча, что позволило его адвокатам

Значит, вы будете ждать, пока все кончится?

Я не говорю, что он на сто процентов этого не делал. Просто сейчас еще слишком рано судить об этом. Нельзя быть ни в чем уверенной, пока не прояснятся факты.

Вы сказали, что деньги на пекарню дали родители. У вас с ними по-прежнему хорошие отношения?

Добившись своего – став послушницей, – я как-то заезжала домой, несколько раз звонила. Родители никогда на меня не давили, не грозились выставить за порог. Наоборот, они всегда говорят: возвращайся в любое время. Но для меня это невозможно. Может, мое отношение к этому миру изменится – если что-то покажется мне в нем прекрасным, возвышающим душу. Но пока этого нет. Я находила это лишь в «Аум».

Я прожила в братстве семь или восемь лет. Бывало, меня охватывал трепет, когда во время духовных тренировок копившаяся внутри грязь выходила наружу. В процессе работы души проникаешь вглубь себя и оказываешься лицом к лицу со своими грехами и страстями, которые поднимаются на поверхность. Обычные люди прикрываются выпивкой и развлечениями, но те, кто погружен в собственную душу, не могут себе такого позволить. Им остается один на один противостоять тому, с чем столкнулись. Это очень тяжело. В такие моменты сердце по-настоящему трепещет. Однако волнение скоро уляжется, сомнения уйдут, и ты чувствуешь: можно продолжать духовную практику. И я ни разу не помышляла всерьез о возвращении в этот мир.

Что касается моей школьной подруги, с которой мы вместе пришли в «Аум», то она до сих пор в братстве. Там совершенствуется. Бывший послушником брат вернулся домой как раз перед газовой атакой. Живет теперь мирской жизнью. Хм-м... Думаю, он попал под выброс той самой грязи, о которой я говорила, и не сумел ее перебороть. А раз так – нечего рассчитывать на избавление.

ТОГДА Я ПОДУМАЛ: «ЕСЛИ Я ЗДЕСЬ ОСТАНУСЬ, ПОГИБНУ НАВЕРНЯКА»

Синъити Хосои (р. 1965)

Родился в Саппоро. После школы хотел стать художником – рисовать комиксы. Приехав в Токио, поступил в художественный колледж, но через полгода бросил. Судьба случайно свела его с «Аум Синрикё», и он вступил в секту. Работал в «аумовской» типографии, затем перешел в группу анимации, где нашел применение своим способностям рисовальщика, а закончил «карьеру» сварщиком в Министерстве науки и техники. В 1994 году произведен в «мастера». Работал на строительстве Сатиама № 7, где был устроен химический завод. Все время отдавал работе, духовной практикой почти не занимался. Зато приобрел много практических навыков.

После обысков на объектах «Аум» услышал, что выдан ордер на его арест, и сдался полиции. Провел двадцать три дня в предварительном заключении, освобожден в связи со снятием обвинений. В июне 95-го отправил из тюремной камеры заявление о разрыве с «Аум». Затем на время вернулся в Саппоро, но сейчас снова живет в Токио. Рассказывая, он показывал свои рисунки, на которых подробно запечатлена жизнь в Сатиаме.

Стройный, худощавый молодой человек. Член «Канарского общества», созданного бывшими членами «Аум». К секте и Сё ко Асахаре относится критически.

Мой отец – обыкновенный служащий. Еще у меня был старший брат. В детстве наша

семья одно время жила в Киото, но вырос я в Саппоро.

В начальных классах не любил ходить в школу. Дело в том, что мой брат был инвалидом с отсталым умственным развитием. Его водили в специальную школу для таких детей. Меня в школе часто дразнили из-за брата, так что ничего хорошего об этих годах вспомнить не могу.

Сколько себя помню, мама все свое время посвящала брату, не отходила от него ни на шаг. На меня внимания уже не оставалось, поэтому мне все время приходилось играть одному. Как мне хотелось, чтобы мама меня приласкала! Но она всегда говорила: «Ну что ты! Ведь твоему несчастному брату так плохо». Из-за этого я едва не возненавидел его.

Я рос угрюмым и мрачным. Очень сильно на меня повлияла смерть брата. Мне тогда было четырнадцать лет. Он умер от гепатита В. Это стало для меня огромным потрясением. Где-то в глубине сердца жила надежда, что в конце концов ему помогут и он будет счастлив. В моем представлении это был своего рода религиозный образ. И когда он разбился, столкнувшись с суровой действительностью, это меня прямо-таки подкосило. Я думал, что слабым полагается спасение, но реальность не оправдала моих надежд.

Тогда как раз все говорили о пророчествах Нострадамуса. Что человечество погибнет в 1999 году. Мне это предсказание ласкало слух, потому что я ненавидел мир, в котором живу. В политике царят коррупционеры, вроде Какуэя Танаки⁷⁰, кругом жульничество и неравенство, и никто не придет на помощь слабому. Я думал о пределе возможностей общества и человека, и от этого становилось еще противнее.

Хотелось поделиться с кем-нибудь своими мыслями – но с кем? Все или заболели зубрежкой перед экзаменами, или, кроме машин и бейсбола, ни о чем больше не могли говорить. В старших классах я ходил в художественный кружок; мне страшно нравились манга, которые рисовал Кацухиро Отомо⁷¹, мало кому тогда известный. Они были такие настоящие, необыкновенно живые. Пусть мрачные, но зато совершенно реальные. Настолько, что, глядя на них, невольно подумаешь, что такое и на самом деле бывает. Я любил перерисовывать картинки из его книжек – «Прощай, Япония», «Короткий мир», «Вальс буги-вуги».

Я мечтал уехать из дома и перебраться в Токио, поэтому, отучившись, поступил в промышленно-художественную школу «Тиёда». На специальное отделение манга. Но меня хватило только на полгода. Не знаю, почему, но мне всегда казалось, что между мной и остальным миром стоит стена, которая после приезда в столицу вдруг сделалась еще выше. Люди вокруг относились ко мне по-доброму. Я даже с девушками стал встречаться. Но стоило подумать: «Вот нормальная девчонка. То, что надо», – как между нами возникала какая-то преграда. Вернее, я сам ее возводил. Занятия в школе меня вполне устраивали, проблема была в другом – в людях. Я никак не мог ни с кем сойтись. Часто бывал на вечеринках вместе со всеми, хотя эти загулы с выпивкой не представляли для меня никакого интереса. Я там был как белая ворона – один трезвый. Отвращение к миру становилось все сильнее.

Оглядываясь сейчас назад, я задаю себе вопрос: «Что это было со мной?» Ведь у меня была возможность наладить отношения с самыми разными людьми, а я ей не воспользовался, отверг всех. Но тогда иначе и быть не могло – я сам себя загнал в угол. В общем, я бросил школу и какое-то время жил, перебиваясь случайными заработками и изучая манга. Немного денег присылали родители, но жить одному, когда тебе восемнадцать или девятнадцать, все-таки тяжело. Ты существуешь в замкнутом пространстве, и это, конечно, действует на психику. Дошло до того, что я начал бояться людей.

Они меня пугали. Казалось, им хочется заманить меня в ловушку, как-то навредить. Я становился черствым и нетерпимым. Увидев на улице счастливую пару или радостную семью, думал: «Чтоб вам пусто было!» – и в то же время ненавидел себя за такие мысли.

Я бежал в Токио от гнетущего настроения, поселившегося в нашем доме после смерти брата, но обрести душевное спокойствие так и не смог. Без толку метался туда-сюда. Белый свет мне опротивел. Выходя из дома, я точно в ад попадал. В довершение всего я помешался на

---

⁷⁰ Какуэй Танака (1918-1993) – один из самых влиятельных японских политиков, премьер-министр Японии в 1972-74 гг. Попал под суд за получение крупных взяток от американского авиастроительного концерна «Локхид», продукцию которого Танака, пользуясь своим политическим весом, проталкивал на японский рынок.

⁷¹ Кацухиро Отомо (р. 1954) – японский художник манга (комиксов) и режиссер анимэ.

чистоте – вернувшись, тут же начинал мыть руки. Стоял у умывальника по полчаса, а то и по часу. Я понимал, что это болезнь, но не мог ничего с собой поделать. Так продолжалось года два-три.

Так долго? Как же вы это выдержали?

Все эти годы я почти ни с кем не разговаривал. Только с родителями иногда, да еще по работе. На меня напала страшная сонливость – спал по пятнадцать часов и больше. Без этого я чувствовал себя ужасно. С желудком тоже появились проблемы. Ни с того ни с сего начинались резкие боли – я бледнел, покрывался липким потом, становилось трудно дышать. Было ощущение, что еще чуть-чуть – и мне конец.

Я решил попробовать лечебную диету и йогу. Поможет – начну новую жизнь. В книжном магазине мне попала книга Сёко Асахары «За гранью жизни и смерти». В ней говорилось, что состояния кундалини можно достичь за три месяца. Я был поражен: «Ничего себе! Разве такое возможно?» До этого я уже прочел «Основы теологии» и кое-что знал о йоге. Пробежав книгу, я в общих чертах запомнил, что надо делать, и, вернувшись домой, захотел попробовать, что получится. Три месяца делал описанные у Асахары упражнения, соблюдал диету. У меня такой характер – если берусь за что-то, то всерьез, с полной концентрацией. Так что я ни одного дня не пропустил. Ежедневно занимался по четыре часа.

Тогда я больше думал не о кундалини, а просто о здоровье. Но месяца через два я почувствовал дрожь в районе копчика. Это верный признак пробуждения кундалини. Но я все еще сомневался, не верил до конца. Копчик жгло как кипятком, который, казалось, бурля, поднимался по позвоночнику прямо в мозг, переворачивая все вверх дном. Там словно кто-то корчился от боли. Я был поражен. В теле творилось что-то невообразимое, не зависящее от моей воли. И я потерял сознание.

Все получилось по инструкции Сёко Асахары: через три месяца я достиг кундалини. Он оказался абсолютно прав. Вот тогда-то я и заинтересовался «Аум Синрикё». Как раз вышел пятый номер «аумовского» журнала «Махаяна». Я купил его, а заодно и все более ранние номера. Там были фото и истории о Фумихиро Дзёю, Хисако Исии, Санаэ Оути⁷²... Все были представлены в самом лучшем виде. Меня буквально захватили их рассказы о пережитом, и я подумал, что Учитель действительно должен быть незаурядной личностью, раз ему поклоняются такие люди.

В «аумовских» книгах четко сказано: «Мир – это зло». Эта мысль понравилась мне больше всего. Я читал и радовался: это ужасное, несправедливо устроенное общество заслуживает лишь одного – чтобы его уничтожили. Я уже давно пришел к такому выводу, и вот люди напрямую объявляют о том же самом. Впрочем, если я предлагал просто-напросто стереть этот мир с лица земли, то Сёко Асахара считал иначе: «Работай над собой, добейся освобождения – и ты сможешь изменить мир». Я загорелся, прочитав эти слова. Захотелось последовать за этим человеком, посвятить ему себя. Во имя этого я был готов отказаться от всех земных мечтаний, желаний и надежд.

Вы сказали, что мир несправедлив. А что конкретно в нем несправедливо?

Например, прирожденный талант или происхождение. Умный – всегда умный, быстроногий – всегда быстроногий. А те, кого зовут слабаками, света белого не видят, как ни стараются. Что называется – судьба. Я считал, что в этом заключается ужасная несправедливость, но Асахара в своих книгах писал, что все зависит от кармы. Человек, совершивший дурные поступки в прошлой жизни, в этой жизни страдает, и наоборот, кто прежде был праведником, теперь живет замечательно и может найти применение своим

---

⁷² Хисако Исии – бывший «министр финансов» «Аум Синрикё». В 1997 г. на процессе по делу секты приговорена к трем годам и восьми месяцам тюремного заключения. Вышла на свободу в ноябре 2000 г. Санаэ Оути – член руководства «Аум Синрикё», отвечавшая за работу с новообращенными. После зариновой атаки в Токийском метро и начала судебного процесса над лидерами «Аум» вышла из секты.

способностям. Асахара убедил меня, и я понял: надо перестать поступать плохо и начать копить добродетели.

Поначалу я лишь собирался восстановить здоровье с помощью диеты и йоги – немного оправиться и вернуться к нормальной обычной жизни, но мои жизненные пути пересеклись с «Аум», и я резко повернул к буддизму, о чем раньше не мог и подумать. Как бы то ни было, одно можно сказать точно: подняться из разобранного состояния, в котором я тогда пребывал, помогли «аумовские» книги.

Я стал членом «Аум». Было это, если не ошибаюсь, в декабре 1988 года. Поехал в Сэтагая, где находился додзё, там меня приняли и дали возможность поговорить с одним из «просвещенных». Он надавал мне разных советов, а особенно рекомендовал поучаствовать в семинаре, который проводился раз в год в штаб-квартире «Аум» в районе Фудзи. Называлось это мероприятие «Практики сумасшедшей интенсивности». Ничего названьице, да? (смеется). Как мне сказали, семинар длился десять дней и давал колоссальный эффект. Но чтобы попасть на него, требовалось внести сто тысяч иен, а у меня таких денег не было, и я сказал, что не могу поехать. Кроме того, я сомневался, стоит ли сразу погружаться в такую тяжелую тренировку. Ведь я только что пришел в «Аум».

Не опасно ли это? Однако Томомицу Ниими, который руководил этим делом, настоял, и в конце концов я согласился.

В то время братство еще было малочисленным – от силы две сотни послушников, поэтому новообращенные имели возможность сразу увидеть Сёко Асахару. Тогда он был не такой, как сейчас, – более мускулистый, подтянутый. Тяжело ступая, он вошел в додзё. В этом человеке чувствовалась огромная сила, заставляющая других трепетать. Я остро ощутил его внушавшую страх способность видеть все насквозь. И хотя все им восхищались – какой добрый человек! – на меня при первой встрече Асахара произвел пугающее впечатление.

Как-то раз мне довелось заниматься с ним «секретной йогой» – мы разговаривали один на один. Он заявил: «У тебя очень сильное "маке"». Маке – это когда в процессе духовных практик возникают психологические преграды. Такое состояние. Я сказал, что хочу поскорее стать послушником и приступить к серьезным занятиям. «Погоди немного. Тебе не удастся избавиться от маке. Чтобы освободиться, надо совершенствоваться в практиках». Наша беседа продолжалась минут пять.

В следующий раз я увидел Асахару, когда он, широко улыбаясь, входил в додзё понаблюдать за тем, как проходит божественная служба. Глядя на него, я подумал: «Вот уж точно многоликий человек». В тот день в нем не было ничего пугающего; он весь сиял, и мне доставляло огромную радость просто видеть его, находиться с ним рядом.

Спустя три месяца мне разрешили стать послушником. Во время сеанса «секретной йоги» Асахара сказал: «Я разрешаю тебе принять послушничество, но при одном условии: ты должен бросить свои дела и поработать какое-то время в переплетной мастерской». Я удивился: «При чем здесь переплетная мастерская?» – «"Аум" собирается скоро открыть собственную типографию, и я хочу, чтобы ты обучился переплетному делу». – «Понятно», – ответил я и быстро устроился в переплетную мастерскую. Да еще с проживанием.

Сколько там оказалось разной техники! Брошюровочные, переплетные, резальные машины... Я не знал, что конкретно от меня требуется, и растерялся. Ведь Асахара сказал только: «Пойди научись переплетному делу». Я отчаянно старался запомнить побольше. По воскресеньям, когда в мастерской никого не было, изучал устройство машин. Вообще-то я не силен в технике и все же разобрался, на какие кнопки нажимать и как что устроено. Оператором, правда, поработать не пришлось – не дали, но я смог многого набраться, даже просто наблюдая за процессом.

Через три месяца мне дали указание перейти в послушники, и собрал вещи и распрощался с мастерской.

Послушникам приходилось ограничивать себя в еде – например, не есть мороженого. Пережить такое нелегко. Для меня это оказалось даже тяжелее, чем отказ от секса. «Теперь и соку не выпьешь», – думал я и напоследок решил оттянуться – в последний день наелся и напился до отвала.

Родители, конечно, были категорически против, но я не обращал особого внимания на их протесты, потому что был твердо убежден: в конечном счете, мой уход в братство будет благом и для них. В принципе чтобы стать официально признанным самана, требовалось внести миллион двести тысяч иен и провести в молитве, стоя, шестьсот часов. Но из-за того, что началась большая спешка с устройством типографии, для меня сделали исключение.

Примерно в часе езды на машине от штаб-квартиры «Аум» есть местечко Кариядо. Там в небольшом сборном павильоне располагалась типография, где я и поселился с другими «аумовцами», которым предстояло там работать. К моему изумлению, я оказался единственным, кто хоть как-то разбирался в переплетном деле. Я думал, что буду просто членом команды, а что получилось? Новичка, которого только-только приняли в послушники, назначили ответственным за такое дело. Невероятно! Десять-двадцать человек на брошюровке, десятков в типографии и еще человек двадцать на фотопечати. Немаленькое предприятие, правда?

Но оборудование, которое для него закупили, – это было что-то! Похоже, оно провалялось где-то на складе бог знает сколько лет. Переплетные и типографские машины никуда не годились. Все на них жаловались. Это был какой-то ветхий антиквариат. Знали бы вы, какого труда стоило наладить эту технику! Тем более с моими познаниями. С того момента, как мы за нее взялись, до пуска прошло месяца три. Но работать как следует машины все равно отказывались. И все-таки, я считаю, мы свое дело сделали неплохо. Хотя «научная группа» Хидэо Мураи тоже много потрудились.

Первым изданием, вышедшим из нашей типографии, стал 23-й номер журнала «Махаяна». До этого всю печатную продукцию заказывали на стороне. И вот теперь мы могли все делать сами. Став послушником, я не переставал удивляться тому, что для таких, как я, никто не устанавливал время для духовных практик. В ответ на мой вопрос, почему, было сказано, что практики не дадут эффекта, пока человек не накопит в себе добродетели. Как выяснилось, я как раз находился в той стадии, когда нужно просто трудиться, чтобы стать добродетельным. Я проработал в типографии целый год, и каждый день давался мне с большим трудом. Четыре часа на сон – это считалось в порядке вещей. Особенно тяжело пришлось во время выборов в парламент. Помню, даже в туалет сходить было некогда – машины не останавливали. Я работал на брошюровочной машине и мог отлучиться только когда в нее загружали очередную порцию бумаги. На счету была каждая минута.

Выборы кончились, работы стало намного меньше, и мы смогли вздохнуть свободно. В это самое время большая суета была на стройке в Наминомура. Вот уж кому не повезло, так это тем, кто туда поехал. А в типографии дни проходили мирно. Когда не было работы, мы могли по желанию заниматься духовными практиками. Наши наставники куда-то разъехались, так что все были предоставлены сами себе. О некоторых товарищах мы даже не знали, где они находятся.

Я был во главе группы, и на первых порах без меня машины работать не хотели. Но прошло какое-то время, и все научились ими управлять, а я попросил, чтобы меня перевели из типографии. Дальнейшее пребывание на этом месте казалось мне пустой тратой времени. Вообще-то в братстве не полагалось заводить разговор о переводе, но я увлекался манга и изобразил на двадцати страницах комикс по мотивам одной джатаки⁷³. Всего сделал на сэкономленной бумаге три книжки и решил показать их старшему – это был Тэцуя Кибэ⁷⁴, – сопроводив запиской такого содержания: «Я учился рисовать манга и если это мое умение можно как-то использовать во имя спасения, хотелось бы, чтобы меня забрали отсюда». Кибэ,

---

⁷³ Джатака – жанр древнеиндийской литературы. Древнейшие образцы представлены сказаниями о перерождении Будды. Сюжетная основа сказаний – басни и сказки о животных, волшебные сказки, притчи, исторические предания.

⁷⁴ Начальник Управления обороны «Аум Синрикё».

видимо, передал мое послание Томоко Мацумото⁷⁵.

Собственно говоря, я не надеялся, что из этого что-то получится. Такие номера в братстве никто себе не позволял, и я думал, что на меня наверняка не обратят внимания. Но, к моему большому удивлению, в один прекрасный день раздался звонок из Общего отдела: «Хосои-сан! С завтрашнего дня вы переводитесь в дизайнерскую группу». В этой группе была секция манга, в которой числился всего один человек. Поначалу мы занимались всякой ерундой, потом родился план сочинить «аумовскую» оперетту, разбавив ее анимацией, и среди самана стали спешно искать тех, кто хоть немного умел рисовать. Таких набралось десятка два-три. Вскоре меня назначили руководителем группы анимации.

В художественной школе я много занимался киносценариями – интересно было, рисовал раскадровки. В анимационных фильмах качество во многом зависит от раскадровки. А так как я в этом разбирался, меня и поставили руководить.

В группе собрались способные ребята, которые здорово рисовали – и движение, и фон. И еще нам повезло – один из самана раньше работал ассистентом оператора в студии анимации. В анимэ очень важна работа камеры. Поэтому этот парень стал для нас настоящей находкой. Мы разбились на несколько команд и взялись за работу. Анимэшек наделали порядочно. Так продолжалось три года. Оглядываясь назад, могу сказать, что я их прожил достаточно мирно.

Впрочем, хотя все вроде было спокойно, человеческие отношения в группе никак не складывались. Обычно во главе групп ставили «мастеров», а я был всего лишь «свами». Это более низкий ранг. Положение у меня было непростое – сверху шпыняли, и снизу каждый старался перетянуть на свою сторону. Например, чтобы делать более-менее приличные анимэ, нужно смотреть побольше обыкновенных мультиков, изучать во всех подробностях рабочий процесс. А старшие были против такого. Но если ничего не смотреть, сам ничего толкового сделать не сможешь и получишь от тех же старших нагоняй. И все равно в нашей группе я то и дело слышал: «Зачем ты это смотришь? Ведь Учитель запрещает». Короче, группа мультипликаторов раскололась надвое: тех, кто считал для себя главным работу и старался ее делать лучше, и сторонников «духовного пути», предпочитавших выполнять то, что им говорил Учитель. Ни о каком единстве уже не могло быть и речи.

Была еще одна большая проблема – отношения между мужчинами и женщинами. Нередко люди сходились слишком близко и тайком уходили из братства. Поэтому Асахара в своих проповедях требовал, чтобы женщины-самана не только не приближались к мужчинам, но ненавидели их. Когда такое случалось, мне выпадала роль козла отпущения. Жить в такой атмосфере становилось невыносимо.

Как-то все это не очень похоже на движение к освобождению.

Вы правы. Мое терпение подошло к концу. Я стал подумывать о том, как бы выйти из игры, хотя слишком увяз в этой трясине. Искренне стремился к освобождению, делал все, что в моих силах. На большее я уже был не способен.

Дважды обращался наверх. Писал, что не могу больше быть в «Аум». Это было, по-моему, в 92-м. Мои прошения передали Мураи и еще кому-то из старших. Они стали меня уговаривать, и вся эта история тянулась дальше...

А смогли бы вы адаптироваться к внешнему миру, если бы в то время покинули «Аум»?

Как сказать?.. Сейчас я уже плохо помню, на каком уровне мыслил тогда, но одно могу сказать точно: став послушником, я начал смотреть на мир другими глазами. Передо мной открылась пестрая, разномастная картина – самый разный народ. Таких людей мне еще встречать не приходилось. Выходцы из крутой элиты, спортсмены, талантливые художники... И все с такими же человеческими слабостями, что и я.

---

⁷⁵ Жена Сёко Асахары. Приговорена к тюремному заключению за соучастие в убийстве. Вышла на свободу в октябре 2002 г., объявив о полном разрыве с сектой.

В подобном окружении я перестал обращать внимание на различия между людьми, к которым прежде относился резко отрицательно, на то, какое у кого образование, и так далее. Все предрассудки куда-то испарились. Я понял, что мы все одинаковые, что преуспевающие люди страдают так же, как я. Это стало для меня чрезвычайно ценным уроком.

Самана категорически не принимали внешнего мира, называя людей, живущих обычной жизнью, «непросвещенными», говоря, что им прямая дорога в ад. И вообще в выражениях не стеснялись. Самана, например, не стал бы переживать, если бы въехал на своем автомобиле в машину простого смертного. Ведь ему открыта истина, и на остальных он смотрит свысока. Что вы хотите? Он рвется к освобождению, и что с того, если на этом пути немного достанется чьей-то машине? Мне казалось, это уже чересчур. Что ни говори, а насмехаться над другими людьми, обливаться презрением совершенно ни к чему. Я мог предъявить собственный счет этому миру, где мне тоже много чего не нравилось, но, насмотревшись на все это, я, наоборот, решил: «Хватит!» Такой неприязни, как раньше, у меня уже не было.

Это интересно. Обычно у людей, связавших себя с каким-то культом, проявления, о которых вы говорите, становятся все более ярко выраженными. Вам же удалось их избежать.

Может быть, здесь свою роль сыграл мой неудачный опыт временной руководящей работы {смеется}. Мультипликаторов прикрыли в 1994 году. Пригласили членов группы в актовом зал и сообщили, что теперь мы будем помогать научной группе. Ее потом переименовали в Министерство науки и техники. Там срочно потребовались сварщики, и наверху решили, что раз наша прежняя работа была тонкая, ручная – значит, с новой мы тоже справимся. Услышав это, я чуть не лишился дара речи. Все-таки анимэ – это одно, а сварка – совсем другое.

Я понятия не имел, для чего им понадобилась сварка. Но перед тем, как заняться этим делом, мне пришлось пройти проверку. Впрочем, не мне одному – всех членов группы анимэ проверяли, чтобы убедиться, что среди них не затесались шпионы. У меня в этой связи возникли сомнения: почему загадочный Асахара не пользуется своими сверхъестественными способностями, чтобы сразу выкорчевать шпионов?

В результате почти все бывшие мультипликаторы переквалифицировались в сварщиков и отправились в Камикуисики. В Сатиаме № 9 делали цистерны и миксеры. Клепали в большом количестве. В сварке, естественно, мы ничего не смыслили, поэтому нас поставили на подсобные работы. Начальство торопило, люди выбивались из сил, но быстрее все равно не получалось. Асахара распорядился завершить все работы к маю 94-го. Цистерны были огромные, на две тонны. Мы гнули металлические листы, придавая им цилиндрическую форму, сваривали в местах соединения, потом поверху приваривали готовые панели. Чтобы такое сотворить, нужен хороший навык. Иначе ничего не получится. Тем не менее все держались молодцом и справлялись с работой весьма неплохо.

Приходилось тяжело. Бывало, работали по шестнадцать часов в сутки. Люди буквально валились с ног, а тут еще с питанием возникли проблемы. Как-то мы просидели без еды целых два дня. Как и следовало ожидать, начались жалобы. Некоторые отказывались выходить на работу. Без привычки мое тело покрылось ссадинами и ожогами. Я ходил с почерневшим лицом, в очках с треснувшими стеклами. Но ни один человек не сбежал, не оставил своего места. «Это все ради спасения. А во имя этого можно и потерпеть», – убеждал я себя.

Через какое-то время меня произвели в «мастера». Наверное, наверху все же оценили, как я командовал группой анимэ и надрывался на сварочных работах. Что значит стать «мастером»? Человеку выдают повязку, курта⁷⁶ и говорят: «Давай, действуй!» Только и всего. Однако после этого начинаешь по-другому смотреть на мир. Меня вдруг зауважали приятели, они стали почтительны и вежливы, и я снова подумал, сколь велика разница между «мастерами» и теми, кто стоит ниже.

Теперь для меня открылись двери Сатиама № 7. Этот объект охранялся очень строго,

⁷⁶ Традиционная одежда (рубашка свободного покроя, доходящая до колен), которую носят на севере Индии, в Пакистане и Афганистане.

доступ туда имели всего несколько человек. В Сатиаме № 7 стояли те самые наши цистерны. Похоже было на химический завод. Стоило туда войти, как тут же накатывало неприятное, гнетущее чувство. Словами его не передашь. «Что же они собираются здесь делать?» – гадал я, но в голову ничего не приходило. Зал высотой в три этажа, ряд огромных цистерн и непередаваемая вонь. Как будто в одну посуду слили все мыслимые химические реагенты. Свет какой-то зловещий. Все ржавое, на полу лужи. В воздухе непонятный белесый туман. Все, кто там работал, были с подорванным здоровьем. Ходили, пошатываясь, как во сне. «Спят, что ли, мало?» – подумал я, увидев их в первый раз.

Что там происходило на самом деле – об этом оставалось только догадываться, хоть я и видел, сколько на все это тратится денег. Складывалось впечатление, что для «Аум» этот объект – как передовая линия, через которую пролегает путь к спасению. Наблюдать за работой в Сатиаме № 7 могли только люди из узкого круга, я считал большой честью быть в их числе и все равно продолжал ломать голову: «Что бы это значило? На оружие вроде не похоже...»

В 94-м году, как помнится, осенью, там что-то случилось. Я отдыхал после смены на третьем этаже, когда из глубины здания, где стояло оборудование, стал подниматься белый дымок, вроде того, который выделяет сухой лед, когда его бросишь в воду. Парень, сидевший со мной рядом, крикнул: «Бежим отсюда!» – и в панике бросился к выходу. Я втянул в себя немного воздуха – в глазах потемнело, почувствовал острую резь в горле. Запахло какой-то кислотой. Я понял: «Больше здесь оставаться нельзя. Иначе конец!» Опасное было местечко, что ни говори.

1 января 1995-го был получен приказ замаскировать объект: «Изобразите что-нибудь вроде лика Шивы, чтобы не догадались, что здесь на самом деле», тень выбрали арг-директором приема, пичью завезли огромные пенопластовые панели, и, укрывая оборудование, мы сажали их на клей.

Но ведь цистерн было много, да еще такого размера. Как их можно спрятать?

Для начала отгородили ту часть здания, где было оборудование. На стенку прилепили вырезанного из пенопласта Шиву. Остальное обили досками, приладили ступеньки, устроили алтари. Второй этаж замаскировали так: расставили перегородки – получилось что-то вроде лабиринта. Знаете, фотовыставки так оформляют. Сверху сказали: делайте, чтобы стало незаметно. Вот мы и делали. Месяц промучились. В основном работали ребята из строительной бригады Киёхидэ Хаякавы⁷⁷. Электричеством заведовал Ясуо Хаяси⁷⁸. А я был по художественной части. Рисовал лицо Шивы и прочее. Вышло, конечно, ужасно.

«Ну кто на это купится? Любому же видно, что это такое», – думал я. К нам заглянул Хироми Симада⁷⁹, посмотрел и сказал: «Прямо храм какой-то». Короче, полная ерунда. Но все предпочитали держать язык за зубами – боялись Хаякаву.

20 марта, когда в метро распылили зарин, меня в бригаде сварщиков не было. Я поехал в «Сэйрю сёдзя» помогать Кадзуми Ватанабэ. Он считался вторым человеком в Министерстве науки и техники. Мне поручили проверять детали и запчасти. Там я и услышал о случившемся. У меня мысли не было, что «Аум» может быть причастен к этому. Из того, что я слышал, можно было предположить, что братство взялось бы за оружие, если бы напали масоны или, скажем, американцы, но убивать людей просто так, без разбора... Нереально. Это же настоящий терроризм.

Однако через два дня в Камикуисики ворвалась полиция. Услышав, что там собралось

⁷⁷ Входил в состав руководства «Аум Синрикё». Приговорен к смертной казни за убийства и другие тяжкие преступления.

⁷⁸ Боевик «Аум Синрикё». Один из организаторов и исполнителей газовой атаки в токийском метро. В 2000 г. ему был вынесен смертный приговор.

⁷⁹ Профессор токийского университета «Дзёти», лишившийся кафедры за связи с «Аум Синрикё». Автор ряда публикаций о секте.

почти две с половиной тысячи полицейских, я понял: дело серьезное. В «Сэйрю сёдзя» в тот день они почему-то не явились. Мы собрали все чертежи, схемы, планы, которые могли показаться подозрительными, и сожгли. В костер полетели книги и другая литература об оружии из кабинета Мураи. Нашли и пуленепробиваемые жилеты, их порезали на куски. В «Сэйрю сёдзя» нагрянули как раз после того, как застрелили Кунимацу⁸⁰.

Подозрения, что в токийском метро поработали «аумовцы», появились, когда я своими глазами увидел машину, вроде бы для распыления зарина. Это было в апреле, если не ошибаюсь. До рейда полиции или после – точно не помню. По-моему, после.

Где вы ее видели?

В «Сэйрю сёдзя». Здоровый грузовик с трубой. Я был в шоке – если бы полиция до него добралась, нам всем мало бы не показалось. Хорошо наверху вовремя спохватились и приказали демонтировать этот агрегат. Взялись вдесятером и разобрали его на части.

После полицейского рейда делать в «Сэйрю сёдзя» стало нечего, и все пятьдесят человек, которые там находились, уехали в Токио распространять листовки. Я же перебрался в Сатиам № 5, где устроили переплетную мастерскую. Помогал там и заодно под контролем Тацуко Мураока⁸¹ рисовал комиксы, карикатуры на полицию, арестовывающую людей. Как раз в это время зарезали Мураи. Я был поражен, услышав эту новость, но в то же время мне как-то стало легче. Очень трудно передать мои ощущения. Как сказать?.. Мне показалось, что «Аум» пришел конец. Вообще это непередаваемо. Я впал в какой-то ступор. Думал: «Все! С меня хватит», хотя толком не понимал своего состояния. Но порвать тогда с «Аум» духу не хватило – мне казалось, лучше попытаться просто раствориться в пространстве. И потом у меня были свои представления о собственном достоинстве – я считал, что человеку, ставшему «мастером», сбежать не позволяет гордость. Короче, все перепуталось, но все-таки желание соскочить с поезда я в себе подавил.

Уважения к Сёко Асахаре у меня порядком поубавилось. Что ни говори, у него один прокол следовал за другим. Предсказания его не сбывались.

Ни те, что он сделал на Исигакидзуме⁸², ни в отношении кометы Остина⁸³. Самана уже в открытую говорили, что «у Учителя большие проблемы с провидческим даром».

Мураи лишь тупо выполнял, что бы ему ни говорили сверху, отвечая на любой приказ почтительным «будет исполнено». Глядя на это, я все глубже погружался в сомнения. Пошел ропот и среди людей, стоявших в нашей иерархии ниже меня. Я уже с трудом выносил окружающую нас атмосферу корысти и расчета, но никак не мог набраться смелости, чтобы уйти.

Я был шестеренкой в механизме и не представлял, чем буду заниматься, если все-таки решусь спрыгнуть с корабля. И только после смерти Мураи почувствовал, что могу вернуться к прежнему.

Мураи играл большую роль в моей жизни. Если подумать, с ним были связаны все мои перемещения. Это касается и типографии, и группы анимации. Оборудование, другие технические вопросы тоже имели к нему прямое отношение. Для меня он был символом «Аум» – следующим после Асахары. Тем не менее, узнав о его смерти, я не только не расстроился, а даже вздохнул с облегчением: «Уф-ф! Теперь-то я свободен». Нельзя, конечно, так говорить...

---

⁸⁰ Шеф Главного полицейского управления Японии Такадзи Кунимацу был застрелен неизвестным на велосипеде недалеко от собственного дома через 11 дней после зариневой атаки в токийской подземке.

⁸¹ Член руководства «Аум Синрикё». После ареста Асахары и других наиболее одиозных вождей «Аум» одно время исполняла обязанности главы секты. Выступила с рядом заявлений, в которых содержались извинения за совершенные сектантами преступления.

⁸² В апреле 1990 г. Асахара собрал около 1000 своих сторонников на о. Исигакидзима (архипелаг Окинава) на «выездной семинар», где выступил с апокалиптическим прогнозом скорой гибели Японии.

⁸³ В январе 1995 г., выступая в программе Токийского радио, Асахара предсказал скорое столкновение Земли с кометой Остина.

Но обрести свободу я не успел – меня арестовали. Кто-то мне сказал, что Икуо Хаяси и Масами Цутия⁸⁴ дали показания, во всем признались и теперь надо ждать арестов среди тех, кто был приписан к Министерству науки и техники. «Ну, тогда и меня возьмут», – пошутил я, не подозревая, что ордер уже выписан. Мое имя появилось в газетах: «Разыскивается за убийство и покушение на убийство». Это было 20 мая 1995 года. Естественно, я никого не убивал, но за то, что мне предъявляли, полагалась либо смертная казнь, либо пожизненное заключение. Я был в шоке.

Что мне оставалось делать? Пуститься в бег? Бесполезно. Сверху поступил совет сдать полиции. Я так и сделал – явился в полицейское управление префектуры Яманаси. Сначала я молчал. Три дня твердил, что отказываюсь отвечать. Но не мог же я молчать бесконечно. И хотя «Аум» грозила мне вечными муками, если я не удержу язык за зубами, веры в эти угрозы у меня уже не было. Я решил: бог с ними, с муками, и выложил следователю все подчистую.

Следователь начал давить на меня, настаивая, чтобы я признал, будто мне было известно, что в Сатиаме № 7 производили зарин. Я отказывался наотрез: «Чего не знаю, того не знаю», – но в итоге психологически сломался и подписал признание. Потом, правда, я рассказал об этом прокурору.

В конечном счете с меня сняли обвинения и выпустили на свободу. Решающую роль сыграло то, что я не присутствовал на совещании в Сатиаме № 2, когда шла речь о производстве зарина. Это меня и спасло. Хотя от полиции мне здорово досталось. Следователь запугивал меня, представляя дело так, что я был одним из тех, кто расплыл зарин в подzemке. В общем, я попал! В участке со мной не церемонились, хотя рук особо не распускали. Это продолжалось изо дня в день – не мудрено, что сердце стало пошаливать. По три допроса каждый день, по нескольку часов. В полиции меня продержали двадцать три дня, выжали как лимон.

Выйдя на волю, я вернулся в Саппоро. Примерно с месяц пролежал в больнице – возникли проблемы с нервами. Вдруг стало трудно дышать, я весь как-то обмяк. В голове плыл туман, было ощущение, что дыхание вообще останавливается. Врачи долго меня проверяли и пришли к выводу, что это нервный срыв.

А если бы Мурай вызвал вас и приказал распылить зарин?

Конечно, я бы засомневался. Все-таки я думаю не совсем так, как Тору Тоёда⁸⁵ и ему подобные. Даже когда сам Асахара что-то приказывал, я не делал, если не был уверен в себе. Я не из тех, кто тупо выполняет любые приказы. Хотя, естественно, окружающая атмосфера очень влияла. Попробуешь увильнуть – даром не пройдет, неизвестно, чем дело кончится, убить могут... Вот какие мысли крутились в голове. Хотя, думаю, даже те, кто в этом деле участвовал, и то колебались. Одно – отбиваться от полиции или сил самообороны, и совсем другое – убийство совершенно незнакомых людей.

Впрочем, шансов, что меня выберут для такого дела, почти не было. Я не входил в элиту Министерства науки и техники, в «мозговой трест», а числился в группе «субподрядчиков». В ней были люди, занятые на каких-нибудь объектах. К примеру, сварщики. А такие, как Тоёда, любимчики Асахары – это «мозговой трест». Всего в Министерстве числилось около тридцати «мастеров», я относился к низшему звену. А в операции с заринном участвовали вышестоящие.

И все же, услышав некоторые имена, я охнул: «Не может быть!» Я бы не удивился, будь это парни из боевой группы, но в том-то и дело, что в токийском метро в основном действовали те, кто к ней не принадлежал. Асахара остановил свой выбор на тех, в ком был уверен: «Эти сделают все как надо». Действительно, в таких людях можно не сомневаться. Всегда исполнят,

---

⁸⁴ Икуо Хаяси – член высшего руководства «Аум Синрикё», главный врач секты. За участие в отравлении пассажиров токийского метро заринном приговорен к пожизненному заключению. Масами Цутия – один из руководителей «Аум Синрикё», участвовавший в изготовлении зарина. Приговорен судом к смертной казни.

⁸⁵ Боевик «Аум Синрикё». Принимал непосредственное участие в исполнении теракта в токийской подzemке, за что получил смертный приговор.

что им прикажут. Мураи тоже был из их числа. Такие никогда слова против не скажут, не сбегут. Все возьмут на себя. Великие люди! Разве обыкновенный человек продержался бы столько, сколько они – три-четыре года?! Нет, конечно. Сломался бы наверняка.

В этом ряду выделялся лишь Ясуо Хаяси. Он как раз относился к «субподрядчикам», а не к элите. К Министерству науки и техники прямого отношения не имел – выдвинулся из Департамента строительства и уже давно ходил в «мастерах». Как-то он сказал Тоёде: «Будет смена личного состава – меня сразу из Министерства выпрут». Может, он и комплексовал, глядя на других членов команды. Он простой электрик, а они супер-элита – спецы, разбирающиеся в сверхпроводниках, элементарных частицах и прочих мудреных вещах.

Сначала Хаяси был нормальным парнем, но потом с ним стало твориться что-то непонятное. Году в 90-м мы с ним стояли на одной ступеньке, иногда болтали по-дружески о том о сем. Но в 92-м его сделали «мастером», и он будто свихнулся. Появился какой-то гонор, спесь. Был нормальный мягкий человек, а стал на людей бросаться. Получился такой типаж... человек, которому через подчиненного переступить – раз плюнуть. Я думаю, он просто кончился.

Асахара с самого начала уделял Министерству науки и техники особое внимание. Например, на группу анимэ денег никогда не было, а на Министерство – пожалуйста, сколько угодно. Даже сравнивать нечего. Да и в самом Министерстве все было непросто: «мозговой трест» – это одно, «субподрядчики» – совсем другое. В мире куда ни кинь – везде несправедливость. Как сказал кто-то из наших: «В "Аум" делают карьеру только выпускники Тодай⁸⁶ или симпатичные девушки» (смеется).

Вы провели в «Аум Синрикё» шесть лет. Не думаете, что это время потрачено зря?

Нет, не думаю. Я встретил много разных людей, мы вместе пережили тяжелое время. У меня осталась о них хорошая память. Я столкнулся лицом к лицу с людскими слабостями и, как мне кажется, вырос. Может, это и странно звучит, но мы жили наполненной жизнью, в атмосфере авантюристской неопределенности, когда не знаешь, что будет завтра. А какое воодушевление охватывало, когда поручали какую-нибудь работу и мы целиком уходили в нее!

Психологически я себя сейчас чувствую вполне комфортно. Случаются, конечно, и трудные моменты, как у всех. Безответная любовь, к примеру. Всякое бывает. Но это жизнь. Я живу как обычные люди.

Хотя шел я к этому душевному равновесию долго. Года два, пожалуй. После ухода из «Аум» я какое-то время пребывал в жуткой апатии. В братстве меня все время поддерживала мысль, что я «исповедую истину». Это давало силы для того, чтобы все дальше отодвигать пределы движения вперед. Сейчас я этого лишен. Приходится рассчитывать только на собственные силы. Расставшись с «Аум», я быстро это почувствовал. Тут-то на меня тоска и напала. Это был тяжелый период.

Зато теперь я куда больше уверен в себе. Время, проведенное в «Аум», дало мне разнообразный практический опыт, появилась убежденность, что даже если у меня что-то не так, я сумею с этим справиться. Это был очень важный шаг.

Сейчас я живу в Токио. Силы мне придают мои товарищи по «Аум». Они моя опора в жизни.

Бывшие «аумовцы». Когда есть такие люди, понимаешь, что в этом ужасном мире ты не один. Это меня вдохновляет.

АСАХАРА СКЛОНЯЛ МЕНЯ К СОЖИТЕЛЬСТВУ **Харуми Ивакура (р. 1965)**

Родилась в префектуре Канагава. Тонкая, стройная, очаровательная женщина. Быть может, читателю будет легче ее представить, если сказать, что она принадлежала к

---

⁸⁶ Сокращение от «Токио дайгаку» – Токийский университет.

«аумовскому» типу красавиц. Во время нашей беседы все время улыбалась, внимательно слушала мои вопросы и бойко, хотя и не очень складно отвечала на них. Доброжелательная, чувствительная, она обращала внимание на вещи, которые могут показаться мелочами, и оставляла впечатление человека в глубине сильного.

После колледжа пошла работать в какую-то фирму, старалась жить в свое удовольствие. Однако постепенно такая жизнь стала ей не интересна, ее привлек мир «Аум Синрикё», с которым она соприкоснулась совершенно случайно. Бросив работу, ушла в секту.

Одно время считалась «приближенной» Сёко Асахары, но потом что-то произошло – она получила удар электрическим током и потеряла память. Долго не могла восстановиться и пришла в себя как раз перед зариновой атакой. Поэтому от «аумовского периода» у нее остались лишь обрывки воспоминаний. То, что было до и после, помнит хорошо, но проследить свой путь за два года, проведенных в «Аум», не может.

По ее словам, обошлось без серьезных последствий. При этом она категорически не желает иметь с «Аум» ничего общего. Для нее эта страница перевернута навсегда, она уже не стремится восстановить в памяти то время. Прочитав в «Бунгэй сундзю» несколько интервью, которые я взял у последователей секты, заявила: «Меня с ними больше ничто не связывает».

Сейчас работает в салоне красоты, надеется стать хорошим мастером, скопить денег и открыть свое дело. Живет просто, в квартире, где «летом жарко, а зимой холодно». Платит за жилье тридцать тысяч иен. «Зато благодаря "Аум" такая жизнь меня совсем не угнетает», – смеется она.

Мой отец был человек холодный. Скорее даже не холодный, а немного странный. Почти все время молчал. Где бы ни работал, никогда особенно не вдавался в содержание того, чем приходилось заниматься. Ему это было совершенно безразлично.

За все мои детские годы отец ни разу не приласкал меня. Не одна я считала его сухарем.

Мать и вся родня думали то же самое. Да он сам был как ребенок. В нем было что-то симпатичное, и он не любил, когда ему мешали. Когда за каким-то занятием замечал, что я за ним наблюдаю, тут же отсылал меня. Тогда я уходила к родственникам, жившим по соседству. Дети у них уже выросли и жили отдельно, поэтому вся их ласка доставалась мне. Они очень баловали меня, бывать у них доставляло мне настоящую радость. Было чувство, что в этом доме меня любят куда больше. Иногда я думаю: что стало бы со мной, если бы их не было. Вполне возможно, из меня получилось бы нечто совершенно невразумительное.

Когда мне исполнилось девятнадцать, родители развелись. У отца появилась другая женщина, в семье начался разлад. Ужасные склоки продолжались полгода или год, а я в это время как раз поступила в колледж и с трудом выносила родительские скандалы. «Оба хороши», – думала я, глядя на ссорящихся родителей. Конечно, отец поступил подло, но и то, как вела себя в этой ситуации мать, мне тоже совсем не нравилось. Пропало всякое желание выходить замуж.

Тогда у меня был бойфренд, но я абсолютно не была уверена, что замужняя жизнь – это то, что мне нужно. Струсил: вроде и возраст самый подходящий, а вдруг не выдержу? И хотя парень мне нравился, думать о свадьбе было боязно. При том, что встречаться с ним было приятно, вообще без проблем.

А какой вы были в детстве?

Озорной. Бойкой, может, даже чересчур. В младших классах я сильно заболела и полгода не ходила в школу. После болезни у меня стала болеть голова, и я, пока не повзрослела, все время пила бафарин⁸⁷. Но на мой бесшабашный характер это не повлияло. У меня всегда было много подружек. А вот с учебой были большие проблемы (смеется).

В средних и старших классах я училась в частной школе для девочек. Там я тоже по большей части бездельничала. Мальчишки моего возраста меня не интересовали. Знакомые

---

⁸⁷ Средство от головной боли.

девчонки хвастались своими кавалерами, а я, вся в сомнениях, не могла разобраться, хорошо это или плохо. Все мальчишки казались мне толстыми и какими-то непромытыми. И еще от них чем-то пахло. Ну что в этом хорошего?

Было у вас какое-нибудь хобби? Чем любили заниматься?

Интересно было пройтись после школы по магазинам, поглядеть на модную одежду, купить что-нибудь. Ничего особенного я себе не позволяла, просто любила тряпки.

Окончив школу, поступила в колледж. Правда, без особого желания, ничего другого не оставалось. После колледжа работала в одной фирме в Сибуя⁸⁸. В канцелярии. Спросите: почему именно там? Да потому что в той фирме полагалось много выходных, вот я туда и пошла. Я понятия не имела, чем хочу заниматься. После семейных битв, которые разворачивались у меня на глазах, мне на все было противно смотреть.

Я ездила на работу в Сибуя из дома, где мы стали жить вдвоем с матерью. Отец после развода ушел, младшая сестра тоже отделилась. Мы с ней очень разные. Она решительная и самостоятельная – все норовит сделать по-своему.

Я начала работать в 1985 году, с экономикой тогда, по-моему, все было в порядке. Наша фирма устраивала для сотрудников разные поездки – на горячие источники и так далее. Я ездила на эти мероприятия с удовольствием, все мои мысли были о том, как приятно провести время. Любила закатиться куда-нибудь с друзьями, хотя сама пью очень мало. Гуляли допоздна, и я часто оставалась у подруг. В неделю по три-четыре ночи дома не ночевала.

В результате к уикэнду я еле ноги волочила от усталости; все время хотелось спать, и все равно в выходные обязательно отправлялась поразвлечься – то в Диснейленд, то в парк Тосимаэн, то еще куда-то. Вместе с подругами или со знакомыми ребятами. За границу ездила. В Париж, например. Я встречалась с парнями, но замуж выходить не собиралась. Охоты не было.

Другим людям, наверное, казалось, что вы живете в свое удовольствие?

Может быть. Хотя в глубине души меня мучили сомнения: я ведь толком ничего не умела, ничем от других не отличалась. И даже замуж идти не хотела... Но когда я об этом говорила кому-нибудь, все удивлялись: «Что? Да не ломай ты голову!»

Годам к двадцати пяти многие мои подруги повыходили замуж, уволились или переехали в другое место. Я понимала, что мне уже не двадцать лет, что жизнь проходит впустую.

В это самое время вы и заинтересовались «Аум Синрикё». А как попали в секту?

Как-то я собралась в парикмахерскую. Обычно ходила к знакомому мастеру, но в тот раз куда-то торопилась и забежала в салон поблизости. Там оказалось очень дешево, и потом я заходила туда еще несколько раз. Однажды парень, у которого я стриглась, показал мне «аумовский» буклет и сказал, что подумывает о том, чтобы вступить в «Аум». Тогда его идея меня не воодушевила: «Еще чего! И зачем это надо?»

Он научил меня очищать организм. Надо выпить воды, вызвать рвоту и, опорожнив желудок, продеть в нос шнурок. Я и без того особым здоровьем не отличалась. У меня часто обострялась экзема. Смотрите, еще и сейчас на руке осталось. Когда я сказала ему об этом, он предложил: «Да ты только попробуй». Я попробовала – и экзема сошла уже на следующий день. Исчезла без следа.

Еще у меня всегда были проблемы с аппетитом, я с трудом могла впихнуть в себя половину детской порции риса, а после такой чистки – к маминому изумлению – запросто съедала полную чашку. Голова тоже болеть перестала, и вообще здоровье наладилось.

Я ходила под впечатлением, и парень из салона предложил: «Давай вместе в "Аум" запишемся». Я долго отказывалась, но он не отставал. Через некоторое время эта идея уже не

---

⁸⁸ Один из центральных районов Токио.

казалась мне такой бредовой.

Скажите: а вы уже знали, что «Аум Синрикё» – это не просто центр изучения йоги, а религиозная организация?

Знала. Тогда как раз были выборы, эти слоны на головах⁸⁹... Хотя до «аумовского» учения мне никакого дела не было, до Сёко Асахары и прочих – тоже. Мне лишь казалось, что раз их методы помогли поправить здоровье, может, стоит познакомиться с этой организацией поближе. Ну и любопытство, конечно, сыграло свою роль.

Пришла в ближайший додзё, поговорила с местными «подвижниками». Не помню о чем. Они на меня особого впечатления не произвели. Впрочем, ничего особенного я и не ждала. Поговорили, я записалась и все.

Просто выслушали, что они вам рассказали о своем учении?

Ха-ха. Именно так.

Вы сказали «записалась». Выходит, прямо там, на месте, написали что-то вроде заявления, чтобы вас приняли? То есть немного их послушали и вступили, не углубляясь в содержание учения. Люди, с которыми я встречался до вас, приняли такое решение после серьезных колебаний. А у вас это как-то быстро получилось.

Хм-м... Да, действительно. Мне сказали, что я должна заплатить вступительный взнос – тридцать тысяч и еще восемнадцать тысяч за шесть месяцев. Всего сорок восемь. Я сказала, что таких денег у меня нет, и человек, который меня уговаривал, заявил: хорошо, мы можем принять тебя за половину. Я его в первый раз видела, но он так душевно со мной беседовал. Может, думал, ему где-то там зачтется за то, что указал мне путь. И я согласилась: раз за половину, тогда давай.

Принятым в «Аум» новичкам полагалось периодически появляться в додзё. У них были определенные рутинные обязанности. Желания ходить туда за этим у меня не появилось. Просят прийти? Ну и что? Не хочешь – не ходи. Однако сагитировавший меня парень не отставал. Просил так настойчиво, что я решила сходить, тем более что додзё располагался по соседству.

В додзё собирались послушники. Вид этих тихих, безучастных людей в хлопчатобумажных рубашках завораживал. Вот, оказывается, как можно жить! Как это было непохоже на шумную лихорадочную суету, окружавшую меня на работе, в вагоне электрички. Я расслабилась, почувствовала себя умиротворенной. Присела рядом и молча принялась складывать рекламные листки, как все. Это незамысловатое занятие успокаивало, народ вокруг был добродушен и миролюбив. Я стала посещать додзё по выходным или заходила прямо после работы и, повозившись с рекламками, шла домой. «Аум» держала двери открытыми двадцать четыре часа в сутки, так что зайти можно было в любое время.

У нас на работе аморалка считалась в порядке вещей. Служебные романчики и все такое. Смотреть противно. Тем более у меня отец в свое время пошел по этой дорожке. В додзё – ничего похожего, все иначе. Мирно сидишь, ни о чем не думая, складываешь листовки и брошюры. Куда уж лучше!

Как раз в это время мама нашла себе нового мужа. Здорово, правда? Горевала недолго. Мы стали жить втроем, и оказалось, что он – нормальный, искренний человек. С ним мне было легче, чем с родным отцом.

Послушницей я стала после семинара на Исигакидзима. Со мной все получилось на

---

⁸⁹ В избирательной кампании 1990 г. «Аум Синрикё» использовала как средство наглядной агитации женский квартет «Аум Систерз», который исполнял песни и танцы, прославлявшие Асахару. Квартет выступал в головных уборах, изображающих слона или персонажа индийской мифологии Ганешу, представляемого в виде человечка с огромным животом, четырьмя руками и слоновьей головой с одним бивнем.

редкость быстро. Я имею в виду переход в послушницы. Семинар был в апреле 90-го. Всего два месяца прошло, как меня приняли в «Аум».

На Исигакидзима говорили об Армагеддоне. Но эта тема была только для «ветеранов»; таких, как я – не послушников, а «верующих на дому» – держали в неведении. Для нас глубина посвящения зависела от внесенной суммы пожертвования. Мне просто предложили поехать на семинар, не вдаваясь в детали. Участие стоило несколько сотен тысяч. Я сняла свои сбережения и заплатила. К этому времени я стала задумываться, что делать дальше: жить как жила или что-то менять. Чтобы поехать на семинар, взяла отпуск. Выдумала какую-то причину. Начальству, понятно, это очень не понравилось.

На Исигакидзима я не сразу поняла, куда попала, зачем это мероприятие, но, присмотревшись, подумала, что все-таки это очень удобно: тебе приказывают – ты выполняешь. Самому ни о чем думать не надо. Делай, что говорят, больше от тебя ничего не требуется. И о смысле жизни можно голову не ломать. Нет необходимости. Мы шли на пляж и занимались дыхательными упражнениями или еще чем-нибудь наподобие.

Подразумевалось, что все, кто приехал на семинар, должны стать послушниками. Так и получилось, почти со всеми. В том числе и со мной. Уйти в послушники значило бросить дом и работу, передать «Аум» все деньги. В двадцать лет, скорее всего, я на такое бы не пошла, а в двадцать пять решила: что ж, погуляла и хватит, пожалуй.

Может, на вас специфическая обстановка подействовала. Исигакидзима от всего далеко...

Хм-м. Не только в этом дело. Я считаю, что уход в послушницы был вопросом времени. Если не в тот раз, то в другой. Все равно я уже висела на крючке. Важно, что не надо думать, не надо принимать решения. Это можно передать другим людям и действовать так, как они скажут. А раз распоряжения отдает «просвещенный» Асахара, достигший освобождения, будь спокойна – все будет как надо.

Их учение само по себе меня интересовало мало. Во всяком случае, я к нему относилась без восторгов. Просто мне казалось, что было бы классно избавиться от ненужных страстей, предрассудков и привязанностей. Стоит с ними покончить – и жить станет легче. Я имела в виду теплые чувства к родителям, кокетство, ненависть к другим людям...

Однако скоро я поняла, что порядки в «Аум» мало чем отличаются от того, как устроено обычное общество. Например, начинали склонять кого-нибудь: такой-то полон недобрых помыслов. Но ведь так же и в миру ругаются, может, только другими словами. Так что никакой разницы.

Тем не менее с работы я уволилась. Придумала, что вроде собираюсь учиться за границу. Меня долго уговаривали остаться, но в конце концов отпустили. Это была целая история. Я не могла сказать правду. Так или иначе, к тому времени я уже точно решила уйти.

Мама никогда не смотрела ток-шоу и потому о существовании «Аум» даже не подозревала. Узнав, что ухожу и мы больше не увидимся, она всплакнула. Для нее это была полная неожиданность. Хотя, думаю, она удивлялась, видя, как быстро пошло на поправку мое здоровье и появился аппетит. «Что ж, – сказала она. – Видно, время пришло. К себе не привяжешь».

Похоже, она все еще толком не поняла, что происходит (смеется). Ну, и как вам показалась жизнь послушницы?

Попадались среди наших и такие, кто думал, как бы повидаться с родителями или вообще вернуться домой, но меня тогда это не волновало. Жизнь в «Аум» меня вполне удовлетворяла, хотя не скажу, что я была от нее в восторге.

Я поехала в Наминомура, там меня определили в административно-хозяйственную группу. Работала на кухне, занималась стиркой. Тогда-то я впервые и увидела Асахару. Вдруг он вызвал меня к себе. «К чему бы это?» – подумала я. Асахара был один в своем сборном домике, и мы разговаривали наедине минут двадцать.

Это было нечто совершенно необычное. Он говорил обо мне и все время попадал в точку.

Что именно? Ну например: «В миру ты занималась тем-то... слишком много развлекалась, растрчивая добродетель». Или: «Парней вокруг тебя крутилось изрядно». Вот такие вещи. Потом мне сказали, что такие беседы, один на один, – «особый случай», но на меня эти слова большого впечатления не произвели.

Однако он же мог заранее справиться о том, чем вы занимались до прихода в «Аум».

Знаю. Но представьте: перед вами человек, достигший заключительной стадии освобождения. Да еще необычная обстановка, и такое вам говорит... Поневоле подумаешь: «Вот это да!» Первое, что я почувствовала, – испуг. И поняла: этого человека не обманешь. Интересно, что разговор у нас был как бы ни о чем. Я почти ничего не запомнила.

Жизнь в Наминомура оказалась совсем не сахар. Во-первых, было холодно. Во-вторых, народ вокруг собрался какой-то странный. Люди, начисто лишённые здравого смысла, заикленные на себе. Несколько человек приехали из того самого додзё, куда ходила я. Эти были сравнительно нормальные. К ним я и прибилась. Как-то я у самого Асахары спросила: «Вам не кажется, что здесь много людей неадекватных?» «Я бы не сказал», – последовал ответ.

Зато с высшим звеном, с лидерами, все было в полном порядке. Вот это были люди! Я сблизилась кое с кем из «мастеров», мы подружились и могли говорить откровенно, хотя и не во весь голос. Быть может, то, что я скажу, кому-то и не понравится, но Эрико Иида⁹⁰, Томомицу Ниими и Хидэо Мураи были для меня хорошими, добрыми людьми. Чего не скажешь об их подчиненных. С ними найти общий язык было невозможно.

Из Наминомура я вернулась в Токио, в главный офис «Аум», стала работать в канцелярии. Именно тогда Асахара начал звонить мне каждый день. Интересовался самочувствием, советовал, как заниматься духовными практиками, когда на работе перерыв. В общем, ничего особенного. Но все равно было приятно, потому что он так звонил не всем и не каждому. Люди говорили, что я обязана этому добродетелям, обретенным в прошлой жизни. Но иногда звонки ни с того ни с сего прекращались, и я начинала переживать: почему? в чем дело? Вот какие ощущения у меня были в то время, хотя сейчас это, конечно, трудно понять.

Как-то раз Асахара попытался склонить меня к сожительству. Это было на Фудзи; меня там определили в группу звукозаписи. На специальной машине мы измеряли магнитную ленту, на которой записывались проповеди, и копировали их. Прежняя канцелярская работа в токийском офисе и на Фудзи занимала массу времени. Хотелось чего-нибудь поспокойнее, и я попросила Асахару перевести меня в группу звукозаписи. Там жизнь была что надо, куда свободнее: полдня – духовные практики, полдня – работа, которая совершенно не напрягала. А в Токио поспать было некогда, часто на сон часа три оставалось, не больше.

Я сумела как-то от него отбиться. Слава богу, обошлось. Асахара вызвал меня. А до этого раза два-три закидывал удочки. Звонки: «Когда у тебя месячные были?» Я думаю: «Что?!» – и потом: «А действительно, когда?» – «Скоро тебе предстоит особая инициация». Я поинтересовалась у девушки – из тех «мастеров», кто уже давно был связан с «Аум», – что это значит. «Ну... это самое и значит», – ответила она.

Мое дело было не поддаться. Я делала так. (Втягивает голову в плечи и напрягается всем телом.) У Асахары очень плохо со зрением, зато очень развита интуиция – он все чувствует. Так что он скорее всего понял, как я к этому отношусь, и отстал. Я вздохнула с облегчением.

Но большинство его поклонниц сочли бы за счастье, если бы Асахара вот так обратил на них внимание.

А вы нет ?

Я – нет. Мне было противно. Хотя, конечно, как гуру я Асахару уважала. Его манера разговаривать менялась в зависимости от ситуации, причем – совершенно неожиданно. Это притягивало к нему людей. И он очень внимательно относится к своим словам. Но при чем

---

⁹⁰ Женщина, руководившая в «Аум Синрикё» так называемым Восточным агентством вербовки последователей.

здесь все эти намеки на интим? От них оставался неприятный осадок. Не исключено, что «инициации», о которых говорил Асахара, имели место. Вполне возможно. Но я воображала Асахару за этим занятием, и на душе становилось гадко. Не знаю, как сказать... Совсем не тот образ, что я себе представляла.

Но ведь люди наверху наверняка знали, что у Асахары интимные отношения с послушницами?

Одна девушка – «мастер» со стажем – мне поведала, что Иида и Хисако Исии⁹¹ спали с Асахарой. Да и я тоже, призналась она, правда, это было давно. Я не стала судить, хорошо это или плохо. Просто я была под впечатлением от того, какая глубина заключена в Тантре.

А была какая-нибудь реакция после того, как вы отказали Асахаре?

Не могу сказать. После этого я потеряла память – меня ударило током. Вот, еще шрамы остались. (Приподнимает волосы, демонстрируя вытянутый белый рубец.) Помню, как вошла в помещение, где размещалась группа звукозаписи, и потом все, провал. В какой момент и как это произошло – понятия не имею. Вразумительного объяснения ни от кого получить не смогла, сколько ни расспрашивала. Слышала лишь одно: «Похоже, вы с ним подошли к опасной черте». Мне это ровно ни о чем не говорило, я просила объяснить что к чему, но в ответ слышала: «Раз ты ничего не помнишь, нам сказать нечего».

Может, у вас было что-то с тем человеком, которого они имели в виду?

Я абсолютно ничего не помню. Вообще-то мне ужасно нравился один человек, и Асахара сделал ему предупреждение. Но они говорили совсем о другом. Я была в недоумении: «Он-то здесь при чем?»

Асахара очень внимательно относился к любым разговорам и слухам об отношениях между мужчинами и женщинами, и, заметив, что кто-то к кому-то равнодушен, старался помешать дальнейшему сближению. Он и мне как-то позвонил: «Что ж вы, Ивакура-сан, нарушаете заповеди? Связались с таким-то...» Асахара это произнес с полной уверенностью, хотя у меня с названным человеком никаких отношений не было. «О чем вы говорите? Я ничего такого не делаю», – взвилась я. «Да? Неужели? Понятно», – и положил трубку. Вот что бывало!

Короче, я впала в беспамятство и очнулась в начале того года, когда была зариновая атака. В группу звукозаписи я попала в 93-м, значит, из памяти начисто выпало около двух лет. Правда, как-то раз меня осенило – я вдруг вспомнила, что работала в «аумовском» супермаркете в Киото. Отчетливо представляю всю картину: лето, я, в майке с вырезом, наклеиваю ценники на коробки с лапшой. На полке выстроились пачки стирального порошка. Ужас! Что же я делала все это время?

Я пришла в себя, будто проснулась, в Камикуисики, в наглухо закрытой комнате. Такие помещения обычно использовались «мастерами» для духовных практик, но в моем случае это больше походило на тюремную камеру от силы метр на два; даже без глазка в двери. Хорошо еще дело было зимой, летом я бы там не выдержала. Дверь была заперта снаружи, и меня выпускали только принять душ и в туалет.

За мной присматривала одна послушница, которая пришла в «Аум» позже меня. Я спросила у нее: «Что происходит? Я ничего понять не могу», – но ответа не добились. Попыталась что-нибудь выяснить у «мастера», моей знакомой: «Зачем меня здесь держат?» – «Все дело в карме. Тобой овладело невежество, карма мира животных». Но это же неправда. Полный бред. Не могли же из-за этого со мной так обращаться.

Чемодан с моими вещами стоял на лестнице, как-то мне понадобилось что-то из вещей, я вышла и столкнулась с Мураи. Он поинтересовался, как дела, я ответила, что никак не могу

---

⁹¹ Занимала в «Аум Синрикё» пост «министра финансов».

разобраться в происходящем. Мураи назвал номер своей комнаты и обещал распорядиться, чтобы меня в тот вечер не запирали на ключ. Однако моя опекунша ему отказала: «Встречи запрещены».

Я решила сбежать от нее по дороге в туалет и попробовать найти Мураи, но она меня заметила. Мы сцепились, она разорвала мне майку. Сцена была кошмарная. Я подумала, что если меня заташат обратно в камеру, мне конец, и заорала во все горло. Все выскочили в коридор, Мураи тоже вышел и приказал зайти к нему.

Вообще-то Мураи был очень мягким и милым человеком, но в тот раз он показался мне совсем другим. Очень холодным, безразличным. «Что ты буянишь? Возьми себя в руки», – вот все, что я от него услышала.

Но как раз в это время в Камикуисики со дня на день ждали полицию, держать людей взаперти было нельзя, поэтому меня перевели в Сатиам № 6, а потом снова в офис «Аум» у Фудзи. Там я неплохо провела время – Асахару вот-вот должны были арестовать, и работы почти не было.

В это же время была проведена зариновая атака, поднялся страшный шум. Вам не приходило в голову, что «Аум» могла совершить что-то противозаконное?

Нет. Тогда я еще думала, что все подстроила полиция, чтобы завладеть сведениями о новых членах и последователях «Аум». Несмотря на ужасную историю, которая со мной случилась, я не разочаровалась в братстве, не потеряла веру. Хотя хотелось, конечно, понять, в чем дело, почему Мураи так изменился, откуда вообще эти странности.

Из Камикуисики я уехала потому, что там все пошло кувырком. Всех «просвещенных мастеров» арестовали, а простые «мастера» стали командовать в стиле кто в лес, кто по дрова. Вот я и решила: с меня хватит. Без Асахары быть уже ничего не могло. Никто не пробовал меня остановить. Решила уехать – и уехала.

Не страшно было возвращаться в мирскую жизнь? Не боялись, что не сможете приспособиться?

Я об этом не думала. Была уверена, что у меня получится. Я вернулась домой, к маме, и прожила там с месяц. Мама очень переживала за меня: «По телевизору целый день об этом говорят. Я уже вся извелась». Первое время, глядя новости о газовой атаке, я убеждала всех, что это выдумки, фальсификация, но скоро умолкла – все, кого привлекали по этому делу, давали одинаковые показания. Как это может быть? Похоже, это и в самом деле совершила «Аум». Время окончательно развеяло мои сомнения.

Прошел месяц, и я решила: пора идти работать. Я думала о маме. Новый муж, а тут еще я на голову свалилась. Она чувствовала себя неудобно, нервничала, бедная. Дала мне сто тысяч иен на первое время, и я ушла, устроилась прислужкой в гостиницу на курорте с горячими источниками. Самый подходящий вариант, если не хочешь тратиться на задаток, когда снимаешь квартиру. Можно найти место, где за жилье платить не надо.

На собеседовании я, конечно, не сказала, что была связана с «Аум», и меня сразу приняли. Но скоро появился человек из службы безопасности, и все открылось. Хозяйка обещала никому не рассказывать: «Работай спокойно», – но чувствовала я себя ужасно. Проработала там семь месяцев. Платили немного – двести тысяч в месяц, зато чаевые были хорошие. Я выжимала из себя все соки, чтобы заработать побольше. Как-то от одного и того же клиента три раза на чай получила. За один день. Попадались гости, которые считали своим долгом отблагодарить прислугу, когда вселялись и еще перед отъездом. Скопила денег, сдала на права и купила машину. У нас здесь⁹² без машины – как без рук.

Вы производите впечатление человека очень оптимистичного и деятельного.

---

⁹² Г-жа Ивакура живет в соседней с Токио префектуре. – Прим. автора.

А что мне тогда оставалось? Ничего. Оглядываясь назад, я думаю, что из меня получилась неплохая горничная.

Теперь работаю в салоне красоты. Туда тоже как-то нагрязнула полиция. Я разозлилась – что это такое! меня памяти лишили, я сама пострадала! Это не шутка! Но поразмыслив, поняла, что раз я оказалась на стороне тех, кто принес людям горе, то и нечего из себя жертву строить. Поэтому я перестала злиться и выложила полицейским все, что знала.

Сейчас со здоровьем у меня все в порядке. С аппетитом тоже. Ничего не болит. Единственное – память так и не вернулась. Связей с «аумовцами» я не поддерживаю, и маме велела, чтобы она ничего обо мне не рассказывала, если кто-то позвонит. Никаких теплых воспоминаний о жизни в «Аум» у меня не осталось.

Вы были в дружеских отношениях с людьми из категории «просвещенных мастеров». Могли они участвовать в организации зариновой атаки?

Если бы им приказали – может быть. Ниими, к примеру, наверняка пошел бы выполнять приказ. Кэннити Хиросэ... мы с ним беседовали довольно часто. Очень простой человек, наивный. Как бы это сказать... Я им сочувствую. Не та была обстановка, чтобы сказать «нет», когда тебе приказывают. Тут уже не «нет», а «рад стараться».

На суде многие участники этого дела говорили, что не хотели подчиняться приказу, но побоялись, что их убьют за неповиновение. Так ли оно на самом деле?

Хм-м... Интересно... Все же я думаю, что тогда они были рады ощущать себя избранными и выполнить приказ. Среди обычных самана немало добросовестных людей, но те, кто становился «просвещенными мастерами», считались более серьезными, что ли, достигшими совершенства.

Вы вернулись к мирской жизни, работаете. Прежде у вас были сомнения по жизни – вы считали, что в вас нет ничего выдающегося. А сейчас как?

Ну, я как бы с этим смирилась. Можно и так жить. Если у меня спросят, мучаюсь ли я сейчас как раньше, скажу «нет». До «Аум» я не умела говорить с людьми, даже с близкими, о себе, о своих чувствах. Не могла признаться в слабости – сразу останавливала себя: «Стоп. Молчи. Дальше нельзя...» А теперь могу об этом говорить свободно.

Родня считает, что мне пора замуж, и норовит поскорее свести меня с кем-нибудь. Но, по-моему, люди, состоявшие в «Аум» – в организации, которая совершила такие чудовищные преступления, – не должны жениться или выходить замуж. Конечно, лично на мне никакой вины нет, но ведь я там числилась и старалась изо всех сил.

Иногда мне становится грустно. Особенно тяжело пришлось в прошлом году. Ходила с друзьями поразвлечься, перекусить где-нибудь, но бывали дни, когда делать совсем нечего. Приходила домой – одна, ни души рядом, и слезы на глаза наворачивались. Сейчас такого, слава богу, нет.

В «Аум» мне встретилось немало замечательных, располагающих к себе людей. Совсем не таких, что в мирской жизни. Знаете, в ней так много показного. А в «Аум» мы жили все вместе, почти как одна семья.

Я ужасно люблю ребятшек. У моей младшей сестры – дети. Они такие... просто чудо. Но я была в «Аум», поэтому выйти замуж, завести семью, детей... мне это будет нелегко. Представьте: нужно рассказать про «Аум» человеку, который тебе нравится. Я не смогу, наверное... Мне кажется, тут еще сыграло большую роль то, что у нас дома все пошло наперекосяк. Зачем человеку идти в «Аум», если он вырос в нормальной, счастливой семье?

МЕНЯ ТОШНИТ, КОГДА Я ВИЖУ В СУДЕ АСАХАРУ Хидэтоси Такахаси (р. 1967)

Родился в городе Татикава (префектура Токио). Изучал геологию на естественном факультете университета «Синею», поступил в аспирантуру по специальности геодезическая астрономия. Полюбил рассматривать небо в телескоп еще в школе, с самых первых классов. Зариновая атака в токийском метро потрясла его; после этого оставаться в «Аум» он уже не мог. Выступал с критикой «Аум Синрикё» на телевидении, в других средствах массовой информации, опубликовал книгу – «Возвращение из „Аум“ », в которой подробно описал, как пришел в секту и почему решил ее оставить, поэтому мы не касались этих тем в нашей беседе. Книга чрезвычайно интересная и хорошо написанная. Советую прочитать ее тем, кто интересуется подробностями.

Сёко Асахару впервые увидел в студенческом городке университета Синею, в городе Мацумото, куда тот приехал читать лекцию. Говорил с ним. Потом Ёсихиро Иноуэ⁹³ уговорил его вступить в «Аум». Вскоре, однако, Такахаси от секты отошел – было много научной работы. И все же на науке он сосредоточиться не смог и вернулся в «Аум», на этот раз, чтобы стать послушником. Это было в мае 94-го, как раз перед происшествием в Мацумото.

В секте Такахаси определили в Министерство науки и техники, под начало Хидэо Мураи. По личному указанию Асахары занимался разработкой программного обеспечения для прогнозирования землетрясений. Созданная большими трудами программа позволила предсказать разрушительное землетрясение в Кобэ в 1995 году, за что Такахаси получил похвалу от Асахары.

Рассуждает очень логично и четко, что вообще, может быть, свойственно многим последователям – бывшим и нынешним – «Аум». Нелогичное не находит у него понимания. И наоборот, все логически построенное принимается им с энтузиазмом, как доказательство того, что рассудительность в природе существует – и в немалом количестве. Конечно, если смотреть на то, что тебя окружает, такими глазами, наш мир покажется невыносимым местом, полным противоречий и хаоса. Из-за своего великолепного логического мышления этот человек оказался в замкнутом круге, имя которому – «облечь смысл в слово». Круге, где макро-переплелось с микро-, и из которого, в некотором смысле, нет выхода. Впрочем, это можно понять.

Сейчас работает в компании, занимающейся геодезическими работами, живет как самый обыкновенный человек. Однако всерьез хочет посвятить свою жизнь поискам ответа на вопрос: «Что же это такое – «Аум»». Поэтому и теперь, если позволяет время, посещает судебные заседания, на которых рассматриваются дела лиц, имеющих отношение к «Аум Синрикё».

В университете я ходил на лекции по искусству и вообще вел активный образ жизни. В то же время где-то внутри жило и углублялось отчуждение между двумя частями моего «я» – обращенной наружу и определяющей мое поведение во внешней среде и той, что предназначена для внутреннего пользования. Я был весел, жизнерадостен и окружен друзьями. Но стоило вернуться в комнату, как меня охватывало отчаянное одиночество. И вокруг не было ни единого человека, способного разделить его со мной.

Это началось еще в детстве. Помню, я часто прятался в платяном шкафу. Не хотел попадаться на глаза родителям; даже в своей комнате мне было неуютно. Детям всегда кажется, что родители им мешают, лезут не в свое дело. Единственное место, где можно было укрыться и обрести покой, – это шкаф. Странноватая привычка? Возможно. Но в шкафу, в полной темноте, возникало ощущение, будто все мои чувства обостряются до предела. Во мраке я оставался наедине с самим собой. Так что в некотором роде я еще маленьким полюбил сеансы уединения, «аумовскую» отстраненность от мира.

Мне нравилось засыпать, накрывшись одеялом с головой. Так я как бы погружался в

---

⁹³ Руководитель разведки «Аум Синрикё». Признан судом главным координатором теракта в токийском метро и приговорен к смертной казни.

другой мир, переходил в пограничное состояние между явью и сном. Мог свободно путешествовать, куда захочу. Под одеялом я строил собственный духовный мир, где находилось место лишь для меня одного. И с этим ничего нельзя было поделать.

В школе, в средних классах, я любил прогрессивный рок. Например, пинкфлойдовскую «Стену». Хотя лучше такую музыку не слушать (смеется). Пессимизма в ней многовато. О таком человеке как Гурджиев⁹⁴ я узнал благодаря «Кинг Кримсон». Их гитарист Роберт Фрипп был последователем Гурджиева. После того как он им увлекся, его музыка круто изменилась. И я думаю, что эта музыка сильно повлияла на мои взгляды на жизнь.

Школа высшей ступени⁹⁵, где я учился, находилась в Татикава. Я там много занимался спортом – играл в баскетбол и бадминтон. На тренировках приходилось нелегко.

В университете я пришел к тому, что надо провести черту между моей жизнью и обществом. Я ведь из тех, кого называют «людьми моратория»⁹⁶. Наше поколение росло в период, когда Япония богатела, становилась преуспевающей страной, и мы смотрели на окружающую действительность именно под таким углом. Я никак не мог привыкнуть к «обществу взрослых» вокруг меня. Оно представлялось мне уродливым искривленным пространством. Неужели нельзя жить по-другому, иначе смотреть на мир? Занятия в университете оставляли достаточно свободного времени, и я тратил его, давая волю фантазии и рисуя в голове разные образы.

С молодыми часто бывает такое. Чего только себе не вообразишь! Однако столкнувшись с реальной жизнью, сразу видишь, что мало на что способен. Меня это страшно бесило.

Куда только я не совал нос, чтобы избавиться от раздражительности, воспрянуть духом. Думал таким образом обрести жизненные силы. Людям приходится много страдать в жизни, в реальном мире полно противоречий, и это вызывало у меня много вопросов. Чтобы уйти от них, я придумал свое, идеальное общество. Это-то и позволило религиозной организации зацепить меня на крючок – ведь их лозунгом была похожая утопия.

Когда речь заходит об «Аум», тут же начинаются разговоры о разладе в семье, об отсутствии взаимопонимания между родителями и детьми. Но проблема не так проста. Конечно, жизненные неурядицы и семейные дразги – одна из причин, почему люди шли в «Аум». Однако, как мне кажется, еще важнее апокалипсическое предчувствие того, что мир зашел слишком далеко, с которым живет каждый из нас. И если принять во внимание, что у всех нас – у всего человечества, у всех японцев – такое ощущение, становится понятно, что причины, почему «Аум» привлекала столько людей, не могут крыться в такой ерунде, как семейные склоки.

Погодите, погодите. Вы действительно думаете, что все японцы живут в ожидании конца света?

Все или не все – сказать не могу. Но не кажется ли вам, что в душе каждого человека сидит страх перед тем подсознательным и невидимым, что таит в себе конец света? Поэтому, говоря, что все японцы страшатся Апокалипсиса, я имею в виду, что есть люди, которые уже откинули завесу мрака и заглянули за нее, и те, кому это еще только предстоит сделать. Разница между ними только в этом. Разве не так? От того, что скрывается за этим занавесом, кто угодно опешит или придет в ужас перед ближайшим будущим. Общество – основа жизни людей, они тревожатся за то, что будет с ними через какое-то время. Вроде подъема на вершину – чем богаче становится страна, тем сильнее это чувство. Темная тень все разрастается и разрастается. Вот что я думаю.

⁹⁴ Георгий Иванович Гурджиев (1877-1949) – русский мистик и духовный учитель.

⁹⁵ Завершающий трехлетний этап японской системы школьного образования, предшествующий поступлению в высшие учебные заведения.

⁹⁶ Термин введен в оборот в Японии известным психиатром и психологом Кэйго Оконоги (1930-2003), анализировавшим, в частности, в своих работах теорию последователя З. Фрейда Эрика Эриксона о развитии личности. Одним из этапов этого процесса, по Эриксону, является «психосоциальный мораторий» – кризисный период между юностью и взрослостью, который при определенных условиях может принимать затяжной характер.

Мне кажется, вместо «конец света», здесь больше подходит слово «упадок» или «коллапс».

Может быть. Но надо помнить, что когда я учился в школе, очень большую популярность приобрели пророчества Нострадамуса, и ощущение близящегося конца, благодаря масс-медиа, глубоко во мне засело. И не только во мне. Вовсе не хочу, чтобы на наше поколение смотрели как на примитивных простаков, но мне кажется, в то время всем японцам привили мысль о том, что в 1999 году наступит конец света. Я рассчитал: «В 99-м мне будет тридцать два. Взрослый человек. Вот уж повезло так повезло». Вот какой мрак уже тогда был у меня в голове.

«Аумовские» послушники – это люди, внутренне смирившиеся с тем, что грядет скорый конец. Приняв послушание, они отказывались от всего мирского, от самих себя. Иными словами, в «Аум» собирались только те, кто принял идею конца. В людях, у которых еще остаются какие-то надежды на будущее, живет привязанность к этому миру. Она не дает полностью порвать с тем, что дорого человеку, чем он живет. Переход в послушники – как прыжок с обрыва. Такой полет – своего рода удовольствие. Испытавшие его что-то теряют, но одновременно и что-то приобретают взамен.

Поэтому идея конца является одной из осей, вокруг которых строилась деятельность «Аум Синрикё». Людей заманивали в послушники ссылками на приближающийся Армагеддон, агитировали жертвовать «Аум» все имущество. Это стало источником дохода секты.

Но кроме «Аум» существует множество других сект, сделавших апокалипсические идеи товаром. «Свидетели Иеговы», например, или «Ветвь Давидова»⁹⁷. Что отличает от них «Аум»?

Как говорил Роберт Лифтон⁹⁸, хотя идею Апокалипсиса исповедуют многие религиозные культы, «Аум» – единственная секта, которая взывала к концу света и прокладывала к нему путь. Вот в чем дело. Это очень важно.

Мне до сих пор непонятны некоторые вещи, касающиеся «Аум». Я имею в виду необыкновенную энергию секты и направление, в котором она двигалась. Откуда взялась ее невероятная жизнеспособность, за счет чего удалось привлечь так много людей, меня в том числе?

В студенческие годы меня не раз пытались обработать люди из разных новоявленных сект. Я ходил на их собрания, бывал в молитвенных домах. Но с точки зрения серьезности подхода к вопросу, куда движется мир, формулирования религиозного мировоззрения, горячего стремления отыскать соответствующий ему жизненный путь и, наконец, неукоснительного следования этим путем с «Аум» не могла сравниться ни одна из них. «Аум» был на голову выше всех. Их решимость добиваться того, что они проповедовали, ошеломила меня. «Аумовские» духовные практики были по-настоящему тяжелыми. Совсем не то, что в других сектах – идеалистических, заигрывающих с верующими, смиренно покорных. В религиозном послые «Аум» – измени свое тело, а с ним и весь мир – чувствовалось что-то очень настоящее, мощное. И я подумал: если вообще существует какой-то шанс на спасение, все должно начинаться как раз с этого.

Возьмем, например, мировую проблему – продовольственный кризис. Если бы все люди стали понемногу сокращать потребление пищи, как члены «Аум», разве не была бы эта

---

⁹⁷ «Ветвь Давидова» – религиозная группа апокалиптического толка, отколовшаяся в 1950-х годах от секты бывших адвентистов Седьмого дня «Пастырский посох». Стала печально известна в апреле 1993 г. после осады их центра «Маунт-Кармел» под Уэйко, штат Техас, агентами ФБР и Бюро по контролю за соблюдением законов об алкогольных напитках, табачных изделиях, огнестрельном оружии, в ходе которой погибло 82 члена секты, включая ее самозваного руководителя Дэвида Кореша (Вернона Уэйна Хауэлла, 1959-1993).

⁹⁸ Роберт Джей Лифтон – американский психиатр, автор вышедшей в 1999 г. в США книги «Разрушить мир во имя его спасения: „Аум Синрикё“, апокалипсическое насилие и новый глобальный терроризм».

проблема решена? – говорили нам. Не за счет увеличения производства продовольствия, а благодаря изменениям в организме. И я с этим согласен, потому что «аумовцы» в самом деле едят очень мало. Быть может, наступит время, когда человечеству придется задуматься над этим, если дальше оно собирается жить в гармонии с планетой.

Прямо как в романе Курта Воннегута «Балаган»⁹⁹. Там все китайцы вдвое скукожились, чтобы решить продовольственную проблему.

– Забавно.

Я вступал в «Аум» дважды. Во второй раз, в отличие от первого, в воздухе уже висела мрачная тень насилия. Не заметить ее было нельзя. В самый первый день я даже подумал: «Ого! Плохо дело». Для тех, кто ходил в секту, но еще окончательно не порвал с миром, надевалась маска жизнерадостности. Эти люди посещали филиалы «Аум», и такой имидж был придуман специально для них. Но в Камикуисики жили только послушники, отказавшиеся от всего мирского и в каком-то смысле порвавшие с обществом, и там уже всюду веяло безнадежностью.

Меня сразу поставили на сборку космо-очистителей. «Аумовцы» тогда на весь мир трезвонили, что кто-то травит их заринном, и эти устройства должны были ослабить действие газа. «Будешь делать детали для очистителей», – огорошили меня прямо с порога.

Буквально за несколько дней до этого Учитель собрал нас на проповедь и, заходясь кашлем, заявил: «Меня травят газом». С потемневшим лицом, он выглядел совершенно измученным. Поразительно реальная сцена – эффект присутствия был так силен, что оставалось только перейти в послушники. «Я протяну месяц, не больше. И тогда братству конец. Пока этого не случилось, я хочу, чтобы все, кто мне верит, собрались вокруг меня. Станьте моим щитом». Это была по-настоящему яркая проповедь. Она задела за живое всех, заставила людей усомниться в своей вере: если с Учителем такая беда, а ты ничего не можешь сделать, чего стоит твоя вера? После этого послушниками стали сразу человек триста. Так получилось, что эта волна захлестнула и меня. Произошла ловкая подмена религиозного чувства на верность гуру.

Что-то не так. Я это понял, когда меня заставили пройти «инициацию Христа». Всем членам секты давали наркотические средства, причем делалось все крайне небрежно, кое-как. Даже если принять это как метод – хотя использование наркотиков от имени религии, чтобы возвысить дух, уже само по себе весьма сомнительно, – такие вещи должны быть как следует организованы. Нам давали что-то вроде ЛСД, и, скорее всего, для всех это было в первый раз. Неудивительно, что у некоторых после таких сеансов ехала крыша. Об этих людях просто забыли, сделали вид, что их не было. Я не мог глядеть на это без отвращения. Будь ты хоть сам Учитель и твоя цель – поднять человеческий дух к самым высотам, нельзя действовать так безответственно.

Моя натура решительно восставала против «инициации Христа». После нее я был в полной растерянности – что теперь делать: оставаться или бежать отсюда? То, что произошло, потрясло меня до слез. «Что же они делают?!» Эта инициация вызывала большие сомнения не только у меня, но и кое у кого из руководителей «Аум», даже у «просвещенных», которые ловили каждое слово Асахары. Казалось, секта начала разваливаться.

Приход в «Аум» был для меня своего рода авантюрой. Система, созданная для того, чтобы открыть тебе совершенно неведомый мир, заслуживает прощения – ведь в чужой монастырь со своим уставом не ходят. И я принял эту систему, хотя это не значит, что меня полностью устраивало ее мировоззрение и подход к жизни. С одной стороны, мне хотелось приспособиться к особому, «аумовскому», образу жизни, лучше узнать его, в то время как другая половина моего «я» пятилась, трезво глядя на происходящее вокруг.

Меня часто спрашивают: «Почему же тебе не промыли мозги в секте?» Да я и сам толком не знаю. Может быть, «Аум» была для меня одним из этапов религиозных исканий. Хотя я могу говорить об этом так свободно, потому что был в послушниках всего год. Еще не известно, что

---

⁹⁹ Курт Воннегут-мл. (р. 1922) – американский писатель, роман «Балаган, или Я больше не одинок» опубликован в 1976 г.

было бы, уйди я в секту года на три раньше. А так, только один год. Какие-то свои мысли в голове еще оставались.

Прошел месяц, как я перешел в послушники, и наступило разочарование. Из-за «инициации Христа». Я стал всерьез подумывать о том, что пора сматываться. Но как бы это выглядело? Приходит человек и бодренько заявляет: «Отрекаюсь от мира, примите в послушники». А через месяц: «Ошибочка вышла. Я передумал». Так ведь не скажешь. Стыда не оберешься. Должна же быть какая-то гордость. Хотя вера и гордыня изначально не совместимы...

Так или иначе, после «инициации Христа» у меня появились большие сомнения в отношении «Аум»; на работу больше смотреть не хотелось. Душа отказывалась принимать Ваджраяну, допускающую убийство во имя освобождения. Поговорить на эту тему, посоветоваться было не с кем, а Учитель сидел слишком высоко, чтобы можно было надеяться на общение с ним. Когда я решался высказать кому-нибудь свои сомнения насчет «Аум», ответ всегда был один: «Мы с братством одно целое. И другого пути нет». Я понял, что пока не выйду на кого-нибудь из высокого руководства, толку не будет.

Тем временем Ниими, Эрико Иида и мастер Наропа устроили мне еще одно испытание. Стали давить на меня: «Почему ты не живешь жизнью братства? Чем тебя не устраивают наши практики? Почему ты отлыниваешь? Ты не веришь в Гуру!» Надо пользоваться шансом, подумал я и решил выложить им все начистоту: подождите, есть у меня кое-какие сомнения, поэтому все силы на дела братства бросить не могу. Так прямо и сказал что думал. Эрико Иида в ответ: «Пойми, мы все в таком положении. Но для нас есть только одна дорога – следом за Гуру».

«Как вы можете следовать за Гуру, если ничего о нем не знаете? – спросил я у нее. – Я тоже верю в Гуру, но не знаю, что он за человек. Как я могу слепо идти за ним?» Но как я ни добивался, ответ был все тот же: «Нам ничего не остается, как верить ему и следовать за ним».

После этого я совсем пал духом. Если уж Эрико Иида – «просвещенная», пользовавшаяся уважением всех, постигшая Махамудру¹⁰⁰, – так говорит... Какой толк задавать ей вопросы. Я попробовал обратиться к Хидэо Мураи, своему прямому начальнику в Министерстве науки и техники, – вообще никакого ответа не получил. Он лишь промолчал. Оставалось только идти прямо к Учителю. От этой идеи я отказался и решил без лишних слов заняться духовными практиками.

Единственным духовно близким мне человеком в секте был Ёсихиро Иноуэ. Я собирался задать свои вопросы ему, однако Ананда¹⁰¹ получил какое-то секретное задание, и связаться с ним не удалось. Так, в неопределенности, прошло несколько месяцев.

Я провел в секте уже около года, когда Хидэо Мураи приказал мне заняться сбором данных о сейсмической обстановке. Но я знал, что сосредоточиться на работе не удастся. Понять, куда идет секта, было невозможно. Мешали беспорядок и неразбериха, абсолютная неясность с тем, что будет дальше. Поэтому я, недолго думая, подошел к Мураи: «Мне кажется, у нашего братства есть какие-то тайные, темные стороны. Как вы думаете?» В то время я занимался астрологическими изысканиями, что дало мне возможность приблизиться к Учителю и ежедневно наблюдать, чем занимаются «водители», находившиеся для обычных членов секты вне досягаемости. Все их действия обставлялись с такой претензией, отгораживались от людей толстым занавесом. Мураи производил впечатление человека, который держит в руках ключи от той самой сумеречной зоны. Это-то и побудило меня обратиться к нему. Задать ему такой вопрос в лицо духу не хватило, так что я позвонил по телефону. Помолчав, он сказал: «Ты не оправдал моих надежд». Я понял, что моя жизнь в секте кончилась. Иначе говоря, меня перестали считать «рабочей лошадкой».

Я не рассматриваю преступления, совершенные «Аум», просто как вспышку насилия. За

---

¹⁰⁰ В переводе с санскрита «Великая Печать» или «Великий Символ» – высшее духовное учение тибетского буддизма, которое заключается в непосредственном пребывании практикующего в состоянии истинной природы ума.

¹⁰¹ Псевдоним Иноуэ. – Прим. автора.

ними стояла некая четкая задача религиозного характера. Не скажу, что все было заорганизовано до последней мелочи, стихийный порыв тоже присутствовал, но все же этими действиями наверняка управляла вера. Вот что меня больше всего интересует. И объяснить это в полном объеме, скорее всего, могли бы лишь Асахара и Хидэо Мураи. Другие члены «Аум» были простыми пешками, но только не эти двое. Они отдавали приказы сознательно, прекрасно понимая чего хотят. Мотивы, которые двигали этими людьми, и есть то, с чем я боролся, чему в одиночку противостоял в секте.

Большинство из тех, кого арестовали за участие в зариновой атаке, были абсолютно преданы Учителю. Что бы ни говорили о секте, они закрывали на это глаза, отбрасывали любые подозрения и делали все, что им говорили. Тору Тоёда¹⁰² от них отличался – имел свое мнение. Как-то я поделился с ним сомнениями, он задумался и потом сказал: «Послушай, Такахаси, Армагеддон уже наступил. Чего уж теперь говорить». Тоёда мог давать такие ответы, опираясь на свою систему мышления. Не то что многие другие, которые, не задумываясь, были готовы тупо следовать за Учителем. С такими говорить не о чем. Разный народ собрался в секте.

Я хорошо знал Тоёду – мы пришли в «Аум» примерно в одно время. После того как он стал послушником, его довольно быстро выдвинули в руководящую группу. «Я сам толком не понимаю, что происходит в братстве, – говорил он. – Но раз уж произвели в начальство, буду выполнять эту роль». Помню, услышав его слова, я подумал, что ему тоже приходится туго. Еще хуже, чем мне. Этот разговор состоялся незадолго до зариновой атаки. Одно время я был у него шофером.

Почти все, кто входил в руководство, долго пробивались наверх, а Тоёда как по лестнице взбежал. Шустрым оказался. Этим секта и воспользовалась.

А если бы Мураи приказал вам распылить зарин, как бы вы поступили? Не подчинились? Сбежали?

Наверное. Хотя легко сказать... Исполнителей застали врасплох, они оказались в ситуации, когда уже не убежишь. Мураи собрал их в своей комнате и объявил, что им предстоит. «Это приказ сверху». В «Аум» эти слова звучали как заклинание. Исполнителей выбирали из числа самых фанатичных. Говорили: «На вас возлагается особая миссия». Взывали к чувству долга. Полная покорность высшей воле была в «Аум Синрикё» основой веры. У них все делалось под этим флагом.

Потому-то меня и не включили в группу исполнителей. Я был мелковат для этого, не достиг нужной стадии. То есть в секте мне еще не очень доверяли. Такие для этого дела не годились.

Я одного не понимаю. Когда я брал интервью у людей, пострадавших от газовой атаки, некоторые, по опыту работы в своих компаниях, говорили мне, что будь они членами «Аум» и получи в таких условиях приказ пустить в ход зарин, вполне возможно, не смогли бы отказаться. А вы, хоть и состояли в секте, заявляете, что сбежали бы. Почему?

Пожалуй, «сбежал» – это не совсем честно. Попробую выразиться точнее. По правде говоря, если бы приказал Мураи, я бы сбежал, скорее всего. Но вот вам ситуация: Ёсихиро Иноуэ со словами: «В этом твое спасение», – вручает пакет с жидким газом. Что бы я сделал? Не знаю. Скажи он: «Пойдем со мной», – и я, может быть, последовал бы за ним. Короче, это вопрос, в каких люди между собой отношениях.

Мураи был моим боссом, но держался холодно и отдаленно, глядя с высоты своего положения. Если бы приказ исходил от него, я бы сбежал. Спросил бы, конечно, зачем это нужно. Он бы сказал, что эта грязная работа необходима для братства, поэтому я должен ее

---

¹⁰² Входил в состав одной из созданных «Аум Синрикё» «двоек», распыливших зарин в токийском метро. Приговорен за это преступление к смертной казни.

выполнить. Что тогда делаю я? Соглашаюсь для вида, а перед самой операцией тихонько сматываю удочки. У меня было такое же чувство, как у Кэнъити Хиросэ (Санджа)¹⁰³, который засомневался и сошел в метро с поезда. Думаю, что после долгой внутренней борьбы в конце концов я бы все-таки сбежал.

А вот Ёсихиро Иноуэ – личность привлекательная. У него очень развито чувство религиозного служения. Если бы я заметил, что он страдает, сделал бы для него все, что в моих силах. По правде сказать, тогда он оказал на меня очень большое влияние. Скажи он, что кроме нас никому не под силу выполнить это задание, я запросто мог пойти с ним. Так мне казалось.

А как быть с тем, что ваши действия могли повредить другим людям? Или они для вас находились как бы в другом измерении?

Да. Это были бы действия в другой плоскости. Логика – очень хрупкая вещь, когда дело касается мотивов, которые движут людьми. Сомневаюсь, что пятерка исполнителей, получив приказ распылить зарин, имела тогда возможность логически рассуждать, что психологически они были в состоянии сделать вывод, что приказ этот выполнять нельзя и надо остановиться. Нет, они этого не могли, запаниковали, поддались ходу событий и сделали то, что им сказали. Человек, у которого работает логическое мышление, никогда не пошел бы на такое. При крайних проявлениях гуруизма индивидуальные критерии ценностей полностью перестают существовать. В подобных ситуациях людям даже не приходит в голову, что их действия принесут многим смерть.

Не знаю, что бы со мной стало, пробудь я в секте года три. Но тогда я не мог оставаться абсолютно безразличным к тому, что меня окружало; во мне жила восприимчивость к происходящему – я, не боясь, высказывал другим свои сомнения в отношении «Аум». Но как бы сильно ты ни сопротивлялся, как бы ни пытался помешать грядущим событиям, в таких сектах процесс разрушения личности идет все равно и не зависит от твоего желания. Оказавшись в секте, человек попадает под мощный пресс, ему начинают навязывать сверху то одно, то другое, потому что ему якобы не достает преданности и смирения. Этому давлению нет конца, и дух новообращенного оказывается сломлен. Мне еще как-то удалось устоять, но многие, с кем я пришел в «Аум», сдались.

Хорошо. Но если бы Сёко Асахара лично приказал: «Такахаси, это должен сделать ты», – что бы вы сделали?

Начал бы задавать вопросы, послушал бы, что он скажет. Если бы объяснения меня убедили, согласился. В противном случае, наверное, стал бы дальше спрашивать, до устраивающего ответа. И в итоге меня бы от этого задания освободили. Мне случалось прямо высказывать Асахаре свои мысли, он говорил, что я человек откровенный. Хотя, честно сказать, ни Сёко Асахара, ни Хидэо Мураи не вызывали у меня особых чувств, потому что не открыли передо мной свою душу.

Если же говорить о Ёсихиро Иноуэ, то я сказал, что мог бы с ним пойти. Но это совсем не то же самое, что реальное действие. Хватило бы меня на то, чтобы хладнокровно проткнуть зонтиком пакет с заринном, когда люди вокруг ни о чем не подозревают? Смог бы я вот так спокойно отказаться от самого себя?

Минуточку. Вы говорили «при крайних проявлениях гуруизма». Значит, вы сами находились вне этой системы? Но сущность веры «Аум Синрикё» – это именно гуруизм. Нет ли здесь логического противоречия?

Я уже говорил, что когда нам устроили «инициацию Христа», у меня появились большие сомнения в методах, которые применяла секта. Я изложил на бумаге все, что надумал, но в

---

¹⁰³ Боевик «Аум Синрикё», принимавший непосредственное участие в террористическом акте в токийском метро; ему вынесен смертный приговор.

«Аум» мои записи никому не были нужны. Я полностью разочаровался – из-за пропасти, разделяющей учеников и Учителя.

Что же тогда вас удерживало в «Аум Синрикё»? Был Сёко Асахара, было учение, были друзья. Какой элемент из трех?

У меня в «Аум» почти ничего не осталось. От сомнений в отношении секты и Учителя было не уйти. В своей вере я сделал ставку на встречи и разговоры с Ёсихиро Иноуэ. Можно сказать, это единственное, что еще связывало меня с сектой.

Мне было одиноко, я чувствовал себя в изоляции. В Министерстве науки и техники меня заставили составлять астрологические прогнозы, а к этому у меня не было ни малейшего интереса. Я человек науки, до аспирантуры дошел. А тут предсказание судьбы. Точные научные данные о движении небесных тел и такое сомнительное дело. Противно было этим заниматься. «Аум» имела пункт – развитие сверхъестественных способностей. Если честно, я никогда не понимал людей, стремящихся к этому. По-моему, это ненормально.

Почему же я оставался в секте, которая не могла развеять моих сомнений? С которой меня почти ничто не связывало? Дело в том, что ничего другого у меня не было. Я все бросил. Уходя в секту, сжег все альбомы с фотографиями. Дневники сжег. Порвал со своей девушкой. Бросил все.

Но вам же только двадцать исполнилось. Еще можно было все начать сначала. Извините, что так говорю, но в таком возрасте терять особенно нечего.

Да уж действительно... (Смеется.) Но вы знаете, мне кажется, я довольно упрямый. У «аумовцев» это общая черта. Такая упертая обреченная настойчивость в движении своим путем. Но эта сосредоточенность давала чувство полноты, совершенства. И секта хорошо умела этим пользоваться. Наполненности добавляли духовные практики и выработавшаяся привычка к диете. Эти ощущения питали «Аум». Вот почему у нас был такой интенсивный режим. Чем тяжелее, тем сильнее чувство, что ты выполнил поставленную задачу, чего-то добился.

Став послушником, я настроился на разрыв с окружающим миром, у меня возникла какая-то эйфория от этого. Но при этом я не был уверен наверняка, что принял послушничество по своей воле. Потом был этот случай в токийском метро, я сразу опомнился – как проснулся – и ушел из секты. Все, что казалось мне таинственным и загадочным, оказалось иллюзией и развеялось без следа. Будто спишь себе спокойно, вдруг слышишь: «Пожар!» – и вот ты уже в чем-то оказываешься на улице. Я до конца жизни не забуду событий, связанных с «Аум Синрикё», не дам выветриться им из памяти. Не могу допустить, чтобы меня одолел этот мрак.

Хотелось бы вернуться к «аумовской» теории конца света. Это тот же Апокалипсис, что фигурирует в иудаизме и христианстве? Ведь идея конца, который наступит с окончанием тысячелетия, родилась на Западе, и Нострадамус к буддизму никакого отношения не имеет.

Думаю, что Армагеддон «Аум Синрикё», несмотря на всю специфику, проиграл христианской идее Апокалипсиса. Уступил ей или был поглощен ею. Поэтому объяснить «деяния» секты так просто, лишь с точки зрения основ «Аум» – буддизма, тибетских эзотерических практик, не получится.

Раньше, вспоминая Нострадамуса, я говорил, что ощущение конца света свойственно не только лично мне. Христианин или не христианин – во всех нас обязательно есть этот апокалиптический уклон.

Сказать по правде, я не очень понимаю, что вы называете «ощущением конца света». Но мне кажется, если в этом есть какой-то смысл, то он состоит в том, как вы дробите это самое ощущение внутри самого себя.

Совершенно верно. Именно это я и хотел сказать. Я считаю, что ощущение Апокалипсиса – это не система определенных идей или понятий, а некий процесс. Вслед за ним непременно

наступит очищение. В этом смысле совершённое «Аум» – это своего рода освобождение, психологическое избавление от того, что все это время копили в себе японцы, – деформации сознания, какой-то злобы. Не думаю, однако, что после происшедшего мы сбросили с себя весь этот груз. Апокалиптические видения еще не искоренены, они как вирус, тайком разъедающий общество. Не преодолены и не усвоены.

Существует мнение, что их надо преодолевать на индивидуальном уровне, но мне кажется, что даже если бы я лично смог избавиться от этого, с ощущением конца как общественным явлением справиться совершенно невозможно. Вот что я хочу сказать.

Вы говорите об обществе в целом, однако в так называемом «светском мире» обыкновенные люди – я имею в виду таких, кто поддерживает относительный баланс в жизни, – как бы дегенерируют внутри себя эти вирусоподобные ощущения Апокалипсиса, каждый на свой лад, и свободно заменяют их чем-то другим. Не так ли?

Происходит именно процесс дегенерации, растворения. Это совершенно необходимо. Я считаю, что Сёко Асахара с этой задачей не справился и капитулировал перед идеей Апокалипсиса. В конечном счете он должен был сотворить кризис собственными руками. Апокалиптические представления Асахары как религиозной фигуры уступили другой, более масштабной картине конца.

«Мир мрака», ощущения, пережитые вами в детстве в шкафу, – имеют ли они какое-либо отношение к тому, что вы испытали в «Аум Синрикё»?

Есть мир дня и мир ночи. Как я пришел к тому, чтобы стать послушником? Причина в том, что в дневном мире, как мне казалось, я никак не мог избавиться от своих тайных желаний. Поэтому, быть может, я и взялся за разрушение этого мира, стал отбрасывать все с ним связанное и так открыл дверь в «Аум Синрикё». Другими словами, столкнулся с темной стороной своей души.

Я вижу, что совершили Ёсихиро Иноуэ и Тору Тоёда, и мне снится, будто это сделали не они, а я. Ужасно! Утром я просыпаюсь весь в поту. Но это не сон! Это произошло на моих глазах на самом деле. Иначе говоря, то темное, что дремало в закоулках моего сознания, было целиком поглощено тенью «Аум Синрикё» и вышло на поверхность.

Вот почему я так серьезно отношусь к «деяниям» «Аум Синрикё». По возможности хожу на судебные заседания. Однако, глядя на то, как ведет себя в суде Асахара, что он говорит, я не могу избавиться от ощущения, что меня дурачат. Меня мутит от этого и даже вырвало один раз. Печальное зрелище. Смотреть на это нет никакого смысла, но какой бы пустой и бессмысленной личностью ни казался мне Асахара, я был не в состоянии отвести от него взгляда. Я не могу просто так выбросить его из головы. Не надо забывать, что эта фигура, пусть и недолго, но орудовала в нашем мире и вызвала такую трагедию. Я не смогу двигаться дальше, пока не разберусь с тем, что натворила «Аум Синрикё».

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Первая беседа с господином Хаяо Каваи

Этот диалог состоялся в Киото 17 мая 1997 года спустя два месяца после выхода «Подземки». Опубликован в июльском выпуске журнала «Современность» за 1997 год, но переработан автором для нынешнего издания.

Господин Каваи, вы как психиатр принимаете пациентов, и, как правило, проводимые вами собеседования повторяются неоднократно. Мне кажется, что взятые мною для «Подземки» интервью чем-то похожи на собеседование, но в большинстве случаев я встречался и беседовал с людьми один-единственный раз. В чем вы видите реальные отличия между собеседованиями и такими интервью?

С учетом возможности многократных встреч с тем или иным человеком меняется моя позиция. Когда думаешь о предстоящей долгосрочности этих встреч, отказываешься от попыток вникнуть в ситуацию, или высказать свое мнение.

Например, если посетитель говорит: «Меня волнует вот такая проблема», бывает, что я совсем не касаюсь в беседе отца этого человека. То есть в таких случаях я не интересуюсь: «Извините, а каким был ваш отец?» Нет необходимости об этом спрашивать. Меня больше интересует «правда» самого человека.

Однако если количество встреч с ним ограничено, мне очень хочется спросить об отце. Бывает, то же самое происходит при неоднократных беседах с клиентом. Сам я стараюсь не спрашивать лишнее, но сдерживаюсь не всегда. Вместе с тем непременно задаю этот вопрос совершившим тяжкое преступление людям, а также тем, кто готов хоть сейчас покончить жизнь самоубийством. Почему? Страшно, когда не знаешь фактических отношений. И просто необходимо выяснить, каким образом человек пытался расстаться с жизнью, не собирается ли повторить попытку. В случае разговора с убийцей, в зависимости от ответов на вопросы «что он (она) думает, лишив человека жизни», изменяется подход к самим встречам.

Выходит, контакт отличается в зависимости от сложности проблемы ?

Разумеется. Придет, скажем, старшеклассник и говорит: «В школу я не хожу». Отвечаешь ему заинтересованно: «Ах, вот как», – но ни в коем случае не просишь: «Кстати, а расскажи о своем отце?» Важно, чтобы всплыла правда того человека. На этом и фокусируешь внимание.

Но в случае с «Подземкой» мы имеем дело с разовым интервью, поэтому жаль, что я не владею определенными фактами. В подобной ситуации я, пожалуй, контактировал бы аналогично, но тогда с самого начала выспрашивал бы факты осмотрительно. В начале предоставляешь собеседнику как можно больше свободы.

Постепенное прояснение действительности – зачастую дело весьма нелегкое. В нынешней работе самым сложным – даже, можно сказать, дилеммой – мне показалось вот что: разговоры о происшествии действовали на некоторых положительно, а у некоторых, наоборот, от них ухудшалось самочувствие. Постепенно меня это начало сильно беспокоить.

Прекрасно вас понимаю.

Но с учетом того, что я пишу книгу на определенную тему и беру интервью, чтобы хоть сколько-то пролить свет на действительность, я не могу не расспрашивать об этих самых фактах. И очень трудно было определить для себя, до какой степени стоит расспрашивать человека, до каких пор следует писать. Несомненно, у вас цель беседы совсем иная.

Мы идем на встречу с человеком, постоянно думая об этом. Когда клиент начинает говорить лишнее, останавливаем его фразой: «Ну, об этом поговорим в следующий раз».

И это постигается эмпирическим методом, верно?

Верно. Имеет место и эмпирический метод. Далее, слушая рассказ, наши чувства обостряются. И когда нам самим становится отчасти страшно, мы прерываем разговор.

Однако создавая книгу, так просто не прервешь.

Действительно. Потому что преследуются разные цели. Но даже при этом, когда разговор окончен и в ходе него кому-то стало плохо, бывает, это служит ступенью для изменения к лучшему в дальнейшем. Поэтому просто не скажешь, хорошо это или плохо. Хотя часто бывает и так: сначала человек расстраивается, сказав что-то лишнее, но потом передумывает: «Вроде все так и есть», – и у него сразу поднимается настроение.

Я тоже по возможности стараюсь при интервью держать ухо востро. Пытаюсь оценивать разные вещи инстинктивно. Но предвидеть, что будет дальше, невозможно. И даже если стало лучше, сколько на это потребовалось времени, неизвестно.

Верно. До такой степени – неизвестно. Но тебе говорят: «Встретимся – поговорим», – поэтому приходится волей-неволей как-то вникать в ситуацию. К тому же – не шуточное дело, когда собственный рассказ становится книгой. Зачастую родные и близкие резко реагируют на твои собственные истории о пережитом, но они воспринимаются по-иному, стоит прочесть их печатными буквами в форме книги. На этот раз окружающие проникаются: «Ах, вот оно как все было». Думаю, это отрадный факт.

И наоборот, мне показалось, что большинство служащих принижают полученный ими ущерб. Больно на десять, а они настаивают на семи. Сказали на десять, но когда дело доходит до текста, требуют, чтобы ограничился семью. Не сделаешь так – не сможешь воспользоваться материалом вовсе. Это и есть корпоративное мышление. Получается, что впросак попадает пишущий.

Я не берусь за перо, потому что это очень непростое дело. Опиши я сейчас все, что делаю, – и воздействие на людей окажется сильнее. Если описать страдания как они есть, люди будут лучше знать, что это такое. Но это невозможно. В нашей работе существует обязательство неразглашения тайны.

Когда я пишу, разумеется, я получаю согласие противоположной стороны. Или добавляю вымысел. Но вымысел почему-то не способен оказывать воздействие. Странное дело, да? Может показаться, что история только выиграет, добавь в нее вымысел, но когда этим занимаемся мы, вымысел не имеет силы. Разумеется, это не касается создателей литературных произведений. Их творчество исходит от них самих. А мы занимаемся элементарной выдумкой.

Я преследовал две цели во время работы над «Подземкой». Первая – это собрать и расставить по порядку не освещаемую СМИ первичную информацию. Вторая – последовательно отследить произошедшее глазами потерпевших. Почему? Потому что с этой позиции не было написано ни одной книги.

Мне казалось: какой смысл заниматься я сейчас, подобно многим обозревателям и средствам массовой информации, анализом морали и идейности «Аум Синрикё»? Чем блуждать по лабиринту лингвистического выражения смысла, лучше вернуть происшествие на позиции простого человека, отбросить специфические термины, и отследить его заново, что позволит проще увидеть разные вещи.

Я считаю, что такое количество материала возникло от вашей манеры ведения интервью. Это становится понятно после того, как ознакомишься с содержанием. Вы выступаете в роли слушателя и почти не выпячиваете себя. И то, что проговаривают вам люди, – только потому, что расспрашиваете именно вы. Обычному человеку столько бы не рассказали. Я в этом уверен.

Что вы конкретно имеете в виду? Я лишь увлеченно расспрашивал, поэтому мне трудно об этом судить.

Например, предположим, я еду в район стихийного бедствия и прошу пострадавших рассказать о случившемся: мол, напишу об этом книгу. Разговор не получится. Можно услышать в ответ: «Да, пришлось несладко», или: «Рухнул дом», – но даже при этом разговор станет в тягость. Какой смысл его продолжать, если собеседник не может тебя понять? Иными словами, как он может проникнуться, не понимая, о чем идет речь. В зависимости от собеседника, бывает, разговор становится до крайности простым. Правда, в этой книге все рассказы – как наяву. Обычно люди редко так откровенничают.

Я начал работу над этой книгой, естественно, питая интерес к происшествию. Но больше всего меня интересовали люди. Я ведь писатель. Поэтому первые полчаса-час вел беседу наличные темы, никак не касаясь происшедшего. Где родился собеседник, в какой семье воспитывался, каким был в детстве, чем занимался в школе, когда была свадьба, сколько детей, какие увлечения, где работает... Любая из историй была настолько интересной, что хотелось записать все полностью. Но зачастую меня останавливали фразой: «Не пишите – это личное».

Однако чем дальше, тем больше вырисовывалось, что за человек мой собеседник. Во мне самом формировался его портрет. Достигнув этой фазы, я впервые касался главной темы: «А теперь, что касается того дня...» Как правило, в большинстве случаев разговор переходил относительно плавно. Хотя иногда никак не клеился.

Разумеется, не все получается гладко. При этом подлинная сущность – не в зарине, а в том, какой жизненный путь прошел человек. Часто меня посещало одно сильное чувство: «Японцы, вы – молодцы».

Стараются изо всех сил. Слушаешь их рассказы и чувствуешь бешеный ритм их жизни. И так – годами, изо дня в день. Причем никто не срывается, не говорит: «Все, баста». Хотя, конечно, встречаются и такие, но их меньшинство. Почти все без единого слова продолжают ходить на работу. На мой вопрос: «Не надоело?» – почти все отвечают: «А чем я лучше других?» У них вряд ли бы так получалось без подобного отношения к работе. Даже надыхавшись зарина, большинство, пошатываясь, шло на работу. Выносливые. Некоторые в полубессознательном состоянии делали производственную гимнастику.

И то правда. Не то что мы (смеется).

Мне кажется, существует два типа мышления.

Первый – корпоративная система с этой стороны, где присутствуют в том числе и религиозные оттенки. Пожалуй, мои слова вызовут упрек, но в этой системе, возможно, в каком-то смысле есть скрытые моменты, схожие с системой «Аум Синрикё». Среди пострадавших служащих некоторые признались, что окажись они в той ситуации, не исключено, что выполнили бы приказ.

Второй тип – нет, общего ничего нет. Здешняя система совершенно отличается от системы тамошней. Одна сторона включает в себя другую, и может исправлять ошибки. Я до сих пор не могу так просто сказать, к какому типу принадлежу сам.

Для этого первым делом необходимо определить, зло – это понятие личное или единица системы. Я долго об этом думал уже после завершения работы над «Подземкой». Что есть зло? Вопрос до сих пор остается открытым. Порой мне кажется, продолжай я исследовать эту проблему, и ее контуры где-нибудь, да проявятся.

Действительно, зло – очень сложная проблема. Она и раньше была непростой, а сейчас, в нынешнюю эпоху, стала еще запутанней.

Зло для меня – один из главных мотивов. Я с давних пор пытался описать зло в собственных произведениях. Но не мог отсеять его от прочего. Я могу описать один из обликов зла: например, грязь, насилие, ложь. Но когда дело доходит до общего облика зла, охватить всю его форму невозможно. Об этом я продолжал думать и когда писал «Подземку».

Я тоже столкнулся с этим вопросом, когда писал книгу «Дети и зло». Что есть зло? Начинаешь разговор об отношениях между злом и созидательностью – и пишется легко. Однако если в процессе работы над книгой тебя спрашивают: «Ну а как ты определишь описанное тобою зло?» – возникают затруднения. С монотеистами все просто: Зло – то, что называет злом Бог. Но с другой стороны у них тоже возникает дилемма – ма вроде: «Почему единственный и всемогущий Бог сотворил в этом мире Зло?» И тут им крыть нечем. В то время как человек, вроде нас – политеистов, – может сказать по-разному в зависимости от того, с

какой стороны посмотреть: отсюда – зло, а оттуда – добро. Именно поэтому определение зла очень и очень проблематично.

Однако написать книгу о детях и зле достаточно просто. Я лишь хотел сказать: то, что ох-уж-эти-взрослые называют злом, на самом деле не является таковым. Раз так, дело спорилось быстро. Но рано или поздно я хочу написать книгу о настоящем зле. Книги о психологии зла до сих пор нет – при том что существует несколько редких работ о философии зла.

Бывает опасно разделять добро и зло. Это, мол, зло, а это – добро. В таком случае добро, скажем так, прогонит зло, и станет все равно, что бы добро ни делало. Это страшнее всего. Люди из «Аум Синрикё» наделали столько дел, считая себя на стороне добра. Это совсем не то, что просто вереница злодеяний.

Я давно об этом слышал. Необходимость убийств во имя зла ничтожно мала. В сравнении с этим подавляющее число убийств – во имя добра. Как и войны тоже. Опасно, если добро развернется во всю свою мощь. Но даже при этом невозможно сказать, что «зло – это хорошо». И в этом проблема.

Собирая материал, я почувствовал вот что: чем больше возраст, тем сильнее нетерпимость к «Аум Синрикё». «Ни за что не прощу!» Такие люди считают секту «безусловным злом». Чего нельзя сказать о молодежи. Немало двадцати-тридцатилетних «могут понять их настроение». Разумеется, они осуждают сами действия, но в некоторой мере сочувствуют мотивам.

Определение добра и зла очень затруднительно, поэтому сильны те, кого с ранних лет потрепала жизнь. Их организм как бы сам понимает: вот оно – добро. Именно это прекрасно, когда читаешь истории работников метро. В некотором смысле даже проникаешься их рассказами. Однако этого нету молодежи. Можно сказать, им не хватает решимости.

Да, но можно сказать, что в современном обществе весьма шатки сами критерии добра и зла.

Действительно, можно. Я писал книгу «Дети и зло», а сам размышлял: очень трудно определять с лицевой стороны, что же есть настоящее зло. Это может написать тот, кто считает, что само общество – это зло. Используя подобную риторику, можно наговорить сколько угодно. Но если приблизиться к сути, то все слова куда-то пропадают.

Именно об этом я и думал. Почему так трудно разобраться с зариновой атакой в метро, с делом «Аум Синрикё» – да потому что очень непросто определить, что же, в конечном итоге, есть зло. Если сфокусировать все действия, повлекшие за собой гибель большого количества людей от зарина, в одну точку – это несомненно зло. Здесь и спорить не о чем. Но если проанализировать учение «Аум Синрикё», то появится логика, согласно которой все это, возможно, не есть безусловное зло. В любом случае, это, пожалуй, вопрос толкования. Есть нечто похожее на отчуждение, преследование которого выглядит привлекательным, но мне кажется, подбираться с той стороны – весьма опасно. Думаю, что в конечном итоге для расследования этого инцидента большей силой обладает приземленный «интуитивный здравый смысл».

Выслушав большое количество рассказов пострадавших, я так и не вывел для себя истинную картину. Мне кажется, это потому, что внутри каждого человека продолжается некий раскол.

Ответ этот вы должны найти для себя сами. Не остается ничего, кроме как проникнуться всем масштабом нанесенного ущерба и поискать ответ там. Но полагаться в этом на голову нельзя. И в этом смысле вам тоже будет нелегко и дальше создавать свои произведения. Ибо вам придется писать уже после такой вот проделанной работы.

Я понимаю, что ответы эти не появятся так просто, один за другим. Потребуется немало

лет, поиск ответов превратится в затяжную войну. Я и не рассчитываю на простоту.

Это не логическое заключение. Это то, что вынашивается внутри себя в процессе жизни. Поэтому естественно, что потребуется определенное время.

Самое лучшее, что дала мне работа над «Подземкой», – это чисто физическая реакция многочисленных читателей. Например, кто-то, прочитав книгу, плакал навзрыд, кто-то так сердился, что это отрицательно повлияло на здоровье, кто-то со страху не мог ездить в метро. Многие прекрасно описали свою физическую реакцию на произошедшее. Я – писатель, и подобная реакция мне весьма приятна. Но обстоятельства есть обстоятельства, поэтому выражение «приятна», возможно, не совсем уместно, однако мне кажется, что такая вот осязаемая реакция куда действенней выдуманных заключений и правил.

Даже если встать на сторону читателей, ответа сразу не дождешься, поэтому, испытав многое на собственном опыте, им самим предстоит найти этот ответ в дальнейшем. С таким подходом им не остается ничего иного, как продолжать жить и дальше.

Самый ценный опыт, вынесенный мною из этой работы, – это способность откровенно проникнуться человеком, с которым беседуешь. Я не знаю, получается это в результате тренировок, или благодаря природным способностям, но когда внимательно слушаешь рассказ, возникает такое ощущение, будто естественным образомходишь внутрь собеседника. Как колдун-медиум – р-раз, и можешь оказаться на той стороне. Для меня это стало новым опытом.

Думаю, такого ощущения в повседневной жизни не испытаешь. За исключением пылкой любви. Но в процессе такой работы стоит хоть немного понять собеседника, сильно захотеть, чтобы он понравился, – и находится что-то общее.

Да, в нашей работе происходит то же самое. Когда я стажировался в Институте Юнга, нам преподавал один интересный врач. Вот что он говорил: «Когда принимаете клиента, необходимо найти в нем хоть одно место, которое вам понравится. Не найдете – лучше сразу же расстаться. Понравившееся место – это очень важно».

Прекрасно вас понимаю.

Поэтому приходят самые разные люди, люди, натворившие массу всего. Вплоть до убийц. Но как вы помните, очень важно найти понравившееся место. Оно и становится основой. Беседовать с человеком, в котором не нравится ничего, – неприлично.

Такие встречаются?

Я стараюсь по-доброму относиться к людям, поэтому таких случаев мало. До сих пор был лишь один. Так вот, начал я было отказываться, собираюсь сказать: «Извините, но я вас принять не могу, постарайтесь обратиться в другую клинику», – а внутренний голос в это время подсказывает: «Неприменно прими!» Тогда я и говорю: «Честно говоря, мне бы не хотелось вас принимать. Вы мне не нравитесь. Но я услышал внутренний голос, и решил принять».

Нелегко же мне тогда пришлось.

Что произошло?

Смысл принимать пациента был, но пришлось тяжело. Как-то потом тот человек сказал мне: «Сэнсэй, помните, вы сказали мне в самом начале, что не хотите принимать?» А я ему: «Действительно. Так оно и было», – и продолжаю свое дело (смеется). Всякое бывает.

Что касается меня, почти все встречи с собеседниками проходили один-единственный раз. По принципу «дорожи каждой встречей, она не повторится» получается проникнуться

собеседником, но когда это происходит во второй, в третий раз – не избежать хлопот.

В таких случаях «приязнь» становится бременем.

Необходимо брать на себя ответственность.

Бывает, приходится и брать. А еще, гляди, проникнет в щелочку души... эта самая приязнь (смеется).

Ощувив на себе такую работу, я реально понимаю, как трудно приходится вам. Ведь вы занимаетесь этим повседневно и непрерывно.

Да. Незакаленным в этой сфере делать нечего. И, как мы уже говорили, нельзя, чтобы человек не нравился. Однако это самое нравится постепенно усугубляется. И начинает отличаться от обычной приязни. Переходит в другое измерение по сравнению с обычным «нравится – не нравится». Именно поэтому сколько ни встречайся, ничего плохого не будет.

Однако я считаю, что в вашем случае такие беседы стали возможны благодаря тому, что вы встречались с открытым сердцем. Однозначно. Иначе вы не собрали бы такой материал. Это, пока я читал книгу, чувствовалось очень отчетливо.

Изначально истории были куда интересней. Однако собеседники запретили публиковать немалую часть материала. О чем я очень сожалею. В этом смысле мой стиль работы слегка отличается от приемов писателей-документалистов. В ходе работы над книгой я утратил интерес к откапыванию фактов. Мое внимание сосредоточилось на видении и мышлении с позиции тех людей. Поэтому насколько бы ни был интересен материал, я решил не помещать его вопреки воле собеседников.

Признаться, не знаю, что там говорят о документалистах, но сейчас на дворе эпоха сциентизма¹⁰⁴. Мы изыскиваем факты, и опираемся на них в разговоре. Таким образом, открытие новых фактов непременно оказывает влияние на естественные науки. И теперь уже необходимо подходить ко всему объективно. Иначе не получишь фактов.

Например, я вот таким образом беседую с вами, улавливаю настроение и уже могу об этом написать: «Пожалуй, настроение господина Мураками в тот момент было иным». Однако в документальном материале определенного рода я напишу: «Харуки Мураками думал вот так». Разумеется, есть и такие, кто отчетливо разделяет подобные вещи, но стиль нередко таков. Это можно назвать стоицизмом, но случается, что если изложение неудачно, оно отдалается от истины. То есть отдалается от истины под воздействием фактов. В этом смысле мне интересно, как оценят «Подземку» документалисты.

Я считаю, все, что не вымысел – документальная литература, но в обществе есть и иное мнение: что документалистика как раз вот такая. Но с точки зрения моего писательского опыта во мне укоренилось сомнение, действительно ли верны исчисляемые подобным образом факты?

Например, предположим, что мы встретили на унылой безлюдной ночной дороге странного человека с посохом. На вид ростом сантиметров сто шестьдесят, худощавый и бедно одетый. И посох – не посох, а пестик такой. Это – факт. Но если судить по ощущению в момент, когда мы поравнялись, мне показалось, что это мощный человек ростом около ста восьмидесяти. И то, что он держал в руке, выглядело железной палицей. Сердечко так и застучало. Спрашивается, где правда? Думаю, то, что было после, субъективная правда. По-хорошему, конечно, нужно выстроить в ряд и то, и другое, но если получится так, что возможно будет взять лишь одно из двух, я, по крайней мере при этом условии, больше хочу заполучить свою субъективную правду, чем факты. Мир – то, что отражается в каждой паре глаз. Собрать их побольше, обобщить – и обнаружатся видимые факты.

---

¹⁰⁴ Абсолютизация роли науки в системе культуры, в духовной жизни общества; в качестве образца берутся естественные науки, математика.

Хороши те места, где это описано подробно. Хотя иногда встречаются и такие, кто ни вашим, ни нашим, пишут бог знает что. Теперь уже ничего не понимают читатели. И в этом смысле, на мой взгляд, в жанре документалистики в дальнейшем появится много интересного.

Мы занимаемся так называемыми казуистическими исследованиями. В этом случае зачастую пользуемся сухими безвкусными фактами. Но мы-то люди привыкшие. Вслушиваемся в эти самые факты, и перед нами возникает мысленный образ. Но в вашем случае перед вами предстает облик живой.

Ознакомившись с собранными в книге показаниями, есть ли, на ваш взгляд, случаи, чтобы человеку требовалось лечение?

Нет, но в процессе чтения ловил себя на мысли, каково пришлось людям. Но это не странно. Совсем естественно, что, пережив такое, люди оказались в подобном состоянии. Это все сложно, но пост-травматический стресс возникает не у людей со странностями, а у самых обыкновенных. Поэтому было бы легче, если бы тогда знали: «Я не со странностями. Такое происходит с обычными людьми». Читая, я очень сильно переживал: хорошо бы им тогда попался человек, способный дать консультацию. В этом смысле остается только сожалеть.

Действительно, нехватка специалистов, способных дать консультацию, – большая проблема.

Скажи такое по оплошности, и начнут думать: что за странный тип. Я часто говорил об этом после землетрясения. Да нет же, ничего странного, что люди становятся такими. Я настаивал, что подобное происходит именно с людьми нормальными. И это спасало. Уже потом мне говорили: «Ваши слова нам сильно помогли».

Особое сожаление вызывают те случаи, когда возникает непонимание со стороны работодателей. Людям был нанесен ущерб по пути на работу. Это – так называемый несчастный случай на производстве. Но фирмы не принимают, это во внимание. Куда там! Скольких уволили под предлогом отсутствия дееспособности.

Для японцев характерна склонность к отторжению гетерогенов. А если еще откровенней – враждебность народа по отношению к «Аум Синрикё» выплеснулась на пострадавших. «Странными» стали считать и их тоже. Возмущение сектой «Аум Синрикё» оказалось направлено на пострадавших от нее: «Что они там до сих пор бурчат?» Немало тех, кто пережил такую горечь.

То же самое происходит во время стихийных бедствий. Сначала присутствует возбуждение, которое сменяется неким подобием сочувствия, а когда проходит и оно, наступает черед возмущения: мол, чего они до сих пор возятся. Такие вот стадии.

Верно. Имидж запятнанности сектой «Аум Синрикё» переносится на головы пострадавших. Это очень странно, но факт. К большому сожалению.

В некотором смысле это крайне символично, но после того, как рухнуло противостояние «холодной войны» и возникла ситуация, при которой не осталось «права» и «лева», «авангарда» и «карьергарда», – разразились землетрясение в Кобэ и инцидент с «Аум Синрикё». Причем сразу не могли разобрать, на какой оси расположить эти события.

Землетрясение – стихийное бедствие, с ним несколько иначе. Однако продолжайся «холодная война», и таким, как «Аум Синрикё», было бы труднее выйти на арену. В смысле, с какой стороны ни посмотри, непременно присутствует отчетливо видимый враг. Его необходимо проучить. В этом смысле промыть мозги народу нетрудно. Но когда промывать

уже нечем и не знаешь, что делать дальше, как раз и вылезают такие вот странные особи.

Я использую для этого слово «сюжетность».

Короче, когда ось сюжета утеряна, Асахара – раз, и привнес свой сюжет. Именно поэтому было привлечено внимание такого количества людей. Я думаю, так оно и было.

В этом смысле у него есть талант. Или харизма.

И в немалой степени.

Мне как писателю это очень интересно. Что же это за «сюжетность», способная привлечь внимание такого количества людей? И почему этот сюжет в конечном итоге должен был повлечь за собой такие жертвы? Раздумывая об этом, приходишь до мысли, что бывают истории добрые, а бывают и злые. И опять возвращаешься к тезису: что есть зло?

Интересная проблема, не находите? Общее мнение здесь таково: пока это остается сюжетом, необходимо принять меры. Но резонанс будет огромным.

Если рассуждать чисто с точки зрения повествования, можно сказать, что в плане фабулы «люди все пачкаются, поэтому правильно будет их отмыть» здесь все правильно. В качестве фабулы повествования. Но когда это принимает реальный облик «распыленного зарина», то превращается в очевидное зло. Какую линию можно провести между двумя этими понятиями?

Например, есть такой сюжет – «Железный человек 28»¹⁰⁵, верно? Там герой легко взлетает в небо и спасает людей. Дети, начитавшись подобных историй, стремятся к подражанию, обматывают вокруг шеи платки «фуросики»¹⁰⁶ – и айда. Однако имелись ли на самом деле смертные случаи после падения со второго этажа? Таковых не было. Дети – не простаки. Они поглощены сюжетом, но прекрасно регулируют дистанцию с внешней реальностью.

Иногда люди в лоб критикуют истории. Говорят, что это – фантазии, что полеты в небе с помощью волшебной палочки – чушь. Они беспокоятся, что дети перестанут заниматься, подумав, что можно выучить уроки с помощью этой самой палочки. Но утверждение «будешь из всех сил учиться – станешь известным человеком» куда большая ложь (смеется). Хуже нее нет.

«Звезда "Гигантов"»¹⁰⁷ – то же самое. Байки вроде «стал звездой „Гигантов“ после изнурительных ежедневных тренировок». Как раз это и есть ложь. Если они, поверив, начнут так тренироваться, их будет очень и очень жалко. Но дети это прекрасно понимают, их не проведешь.

В этом смысле сюжет – очень интересен.

Далее – это моя версия, но вполне возможно, что история, предложенная Асахарой, поглотила его самого.

В этом опасность сюжета. Его сила – в способности пойти дальше личности, которая станет жертвой. Случись такое, и потом уже не остановить.

Действительно, бывают истории, исходящие из какого-то негатива. Бывает также, что они обладают силой по негативным причинам. Среди писателей есть мастера, умудряющиеся

---

¹⁰⁵ Фантастический сериал (1992-1993) японского мультипликатора Мицутэру Ёкояма (1934-2004).

¹⁰⁶ Традиционный японский цветной платок, в котором обычно носят вещи.

¹⁰⁷ «Гиганты» (Giants) – токийская команда Японской профессиональной бейсбольной лиги.

соткать прекрасную историю из не лучшей запутанной ситуации. Поэтому так непросто сказать, откуда все происходит, но если на каком-то реальном участке негативность пойдет дальше человека, это может приобрести оттенок смертельного фактора.

Поэтому, не исключено, Асахара под конец хотел все остановить, но было слишком поздно. Он хотел, но уже не мог ничего сделать. Пожалуй, то же самое произошло с Гитлером. Когда процесс становится необратимым, остается самому стать жертвой собственноручно созданной истории. Думаю, Асахара наступил на те же грабли.

Вместе с тем до сих пор в мире испытывался дефицит смертельных историй. Поэтому вот такая, предельно простенькая, история Асахары обладала столь мощной силой. В прошлом подобных историй было хоть отбавляй. Этот мир совсем не прост по своей сути, поэтому все заполняли истории о том, как обрести счастье после смерти (смеется). Оттого все восторгались историями Синрана¹⁰⁸. Однако сейчас все чересчур увлечены жизнью в этом мире, и смерть для них – темное место. А тут явился он – и увлек за собой восхищенную молодежь. Понятное дело.

Я вот размышляю как писатель, и думаю, что нет историй, которые не исходили бы из негатива. Настоящий объем и глубину историям почти всегда придает негатив. Вопрос только в том, где отрегулировать этот негатив по отношению к остальному миру, в каком месте прочертить разделительную линию. Для этого необходимо чувство баланса.

Да, необходим подходящий момент, чтобы ухватить и удержать такой негатив. Так называемый «период порождения». И чем длиннее он, тем, соответственно, больше появится естественным образом позитива. То же самое можно сказать о позитиве. Слышать не могу дурацкие байки о тех, кто просто так додумался до чего-то позитивного {смеется}.

История Асахары в конечном итоге пропитана его паранойей, и проблема в том, что общество не смогло приготовить действенную историю-вакцину, способную эту самую паранойю побороть.

Думаю, это было большим упущением. Япония в каком-то смысле – не такая уж религиозная страна. И вместе с тем ее нельзя назвать страной, существующей вне религии. Поэтому такое возникает вдруг.

Работая над книгой, я подумал: хотя у общества не было заготовлено вакцины, способной предотвратить подобный инцидент, в рассказах каждого отдельного человека чувствовалась реальная сила. Некая потенциальная сила. Так вот, если собрать все эти истории, да нанизать их одну на другую, там образуется некая мощь. При работе над книгой я не мог не чувствовать отчаяния многих, но думаете, я из-за этого стал пессимистом? Ничего подобного. Наоборот, я ощущал нечто вроде надежды. Правда, когда дело дойдет до вопроса, как социально выявить каждое отдельное усилие, по-прежнему будет царить полная растерянность.

Это особенность Японии. Когда приехали христианские миссионеры, они считали, что нет более удобной для проповедей страны. Они полагали, что здесь возможно заполучить изрядное количество христианских верующих. Не тут-то было. Что-то здесь есть, поэтому пробиться внутрь не так просто. Смотришь, что же там такое – все очень позитивно. А позитивность внушает спокойствие. Однако стоит начать выяснять, какой эта позитивность формы, объяснить как следует не получается. Все очень сложно.

Есть такая самопротиворечивость. Предохранить от возникновения будущих «Аум Синрикё» невозможно, а вот если такое явление уже возникло, сил избавиться от него – вполне

---

¹⁰⁸ Синран (1173-1262) – основатель буддистской секты «Дзэ до Синеню:», автор ряда легенд о стране Этиго (ныне префектура Ниигата).

достаточно. Сил естественного исцеления. Поэтому, с одной стороны, можно сказать, что неспособность предотвратить такие инциденты, как с «Аум Синрикё» – это поражение общества, но при этом можно ощутить некую общественную прочность, что сильнее самого общества. Глядя на все это, постепенно перестаешь понимать, что правильно, а что – нет.

Я вас понимаю. Все так и есть.

Есть планы по переводу этой книги на английский язык. Так вот, по-моему, в ней окажется немало мест, вряд ли понятных иностранцам.

Мне тоже так показалось. Что подумают американцы, прочитав ее. В этом смысле хочется, чтобы они непременно прочли.

Также хочется порекомендовать книгу иностранцам, чтобы они узнали, что за страна – Япония. И все это время мне хотелось, чтобы книгу прочли верующие «Аум Синрикё». В конечном итоге, чтобы растопить глыбу, скованную сюжетом Асахары, остается лишь использовать иную историю. Ничего хорошего от присущих культборцам убеждений, вроде «здесь – правильно, там – ошибочно, поэтому возвращайся сюда», не будет.

Я вот что думаю: предчувствие «что-то в современном мире не то, что-то ошибочно» в некоем смысле естественно. Что удивительного, если люди не любят свою школу, свою фирму? Я тоже все это не любил. Поэтому в качестве жизненного мотива стремление отстраниться от таких мест, расширить свои душевные рамки вовсе не ошибочно. Поэтому я не могу взять и сказать: «брось это дело, вернись в школу, вернись в фирму, так будет правильно». Однако не стоит глотать подобный негатив – дела пойдут куда лучше, имейся у нас большой позитив. Если перефразировать, «историю поглощает... еще большая история». В конечном итоге это будет даже не борьба добра и зла, а борьба масштабов.

Когда в разговоре прозвучала фраза «...когда превысило добро и зло», я вспомнил вот что. Может, это прозвучит не совсем прилично, но во время сбора материала я на своей шкуре почувствовал следующее. Консистенция ущерба у каждого пострадавшего во время газовой атаки в токийском метро перекликается с некой личной ущербностью, издавна присутствовавшей в каждом из них.

Именно так. Потому что ущерб принял каждый из них сам. Пусть он был незначительным, но после инцидента эта ущербность проступает, внезапно увеличившись. Описывать такие вещи трудно еще и потому, что постепенно проявляются скрытые пораженные участки каждого человека. До мелких подробностей личного характера. Вот в этом вся сложность.

Но дело не только в том, что в бессмысленном инциденте случайно пострадали невинные горожане. Есть внутренняя и внешняя часть, и они, вне зависимости от нас, частично связаны между собой. В этом смысле проделанная для написания этой книги работа имела огромный смысл, но одновременно с этим была до содрогания страшной. И даже теперь, спустя время после опубликования, я это ощущаю вновь и вновь.

Однозначно страшно. Все это. Поэтому я в повседневной жизни по возможности стараюсь держать себя неприветливо (смеется). Приветливость не к месту может привести к жутким последствиям. Ей-богу.

ЖИЗНЬ СО ЗЛОМ НА РУКАХ **Вторая беседа с господином Хаяо Каваи**

Этот диалог состоялся в Киото 10 августа 1998 года.

В ту пору, когда я задумывал «Подземку», подавляющий интерес общества был устремлен в сторону виновника газовой атаки в токийском метро – «Аум Синрикё». Мне же хотелось

приземленным взглядом описать пострадавшую сторону – простых людей. Причем сказать не только «вот какие несчастные эти пострадавшие». Но когда материалы обобщились в книгу, у меня возникло острое чувство, что одного этого недостаточно. Внутренне заострив взгляд на подобной мысли, я подумал: нужно присмотреться еще раз – теперь к стороне «Аум Синрикё». Не сделаю я этого, вряд ли выявится общая картина.

Разумеется, так оно и есть.

Прежде всего я взял интервью у некоторых бывших и нынешних верующих, и как писатель, признаться честно, проникся глубоким интересом к осознанию проблем – общих для представителей стороны «Аум Синрикё». Проявление таких моментов оказалось отчетливей, нежели во время бесед с пострадавшими. Однако меня особо не заинтересовали способы протекания процессов осознания этих проблем. Наоборот, говоря об упомянутых в «Подземке» пострадавших, у меня остался интерес к течению самих проблем. И несмотря на то, что и та, и другая сторона обременены однородными проблемами, живут они, руководствуясь разнородным сознанием. Я это чувствовал душой.

Вы писали: то, что делают люди «Аум Синрикё», чем-то походит на труд писателя. Но одновременно существует немало различий. Мне такое суждение показалось интересным.

Но одновременно с этим, беседуя с ними по душам, я не мог не ощущать факт существования непровержимых точек соприкосновения между процессом написания книги писателем и процессом востребования ими религии. Есть между ними нечто очень схожее. Это факт. Но даже при этом невозможно утверждать, что два эти действия имеют общие корни. В смысле, одновременно со сходством существуют различия, имеющие решающее значение. Беседуя с ними, именно этот момент пробудил во мне частный интерес – но также он пробудил во мне чувство, похожее на раздражение.

Из предисловия к материалу
«После "Подземки"». опубликованному
в апрельском номере альманаха «Бунгэй сյондзю».

Я это чувствовал очень остро. Сфокусировав сознание и в каком-то смысле погружаясь вглубь собственного бытия, я подумал, что между написанием литературного произведения и востребованием религии существует некий общий пласт. В данном контексте, мне кажется, я смог правильно понять религиозные воззрения, о которых они говорили. Но отличие в том, до какой степени каждая из сторон в конечном итоге возьмет на себя субъективную ответственность за содеянное. Откровенно говоря, мы, каждый сам по себе, несем ответственность за свои сочинения. Мы обязаны это делать. А они, в конечном итоге, отдают все на откуп гуру и учению. Попросту говоря, в этом и заключается решающее отличие.

Даже если в процессе беседы разговор заходит о религии, в их словах не чувствуется простора. Я долго размышлял, кто мы и почему. И в конце концов пришел к такой мысли: мы воспринимаем структуру мира инстинктивно, принимая его за китайскую шкатулку. Внутри шкатулки есть еще одна, внутри той – еще. Подсознательно мы понимаем, что за пределами мира, который мы видим, – а может, и внутри него – существует другая шкатулка. Такое понимание придает нашему миру объем, глубину. Если музыкальными терминами – придается обертон. Однако люди из «Аум Синрикё» хоть и требуют на словах «инога мира», но для них способ организации реального мира до странности одномерен и плосок. В какой-то момент расширение мира прекращается. Некоторые вообще воспринимают мир как одну-единственную шкатулку.

Это чувствуется. Всецело так.

Например, есть там такой персонаж по фамилии Дзёю. Он твердо стоит на своем, пускает в ход искусные уловки. Его слова работают и имеют резон лишь внутри обособленной

шкатулки. Дальше они не идут. Поэтому – что естественно – не имеют отклика в сердцах людей. Но зато они просты, тверды и законченны. Он тоже это прекрасно понимает и умело использует в своих целях как недозволенный прием. Собеседник не может его опровергнуть. Понятно, что в словах его отсутствует глубина, и они очень странные, но веского контраргумента не находится. Поэтому все нервничают. Но спрашиваешь людей «Аум Синрикё» – и все они говорят, что второго такого умного, как Дзёю, больше нет. Слепо его почитают. Им очень трудно объяснить, что здесь не так. Потому что придется объяснять ограниченность этой самой шкатулки.

Да, действительно непросто. Однако если задуматься, в наши детские годы все так же запросто шли убивать. Потому что была война. Причем некоторые совершали дикое, получая за это ордена. Что считалось верным, пока все находились в шкатулке.

Встречаясь с людьми из «Аум Синрикё», мне не раз приходило в голову, что многие из них – «неплохие ребята». Признаться, среди пострадавших индивидуальностей с твердым характером было куда больше, чем среди верующих. Хорошо это или плохо, но в голове крутилась мысль: это и есть общество. В сравнении с чем, о верующих «Аум Синрикё» можно лишь сказать, что они все – сплошь приятные люди.

Потому, что общество будоражат как правило «хорошие парни». Плохие ничего подобного сделать не могут. Если среди «плохих парней» и есть убийцы, то их единицы. В основном губят людей добропорядочные личности. Часто приходится слышать, что убитых из злых побуждений можно сосчитать по пальцам, а большинство убийств происходит во имя справедливости. Выходит, сделать что-либо благое – весьма непростое дело. А люди из «Аум Синрикё», что ни говори, одержимы «добрыми делами».

Вот как?

К тому же, как вы и говорили, все они очутились в шкатулке. Внутри шкатулки под названием «хорошие детки». Действительно, это безгранично опасное явление, но, даже осознавая его, они действительно неплохие ребята. Все они должны обладать, как бы это сказать, некоего рода порядочностью, искренностью. Иначе люди не пойдут в секты подобного рода.

Действительно, таких, кто поступает на работу в обычную фирму из «благих побуждений», попросту нет.

Поступают без всяких побуждений... все (смеется).

Но в случае с «Аум Синрикё» для вступления в организацию непременно есть и «благие побуждения», и благие цели тоже.

К тому же они отказываются от всех благ этого мира.

Я вот тут подумал, отказаться от всего – такое облегчение.

У каждого по-разному. Немало людей, которые пытаются отказаться, но не могут этого сделать. Есть и такие, кто сделал вид, будто отказался, но на самом деле оставил все рядышком. Пожалуй, я тоже один из них (смеется).

Однако разговаривая с такими, поражаешься, как легко они уходят из дому. В ходе беседы как бы так между делом неожиданно: «...так и ушел из дому». Я их переспрашиваю: «Подождите-ка, уйти из дому – это отказаться от всего: семьи, работы, состояния. Это ведь очень серьезный шаг», – но в большинстве случаев не кажется, что они «прыгнули с площадки

храма Киёмидзу»¹⁰⁹.

Если подумать, нет никого, кто уходит в иной мир с поклажей. Все уходят, оставив все в мире этом. Так вот, уход из дому – все равно что смерть. Переселение в мир иной. Можно сказать: оно, конечно, – облегчение, что человеку становится хорошо. Но все же мы живем в мире этом, поэтому одновременно с отказом от вещей мы принимаем существующие в нем страдания; и необходимо одновременно иметь и то, и другое. Кто этого не делает, не заслуживает доверия. Пропадает такое понятие, как конфликт.

Но, по их словам, собственничество раздувает «чувственные страсти» людей, истощая их. Поэтому необходимо отбросить чувственные страсти и принять очищение.

Поэтому пока присутствуют чувственные страсти и нет истощения, не будет религии. Отбросивший эти самые чувственные страсти человек становится Буддой.

Отказ от чувственных страстей – это не подвижничество.

Угу. Это уже – Будда, не нравственное развитие людей. Но у нас нет ни Бога, ни Будды. Поэтому можно считать, что у нас уже нет чувственных страстей, хотя они, похоже, пока еще есть... У Синрана разве не так? Только посчитают, что его уже нет, а он тут как тут. И так постоянно. Синран делал это последовательно, потому и достиг вершин. Подражай он с самого начала – и никто бы о нем не говорил.

Поэтому у появляющихся здесь людей «Аум Синрикё» мало сил для поддержания чувственных страстей. К сожалению. Если проследить за ними в ином свете, можно сказать, что они чище нас, обывателей, лучше рассуждают. Сказать можно, однако все это очень опасно. Жили бы все они в стране Будды – и никаких вопросов. Но пока они обитают в этом мире, все очень непросто. Поэтому я считаю: до тех пор, пока они живут в нашем мире в облике людей, освободиться от чувственных страстей фактически невозможно.

Но среди них однозначно есть такие, кто «не может жить в обществе». Они изначально находятся где-то в стороне от моральных критериев обычного общества. Не знаю, сколько это процентов от общего населения, но плохо это или хорошо, однозначно существуют люди, которые не могут находиться в системе общества. Думаю, ничего плохого, если для них найдется нечто вроде «их тарелки».

Из всего, что вы говорили, с этим я согласен более всего. Общество живет в полном здравии – значит, есть место для их существования. Люди глубоко ошибаются, полагая, что избавься от таких людей – и общество станет здоровым. Это большая ошибка. Наоборот, таких мест в нынешнем обществе крайне мало.

Все, кто вышел из «Аум Синрикё», в один голос заявляют, что нисколько не жалеют о том, что были в секте.

Если не брать в расчет тех, кто был причастен к преступлениям, эти люди, которых вы интервьюировали, ничего не знали. Поэтому естественно, что они ни о чем не жалеют и подумывают продолжать членство. Вы правы: положим, скажешь им, бросьте все это – бросят, а что взамен? То же самое с пацанами, нюхающими ацетон. Кто угодно может им сказать: нюхать ацетон плохо, бросьте это занятие. Да они и сами прекрасно знают, что это плохо. Но пока у них не возникнет иного мира, заставить их бросить практически невозможно. Как и любителей выпить. Кто неправ, говоря, что нужно бросить пить? Однако человек продолжает выпивать именно потому, что тот мир имеет для него смысл. Поэтому откровенно жаль тех, кто

---

¹⁰⁹ Японская поговорка, означает «решиться без колебаний».

вышел из «Аум Синрикё».

Действительно жаль.

Припоминается, среди опрошенных встречались те, у кого вскоре после вступления в «Аум Синрикё» улучшалось состояние здоровья. И я это прекрасно понимаю. Такие приходят и по нашей части. Так вот, принимаешь их, беседуешь и думаешь. Вступают они в секту, вроде «Аум Синрикё», и их всех можно там собрать. Говоря вашими словами, раз – и все оказываются в одной шкатулке. И так как все происходит разом – оп, и они уже здоровы.

Понимаю.

Но когда они там окажутся, возникнет другая важная проблема: что делать со шкатулкой? Поэтому мы стараемся лечить таких людей, не запуская их в шкатулку. А раз так, потребуется немало времени. Но вот о чем я недавно подумал. Потребуется немало времени – это естественно.

На это мне есть что сказать: «Хотите быстро выздороветь – обращайтесь в другое место. Здесь быстро не выздоравливают». Посетитель удивляется. А я ему: «Я пока не знаю, насколько вы сами настроены выздоравливать. Атак как вы не готовы к выздоровлению, а увлечены жизнью, поэтому действительно потребуется немало времени. Поэтому если хотите непременно выздороветь быстро, для этого есть другие места».

Не устраивает, что это будет долгий процесс, – найдите другое место. Но они все понимают. Некоторые говорят: «Ничего страшного, если не выздоровею». Более отчаянные заявляют: «Я пришел сюда не для этого». Ничего так, да?

Есть среди них такие, кто говорит: «Хожу я к вам, хожу, но несколько не выздоравливаю. Говорят, если пойти туда-то, сразу пойдешь на поправку». А я им: «Желательно туда не ходить, но если очень хочется, удерживать не стану. Наоборот, можете вернуться когда угодно». Так вот, идут они туда, убирают им симптомы. А вот потом-то как раз и начинается. Возвращаются в жутком состоянии. Но уже имеют опыт, и говорят: «Давайте не будем торопиться?» И все начинается сначала.

«Попасть в шкатулку» на языке культа звучит так: «Беспрекословное обращение в веру».

Именно. Беспрекословное. Говоря, что это легко, действительно, легко и хорошо. Смотришь на них – и начинаешь сомневаться в этом мире: как-то все слишком странно. Так вот – «самое странное»: оказываешься в шкатулке, и фразой «это – карма» все полностью аккуратно подстраивается под объяснение.

Для них это важно – полностью аккуратно подстроить под объяснение.

Верно. Правда, ни в коем случае недопустима логика «полной подстройки под объяснение». По-нашему так и есть. Однако обычным людям нравится, когда все можно объяснить.

Да, такое хочется всем. И это касается не только религии, но и обычных средств массовой информации.

Я вот что еще подумал. Сёко Асахара – весьма и весьма противоречивый человек. У него много недостатков, и в разных смыслах он – жалкая личность. Но, сдается мне, это в результате даже и лучше. Был бы он опрятный, галантный, красноречивый – и люди вряд ли пошли за ним.

Умеет ладно объяснять, вроде все понимает – основателю секты должна быть присуща некоторая непостижимость. По этой части он не обижен природой. Но мы-то понимаем. Когда достигаешь такого положения, смотришь на все, что происходит вокруг, и пронизательность как бы сама собой обостряется. Конечно, случаются нелепые ошибки. Ошибаться-то он

ошибается, но ему в полной мере дано интуитивное понимание. Тем он всех и берет. Часто случается, мы тоже с первого взгляда понимаем разные вещи. Честное слово.

Такая харизматическая сила интуиции была и у Гитлера. Он одно за другим предвидел то, о чем не могли догадаться военные специалисты, и поначалу одерживал убедительные победы в войнах.

Именно так. Но в конечном итоге все рухнуло. То же самое – спортсмены. Победы, победы, сплошные победы. В такие минуты они говорят: «Уверен, что не проиграю». И даже когда поражение недопустимо, они думают: «выиграю по-любому», успокаиваются в душе и, как и ожидалось, побеждают. Но если произойдет сбой, с колен уже ни за что не подняться. Хотя у каждого человека бывает такой период: ясность, ясность, полная ясность. В нашей профессии самое опасное – именно это.

В смысле – в карьере психиатра? Принимая пациента, видеть его насквозь?

Да. Или же... думать, что видишь. И как бы заинтересованно угадывать одно за другим. Вроде как: «Помнишь, я говорил, – видишь, так оно и было». Но ничего хорошего в этом нет. Рано или поздно промахнешься. Человеческий фактор. А потом – я не имею в виду Асахару – в голову приходит мысль: «А не сделать мне что-нибудь эдакое?» И – конец.

Я вот что про себя думаю. Будто наделал такого, что сам постепенно перестал понимать. Кажется, что в молодости я понимал все намного лучше. Правда. Действительно, у человека бывает период «ясности», но кто возрадовался этому, пиши пропало.

Я хочу вернуться к прошлому разговору о тех, кто не может ужиться в современном мире. Можете ли вы приготовить для них действенную «их тарелку»?

Люди, если мы о них говорим, создают мир, способный по возможности с пользой удовлетворять их чувственные страсти. Особенно в современную эпоху это становится все непосредственной и эффективней. И то, что сам мир становится непосредственной и эффективней, говорит об увеличении числа людей, не вписывающихся в эти рамки. Как бы мы этого ни боялись. Такая вот сейчас создана система. И нам предстоит думать, как относиться к таким «неподходящим» людям.

В отношении этого определенным воздействием обладают литература и искусство. У них больший вес, но есть такие, кто не способен постигнуть даже такое. Что можно для них сделать? Сложный вопрос. Но размышляя над этим, порой кажется: существуй нечто вроде социального обеспечения, было бы естественным платить таким людям пособия. Вроде как: дадим вам пособие, живите не тужите.

Вот оно что! (смеется)

Занимаясь чем-нибудь интересным, такие люди смогут жить сравнительно неплохо. Я таких тоже порой принимаю. И должен заметить, среди них немало людей, у кого непременно существует свой внутренний мир.

В смысле, вы хотите сказать, хорошо было бы самому обществу – не знаю, официально или как, – но приготовить «тарелки» для таких людей.

Я так думаю, да. Говорят, хорошо, если было бы поменьше людей, считающих социальное обеспечение бессмыслицей; если есть деньги на пособия, то лучше потратить их на экономику страны. Дело не в этом. Просто я считаю: чем здоровее общество, тем сильнее наша ответственность за подобных людей, выражаемая в выплате пособий.

Существует и другое мнение: если не брать в расчет предрасположенность, вызвавшую

такие инциденты с преступлениями против общества и, в первую очередь, газовую атаку в токийском метро, то «Аум Синрикё» как раз и стала бы для этих людей «их тарелкой». В реальности «Аум Синрикё» заявляет, что, ликвидировав преступные моменты, она продолжает деятельность как чисто религиозная секта. Так оно на самом деле или нет? Я понимаю это в качестве доводов, но на самом деле все не так-то и просто.

Поэтому она и является удобной «тарелкой». Но на этом дело не закончится. Когда разговор идет о чисто религиозной организации экстремистского плана, проблем не миновать. Если внутри соберутся этикие «чистые элементы» и снаружи не найдется отъявленного злодея, которого можно убить, то сохранить баланс будет очень сложно. Таким образом, не имея возможности выплеснуться наружу, внутри может разразиться крупный конфликт, который приведет к краху структуры изнутри.

Вот оно что. Тот же принцип, по которому не мог не начать войну нацизм. Чем сильнее он набухал, тем сильнее нагнеталось давление в эпицентре. Не изрыгни его наружу, произошел бы взрыв изнутри.

Да. Поэтому однозначно возникает необходимость внешней агрессии. Асахара постоянно повторял: «Мы подвергаемся нападкам». Невозможно было бы удерживаться, не будь у них внешнего врага.

Ради этого Соединенными Штатами или там франкмасонами постоянно муссируются теории заговоров.

Поэтому настоящая структура не может не удерживать зло. Внутри себя. То же самое – в семье. Нельзя, чтобы в определенной степени зло не сдерживалось внутри дома. Не делай этого, для стабильности структуры придется создавать большое зло снаружи. Как раз так и поступал Гитлер.

Верно.

Поэтому с ними все ясно. «Аум Синрикё» в нынешней ситуации долго не протянет.

Это – та самая «опасность», о которой вы говорили?

Именно.

Однако спрашиваешь у верующих – и понимаешь, что некоторые до сих пор не верят в причастность секты к событиям в токийском метро. Или же соглашаются, но не могут в это поверить.

Они действительно не верят. Считают себя невинными, говорят, секта не могла такого сделать. Однако если собираются массы не способных на злодеяния людей, они все же вынуждены совершать чудовищное зло. Для сохранения самой организации.

В сборище сферического типа внешняя сторона – вроде бы мягкая, но, как я уже говорил, в центре накапливается пар. А внешняя сторона этого не замечает. Большинство верующих размышляют: «Мы живем так, что не обидим даже муху. Почему считают, что мы можем убить человека?»

Прямо чаплинский «Мсье Верду»¹¹⁰! Там матерый убийца, заметив гусеницу, несет

---

¹¹⁰ «Мсье Верду» (1947) – фильм американского актера, режиссера, сценариста и композитора Чарльза Спенсера Чаплина (1889-1977) о банковском клерке, который якобы из лучших побуждений убивал богатых женщин.

ее на цветок. Не трогая пальцем ни одного насекомого, убивает только людей. Люди – конченные существа. Поэтому необходимо осознание, насколько мы несем ответственность за имеющееся в нас самих зло.

Эзотерический буддизм Тибета проводит схожее с «Аум Синрикё» подвижничество. Верующие уходят из дому, проводят медитационные тренировки. Чем же тогда они отличаются?

Я не особо знаком с тибетским буддизмом, но думаю, что они умело справляются с проблемой зла. Когда они работали над переводом этой темы, то сделали все очень просто и доходчиво. Это-то как раз самое трудное: описать в книге, до какой меры сохранять зло, до какой его использовать. Это очень сложно.

На практике ничего не остается, как передавать это знание на основании собственного опыта. Однако если дело дойдет до интерпретации, придется подгонять под смысл.

Если бы люди думали головой, но писали бы о хорошем путем подгонки, зло бы не проникло. В этом отношении кто-то же придумал первородный грех. Европейцы говорят конкретно: «Во всех нас есть первородный грех».

В смысле, что все мы происходим от зла.

Вот-вот. Поэтому и выходит: «Как бы ни старался, а человеку это не под силу». Христос ради этого пошел на крест. Вот таким образом донес. В этом отношении – поразительная религия.

Это весьма отличается от кармы. Карму приходится нести так или иначе. В этом смысле первородный грех непозволителен.

И непростителен. Европейцы от этого страдают, страдают – а потом опять идут убивать. Поэтому как бы ни складывалось, можно сказать, что все это не просто. Только было бы хорошо, если бы в будущем люди стали мудрее и серьезней подходили к проблеме, как иметь дело с присутствующим в той или иной степени злом, будь то какая-нибудь структура или семья. То есть как это выражать, как допускать.

Как в случае с рядом инцидентов с «Аум Синрикё», так и в случае с подростком А. из Кобэ – в некоей злости по отношению к ним со стороны общества я не мог не почувствовать нечто особенное. И вот что я подумал. Человек живет, постоянно неся в системе, именуемой «я сам», частичку зла.

Именно так.

Однако если кто-нибудь под чьи-то аплодисменты единым махом откроет крышку зла, ему придется уставиться в зло, находящееся внутри самого себя. Это как два направленных друг на друга зеркала. Вот я и почувствовал: может, из-за этого люди сердились так беспредельно. Поэтому, например, размещали в журналах фотографии подростка Л. А затем ругались, стоило их публиковать или нет. По мне, так это не столь существенная проблема. Пожалуй, есть более важные предметы для серьезных дискуссий. Но несмотря на это, разговор постепенно уходит в сторону. И все сводится к проявлениям гнева. Или же накидываются на родителей преступников из «Аум Синрикё». Мне кажется, это уже ближе к мести. Во всяком случае, их желают наказать.

Все очень любят наказывать того, от кого не пострадают сами. Беспокоятся, ставя себя на

место пострадавших. Вот и требуют: «Покажите этого злодея – хоть на фотографии, хоть как», – и после этого успокаиваются.

После нашего прошлогоднего разговора о зле я много размышлял, и у меня сложилось впечатление, будто бы зло существует как неразрывная часть системы по имени «человек». Она, эта система, не существует отдельно, ее нельзя заменить – ее можно только уничтожить. Иногда мне даже кажется, что она, в зависимости от ситуации, становится то злом, то добром. В смысле, если направить свет с этой стороны, видна тень зла, а если с той – тень добра. И тогда многое объясняется.

Однако даже при этом существует необъяснимое. Например, глядя на Асахару, на того подростка А., кажется, что бывают такие случаи, когда концентрируется и выплескивается чистое зло, существует даже какая-то раковая опухоль зла. Находясь внутри организма, она возбуждает то, что можно назвать «облучением зла». Вот такое у меня было впечатление. Толком объяснить не получается.

Я думаю, это потому, что наше общество изо всех сил старается не глядеть на такие вещи – не глядеть и, не замечая, идти мимо. В таком случае по-любому выплеснется образовавшийся сгусток.

Например, когда произошел инцидент с подростком А., там вырубали все деревья, чтобы дети не проказничали, прячась в зарослях. Услышав об этом, я сильно разозлился. Ведь все в точности наоборот. Дети растут, творя свои по-детски плохие поступки там, где за ними не присматривают взрослые. Так вот такие инциденты происходят потому, что взрослые смотрят за ними постоянно. Честное слово, разозлился. Я люблю деревья. И могу разозлиться только за одну вырубку деревьев.

У всех узкие взгляды. Какая чушь – этот их подход, будто бы под пристальным надзором вырастут правильные дети. Я думаю, могли бы догадаться, как это непросто – постоянно быть под чьим-нибудь присмотром, – если бы хорошенько задумались об этом.

На эту тему некоторые признавались честно, некоторые отказывались говорить. Но, по словам верующих «Аум Синрикё», у многих были проблемы в семьях, где они росли. Некоторым не хватало родительской любви, некоторые лишились ее в период формирования характера. И таких случаев немало.

Это очень сложный момент. Однако так можно сказать, исходя из общих соображений. Что это такое? Люди изо всех сил думают головой. И когда они оказываются в маленькой шкатулке и пытаются активно размышлять, остановить такое мышление могут человеческие отношения. Там... отец или мать. Чувства. Если они не стоят на месте, попасть в шкатулку никак не получается. Срабатывает настороженность: что-то здесь не так.

В смысле – срабатывает чувство равновесия?

Да, чувство равновесия. Эдакий исправно работающий механизм. Ему труднее всего развиваться без любви родителей.

Поэтому вся молодежь в большей или меньшей степени думает примерно о том, о чем говорят эти люди. Для чего они живут, что хорошего в том, поступи они так или иначе, – они очень серьезно размышляют над разными вопросами. В них протекают естественные чувства, о которых я сейчас упоминал, работает ощущение общего равновесия, внутри всего этого они создают сами себя. Однако у людей «Аум Синрикё» все это кастрировано. И они как были незаметно уходят в секту. Поэтому их откровенно жаль.

Я остро почувствовал это, слушая музыку секты. Слушал-слушал, но так и не понял, что в ней хорошего. В действительно хорошей музыке присутствуют разные оттенки. Оттенки печали, радости. Однако в музыке «Аум Синрикё» этого не чувствуется вовсе. Просто что-то там раздается в маленькой шкатулке: монотонное, без глубины, в этом смысле можно сказать –

гипнотизирующее. Но люди «Аум Синрикё» считают такую музыку прекрасной. И даже ставят мне послушать. Я считаю, что музыка сильнее всего связана с психологией человека, и порой мне становилось просто страшно.

Теперь я хотел бы поговорить о телесности. Например, если заниматься йогой, возникает некоего рода прозрение. Но ведь это не более чем физические упражнения. Однако во всех религиях «ню-эйджа», особенно в «Аум Синрикё», физическое и метафизическое связано принудительно.

Именно. Современный человек так или иначе отдален от телесности. Поэтому все и крутится вокруг головы. Вот они и занимаются йогой – якобы для восстановления телесности. И всё прямо чувствуют. Между таким прозревшим сознанием и сознанием повседневным нет никакой связи. Там-то и происходит надлом. Или же эти люди прозревают легко, поскольку не существует повседневного барьера. И если подобное прозрение в повседневной жизни соединится с подобием разрыва отношений, случится нечто страшное. Например, как бы я ни медитировал, прозрение не приходит (смеется).

У меня тоже.

Верно. Медитируешь, а сам думаешь, когда это все закончится, как уже хочется вкусно поесть (смеется). И если взять самого обычного человека, то его мысли заняты тем, как заработать, как заплатить налоги – ему не до религии. Житейские проблемы куда важнее. И живет себе, совершенно не соприкасаясь с миром духовным. Но даже если не вдаваться в крайности и мы попытаемся медитации подражать, вряд ли выйдет толк, ибо у нас тоже есть чувственные страсти. Однако «чувственные страсти» имеют важный смысл. Вот только мир чувственных страстей этих людей из «Аум Синрикё» весьма слаб.

Поэтому они сразу достигают сатори. Чересчур быстро.

Интересно то, что во многих случаях прозрение слишком быстро достигших сатори людей не идет на пользу другим. В сравнении с этим люди, достигшие сатори в результате длительных мук и страданий («почему я до сих пор не прозрел, почему такое происходит только со мной») пригождаются другим. Смысл имеет именно прозрение поверх полноценного мира чувственных страстей.

У меня тоже во время занятий спортом бывает нечто похожее на прозрение. Но там не просматривается духовный смысл. Просто думаю: пожалуй, бывает и такое. Не знаю, как сказать правильно, – это улавливается в связи с окружающим. А вот те люди уходят туда моментально: мол, занимаются йогой, вот у них и возникает некое прозрение. И они отказываются от всех связей с внешним миром. Я считаю, что это опасность, характерная не только для «Аум Синрикё», но и, пожалуй, всех религий «ню-эйджа». Не станет «Аум Синрикё» – рано или поздно возникнет похожий культ. Вот мое мнение.

Непременно возникнет. Люди, обладающие схожими способностями, еще есть. Сыграй они на них – и обязательно выйдет похожий продукт.

А раз так, то велика вероятность возникновения подобных инцидентов?

Вероятность весьма велика. Поэтому ничего не остается, как считать: до тех пор, куда они не приносят реального вреда, с их существованием придется смириться. Вот только как точно определить «реальный вред»? Те же «Аум Синрикё», когда они появились на сцене, как я считал, несли в себе положительный смысл. Что ставило в затруднительное положение людей, их тогда оценивавших.

У всех в самом начале – пока масштаб невелик – присутствует положительное. Но стоит структуре разрастись, хочешь не хочешь, а все становится сложнее. Как я уже говорил, по мере

роста повышается общее напряжение.

Однако сколько ни есть там «добра», работает центростремительная сила, и шар вынужден неизбежно разрастаться.

Это очень сложный момент. Я считаю, что Асахара на первых порах был весьма чист и обладал изрядной харизмой. Но, как я уже говорил, в момент, когда организация достигла некоего пика, начинается ее падение. Это очень опасно. Пока ты на вершине, все на тебя надеются. Все верят, что ты понимаешь всё, поэтому необходимо калькировать это, подражать. А раз так, становится ясно, что это рано или поздно окончится крахом, – вот и приходится заниматься обманом, прибегая к силе науки. А это уже преступно.

Могут ли не поддаваться этому талантливые служители культа?

Талантливые люди с самого начала не занимаются таким дурачеством. Например, тот же Сиран говорил, что учеников не берет. Но и только. Зато потом образовалась мощная секта. Поэтому я считаю, что в дальнейшем востребование религиозности – личное дело каждого.

Есть возражение. Те, у кого хватает духа сделать это самому, как правило, в религию не обращаются. Я считаю, что спасение в религии ищут по большей части те, кому тяжело в одиночку.

Достаточно не создавать закрытую структуру. Или свободную структуру без правил: вроде – хотите собираться, приходите, а закончится, распускайтесь. Собrania по случаю.

В этом смысле я не стану оптимистом. Глядя на их структуру, становится понятным непереносимое присутствие в ней технократов. Общество мучается вопросом, что там может делать такая элита, но ничего удивительного в том нет. Все они по различным причинам стали не элитой просторного реального мира, а лишь элитой миниатюрного псевдомира. Может, потому, что выйти в просторный мир им было страшно? Такие люди непременно появляются в любом маленьком местечке.

Чтобы не выпускать в свет подобных им, в дальнейшем необходим более серьезный подход к каждому. Для этого необходимо более пристальное внимание к образованию, поскольку нынешняя его форма никуда не годится. Необходимо задумываться над образованием, делающим каждого ребенка крепче. Но даже при этом добрая сотня тысяч детей не посещает школу. Стремительный прогресс за последнее время. И то, что Министерство образования допускает такое, говорит о том, что оно стало совсем иным.

Хорошая мысль. Я тоже не любил школу. Но недавно читал, что где-то проводили опрос – выбирали самые любимые слова японцев. Слово «свобода» оказалось на четвертом или пятом месте. Для меня свобода превыше всего, но самыми любимыми словами японцев оказались «терпение» и «старание».

Ха-ха-ха. А разве не так? Действительно, в Японии самое главное – терпение. Я только и занимаюсь тем, что покоряюсь. Прямо какой-то ниндзя¹¹¹ эры Хэйсэй¹¹² (смеется).

Однако в этом смысле задаешься вопросом: а действительно ли японцам нужна свобода? Особенно я почувствовал это во время интервью с людьми «Аум Синрикё».

---

¹¹¹ В японском слове «терпение (нинтай)» и «ниндзя» имеют общий иероглиф, обладающий двумя смыслами: 1) терпеть, 2) скрываться, тайно, украдкой.

¹¹² Эра Хэйсэй (с 1989) – эра правления 125-го императора Японии Акихито(р. 1933).

Японцы с трудом понимают, что же такое свобода. Все любят своеволие, но боятся свободы.

Поэтому у меня сложилось такое впечатление: хоть и призывай таких людей уйти и свободно жить в одиночку, вряд ли большинство их это перенесет. Все в большей или меньшей степени живут «в ожидании указания». Ждут, пока откуда-то не придет распоряжение. А когда указаний нет, для них это не «свободное состояние», а «промежуточное».

Хоть это и не Фромм¹¹³, но именно «побег от свободы». Поэтому основой образования является обучение с детских лет тому, насколько свобода прекрасна, но вместе с тем – и опасна. Как хотелось, чтобы этим занялись всерьез, но пока ничего не получается. Хотя если заняться как следует, получится непременно. Мне импонируют такие педагоги, мы часто с ними беседуем. Так вот, умелый учитель дает детям свободу. Дает им возможность делать что-то самим. И дети вполне справляются. Понемногу делают и странные вещи, но без них тоже нельзя.

Сейчас все больше и больше забывают голову знаниями. Что приводит к небрежному отношению к познанию жизненной мудрости. Особенно худо дело обстоит в Японии, где с начальной школы детей нагружают учебой. Такая учеба не имеет с жизнью ничего общего. Как-то недавно я разговаривал с Дональдом Кином¹¹⁴ – так вот, он в молодые годы, чтобы получить стипендию, изо всех сил изучал математику. Потому что, занимаясь математикой, можно было получить достаточное количество необходимых баллов. Не знаю, насколько он был прилежен, да вот только эта самая математика никак не пригодилась ему в жизни (смеется). На что я сказал ему: «В том-то и дело».

Когда выпадало свободное время, я старался бывать на заседаниях суда, однако, глядя на исполнителей, я не мог не почувствовать, как печально совершенное ими преступление с точки зрения самого преступления. Конечно, можно сказать, что этот путь они выбрали сами, но в большей или меньшей степени они были подвержены психическому контролю. Поэтому, не вдаваясь в проблему определения меры судебного наказания, до какой степени можно добиваться от них ответственности как от личностей? Этого я определить не могу. Я встретился с таким большим количеством пострадавших, я чувствую по-своему острый гнев по отношению к этому преступлению – и, тем не менее, во мне прочно сидит нечто вроде жалости.

То же самое можно сказать о многих японских военных преступниках класса В и С.

В конечном итоге это проблема системы. Однако система, которая интенсивно и целенаправленно отдает приказы и заставляет их выполнять, большая она или маленькая, возникает естественным образом. Для меня это очень страшно. Почему подобное «ноу-хау» внезапно появляется и за сравнительно короткий промежуток времени затвердевает так, что с ним не поспоришь, остается загадкой. Можно лишь предположить, что естественно или же принудительно работает сила, которая любит подобное присутствие. Действительно, схоже с проблемой суда над военными преступниками. Как ни суди, а проблемы непременно останутся.

ПОСЛЕСЛОВИЕ¹¹⁵

Работая над этой книгой, я, когда позволяло время, старался посещать проходившие в Токийском окружном суде слушания по делу обвиняемых в организации зариновой атаки в подземке. Хотелось самому посмотреть на них, услышать их объяснения, разобраться, что это

---

¹¹³ Эрих Фромм (1900-1980) – немецкий психолог, ученик Фрейда, автор книги «Побег от свободы».

¹¹⁴ Дональд Кин – известный американский японовед, почетный профессор Колумбийского университета.

¹¹⁵ В основу данного текста положена рецензия на книгу Икуо Хаяси «"Аум" и я», опубликованная в октябрьском номере журнала «Хон-но ханаси» («Разговоры вокруг книг») за 1998 г. – Прим. автора.

за люди, понять, что они теперь думают о случившемся. Однако представшая передо мной картина была грустна и безнадежна. Этот процесс напоминал мне комнату без окон и дверей в кошмарном сне, из которой никак не можешь выбраться.

Обвиняемые, почти в полном составе, утратили веру в Сёко Асахару как своего гуру. Учитель, которому они поклонялись, оказался лжепророком; они стали понимать, что их всех использовали во имя исполнения его безумных желаний. Следуя его приказаниям, эти люди совершили ужасные преступления против человечности. Полностью осознав это на суде, они глубоко раскаивались в содеянном. Многие называли своего бывшего вождя без всякого пиетета – просто «Асахара», иногда даже с оттенком презрения. Полагаю, они были искренни в своем раскаянии и своего рода возмущении. Не представляю, чтобы у них изначально присутствовало желание совершить такую жестокость – лишить жизни ни в чем не повинных людей. И тем не менее в какой-то момент они оставили мирскую жизнь и в поиске духовных идеалов пришли в «Аум Синрикё». От этого своего поступка эти люди не отказались и не жалели о нем. По крайней мере, так мне показалось.

Их приверженность своему выбору проявилась на процессе. Когда обвиняемых просили подробнее объяснить, что представляет собой учение «Аум Синрикё», они повторяли: «Вообще-то обычному человеку это понять трудно...» Из-за особого тона, каким произносились эти слова, не могло не сложиться впечатление, что эти люди по-прежнему верят: наш духовный уровень выше, чем у простых смертных, мы – избранные. Имелось в виду, хотя вслух и не говорилось, вот что: «Мы очень сожалеем о том, что совершили преступления, и искренне раскаиваемся. Это была наша ошибка. Но в конечном итоге виноват во всем Сёко Асахара, обманывавший нас и отдававший ошибочные приказы. Если бы этот человек не утратил благоразумия, мы бы тихо-мирно исповедовали свое учение, делали бы все правильно, никому не причиняя беспокойства». Иными словами: «Результаты получились удручающие, нам жаль, что так вышло. Однако цели "Аум Синрикё" в основе своей не несут ошибок, и отвергать их целиком нет необходимости».

Непоколебимая убежденность в «правильности пути» обнаруживается не только у последователей «Аум Синрикё», с которыми мне довелось беседовать, но даже у бывших членов секты, теперь относящихся к ней критически. Им всем я задавал вопрос, не жалеют ли они о том, что в свое время пришли в «Аум» и, став послушниками, выпали из реального мира и столько лет потратили зря. Почти все отвечали: «Не жалею и не считаю, что эти годы прошли напрасно». Почему? Ответ прост. В «Аум» они находили чистоту помыслов, которой не могли обнаружить в миру. Пусть в финале это обернулось кошмаром, но теплые, лучащиеся светом воспоминания, когда все еще только начиналось, живут в бывших «аумовцах» до сих пор, и заменить их чем-то другим совсем не просто.

Можно сказать, что в этом смысле путь «Аум Синрикё» по-прежнему жив для этих людей. Не хочу сказать, что когда-нибудь бывшие «аумовцы» вернутся в секту. Сейчас даже им стало ясно: по своему устройству «Аум» – очень опасная система, и за годы, проведенные в секте, было много противоречивого и неправильного. Насколько я понимаю, невозможно дважды вступить в одну и ту же реку. И все же у меня возникло ощущение, что «Аум» как идея в большей или меньшей степени еще живет в их душах как один из основополагающих принципов существования. Живет как идеал, имеющий конкретный образ, как память о свете, как оттиск изображения. И если однажды перед их глазами возникнет нечто, несущее в себе похожий свет (это нечто может быть связано с религией или не иметь к ней никакого отношения), они могут пойти за этим нечто, подчиняясь внутреннему зову, независимо от своей воли. В этом смысле самую большую угрозу для нашего общества представляет не «Аум Синрикё», а явления, которые можно назвать клонами этой секты.

После того как в подземке распылили зарин, все внимание общества сосредоточилось на «Аум Синрикё». Снова и снова задавался вопрос: «Как получилось, что люди с таким образованием, можно сказать представляющие элиту, оказались в непонятной и опасной новоявленной секте?» В высшем звене «Аум» действительно был целый ряд лиц, окончивших элитные учебные заведения (хотя это как бы выставлялось напоказ). Неудивительно, что это вызывало шок. Тот факт, что представители элиты с легкостью отвергли гарантированное им

место в обществе и ушли в новую религию, свидетельствует о наличии роковых изъянов в современной японской системе образования. Об этом серьезно говорили многие.

Однако чем больше я беседовал и теми, кто еще оставался последователями «Аум», и с бывшими членами секты, тем больше убеждался: эти люди выбрали свой путь не вопреки тому, что относились к элите, а, напротив, именно в силу принадлежности к ней.

Может, это сравнение покажется неожиданным, но «Аум Синрикё» чем-то напоминает довоенную Маньчжурию. В 1932 году Япония создала там государство Маньчжоу-го¹¹⁶. Тогда тоже молодежь – продвинутые и энергичные технократы, технические специалисты, ученые – бросали насиженные места в Японии и отправлялись на материк, полный, как им казалось, новых возможностей. В большинстве своем они были молоды, полны честолюбивых замыслов, хорошо образованны и необыкновенно талантливы. Они считали, что не смогут найти эффективный выход своей энергии, пока живут в японском государстве с его насильственно-принудительной системой. Именно по этой причине они пустились на поиски новой обетованной земли, к которой легче приспособиться, где можно экспериментировать. В этом смысле – даже если иметь в виду одно это – их стремления были чисты. Они были идеалистами и вдобавок ставили перед собой «великую цель» – с уверенностью, что идут правильным путем.

Проблема заключалась в том, что всему этому не доставало чего-то очень важного. Сейчас нам понятно чего: верного, объемного понимания истории или, более конкретно, единства слова и дела. Красивые гармоничные лозунги типа «Гармония пяти рас», «Восемь углов под одной крышей»¹¹⁷ стали жить самостоятельной жизнью, а неизбежно возникающая на этом фоне нравственная пустота утонула в кровавой реальности. И амбициозные технократы исчезли в бурном водовороте истории.

События, связанные с «Аум Синрикё», происходили совсем недавно, поэтому сейчас мы не можем точно определить, чего же не хватило на этот раз. Но в широком смысле, по-моему, к «Аум» применима описанная мною ситуация с Маньчжоу-го: отсутствие широкого видения мира и проистекающий из этого разрыв между словами и делами.

У каждого представителя научно-технической элиты, наверное, имелись свои причины отказаться от благ, которые им приносил наш мир, и уйти в «Аум». Но у них было и общее – то, что их объединяло: желание направить полученные специальные навыки и знания на службу более глубокой и значимой цели. Не мог не вызывать серьезных сомнений крупный капитал с его бесчеловечной погоней за голой выгодой и общественная система, в которой выхолащивались качества и усилия этих людей, да и сам смысл их существования.

Икуо Хаяси, расплывшего зарин на линии Тиёда, что привело к смерти двух работников метро, с полным основанием можно отнести к такому типу людей. У него была репутация отличного хирурга, заботливо относящегося к своим пациентам. Именно потому что он был хорошим врачом, Хаяси перестал доверять современной медицине, в которой хватает противоречий и недостатков, и в итоге был вовлечен в активный духовный мир (блестящую, без единой пылинки, утопию), предложенный «Аум Синрикё».

Вот что пишет Хаяси в своей книге «"Аум" и я» о том, какое представление у него сложилось об «Аум Синрикё», когда он стал послушником:

В своих проповедях Асахара говорил о плане построения Шамбалы, включавшем строительство «деревни Лотоса». В ней должны были быть «астральная больница» и «школа Синри»¹¹⁸, которая давала бы полноценное образование. <...> Предполагалось, что в больнице будут применяться так называемые «астральные методы лечения», основанные на представлениях Асахары об ином (астральном)

¹¹⁶ Государство, образованное японской военной администрацией на оккупированной Японией территории Маньчжурии. Существовало с 9 марта 1932 г. по 19 августа 1945 г. Фактически контролировалось Японией и целиком следовало в русле ее политики.

¹¹⁷ Лозунги, активно использовавшиеся официальной японской пропагандой для идеологического оправдания агрессивной политики, проводимой Японией в 30-40-е гг. XX в.

¹¹⁸ Школы Истины

измерении и воспоминаниях о прошлых жизнях, прожитых им в медитации. Астральная медицина исследует карму больного и его энергетическое поле, учитывая фактор смерти и переселения душ. <...> Я представлял утопающие в зелени здания, где люди учатся и лечат других, вкладывая в свое дело всю душу. Вот такой мне виделась «деревня Лотоса».

Таким образом, Хаяси мечтал посвятить себя этой утопии и, не запятнав себя мерзостями земной жизни, через напряженные духовные практики прийти к тому, чтобы самозабвенно лечить людей и сделать счастливыми как можно больше пациентов. Чистые и искренние побуждения, признаю, и нарисованная им картина сама по себе великолепна. Но стоит сделать шаг назад – и станет абсолютно ясно, насколько далеки от реальности эти наивные рассуждения. В наших глазах представления Хаяси выглядят как некий непонятный пейзаж, созданный человеком, начисто лишенным ощущения перспективы. И тем не менее, если бы кто-то из нас был личным другом Хаяси в то время, когда тот собирался в послушники, и пожелал доказать ему, как он оторвался от жизни, это была бы необыкновенно трудная задача (хотя, возможно, теперь сделать это было бы еще труднее).

Однако, собственно, мы должны сказать доктору Хаяси одну очень простую вещь: «Реальность складывается из хаоса и противоречий, и, если их удалить, то, что останется, уже не будет реальностью. Можно подумать, что, следуя языку и логике, которые, на первый взгляд, представляются весомыми и обоснованными, кусочек реальности все-таки удастся исключить, но эта отброшенная действительность непременно будет поджидать вас где-то в готовности отомстить».

Впрочем, скорее всего, эти аргументы не убедили бы доктора Хаяси. Пустив в ход техническую терминологию и формальную логику, он дал бы им решительный отпор, красноречиво доказывая, сколь верен и прекрасен путь, которым он намерен следовать. Так что, вполне возможно, у нас не нашлось бы подходящих слов, способных победить эту логику, и в какой-то момент пришлось бы просто замолчать. Печально, но факт: слова и логика, оторванные от реальности, иногда имеют больше силы, чем реальный язык и логика (при этом каждое действие становится сопряжено с чужеродными элементами, камнем тянущими нас к земле). И в итоге мы расходимся в разные стороны, так и не поняв друг друга.

Записки Икуо Хаяси заставляют остановиться и задуматься, задать себе простой вопрос: «Почему этот человек пришел к тому, к чему пришел?»

Одновременно нас охватывает бессилие: мы оказались неспособны остановить его, и одолевает непонятная, странная грусть. Мучает ощущение пустоты – прежде всего из-за того, что человек, который должен был быть самым рьяным критиком «утилитарного общества», взял на вооружение «утилитарность логики» и стал причиной смерти многих людей. Нас часто передергивает от разговоров, что ходят в народе, от всей этой болтовни в духе «ню-эйджа». Причина в том, что все эти толки – не «сверхреальность», а лишь легкомысленная карикатура на реальность.

Но разве найдется человек, думающий о себе: «Я маленькая незаметная личность, поэтому если меня перемелет в шестеренках общественного механизма, ничего особенного не произойдет»? Все мы, в большей или меньшей степени, по возможности хотим разобраться в том, зачем рождаемся, живем на Земле, а потом умираем и исчезаем. И не следует особенно осуждать искреннее стремление найти ответы на эти вопросы. Тем не менее как раз здесь и можно «нажать не ту кнопку», сделать роковую ошибку. Реальность начинает искажаться, и ты вдруг замечаешь, что край обетованный превратился в нечто иное. Это уже совсем не то, чего ты ищешь. Как это у Стрэнда... «Горы – уже не горы, солнце – не солнце».

Чтобы люди, подобные Икуо Хаяси, не появлялись снова и снова, нашему обществу нужно как следует задуматься над вопросами, которые поставили перед нами в такой трагической форме деяния «Аум Синрикё». Многим кажется, что эти события их уже не касаются. Такие люди говорят: «Они остались в прошлом. С ними покончено. Да, это было очень серьезно, но почти все преступники арестованы, мы прошли через это, и нам больше нет до этого дела». Однако надо понять, что большинство тех, кто ищет смысл жизни в

религиозных культах, вовсе не являются ненормальными. Это не отщепенцы или эксцентрики, а обыкновенные (возможно, даже чересчур обыкновенные) люди, живущие рядом со мной или с вами.

Быть может, они смотрят на жизнь немного серьезнее, чем мы. Или сердца их более ранимы. Они не умеют открываться перед окружающими, и это их угнетает. Неспособны найти подходящих средств самовыражения и разрываются между гордостью и собственными комплексами. Таким могу быть я, можете быть и вы. И стена, отгораживающая повседневность от культа или секты, которые несут опасность людям, может оказаться гораздо тоньше, нежели мы предполагаем.